

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Журнал Санкт-Петербургского международного
криминологического клуба

The journal of St. Petersburg International
Criminology Club

2019

1

2

3

4

Не трогайте Россию, господа!
Ей больно и без вашего укора.
Она по части самоговора
Себе не знала равных никогда.

Не трогайте Россию, господа!
Что нужно Вам, и сытым, и одетым,
От той страны, что, выручив полсвета,
Сегодня и печальна, и бедна.

Припомните, как Вас она спасла
В годину разрушительных набегов.
И вот теперь не с вашего ли брега
Несётся равнодушная хула?

Не трогайте Россию, господа!
Теперь Вы славословите правдивость,
Но слепо верить в Вашу справедливость –
Занятие, достойное шута.

Россия не бывает неправа.
Уставшая то плакать, то молиться,
Она простит и вора, и блудницу,
Простит и Вас за глупые слова.

Она простит, а мне до склона дней –
Стыдиться Вас в смятении брезгливом
За то, что Русь по выкрикам визгливым
Узнает о Болгарии моей.

Не трогайте Россию, господа!
Ведь Вы её не знаете, невежды.
Великая терпеньем и надеждой,
Она – иному миру не чета!

Не трогайте Россию, и она
И в этот раз уверенно и гордо
Без лишних фраз решит свои кроссворды,
Пречистою от зла ограждена.

Да Вы её должны благодарить
Уже за то, что есть она на свете,
За то, что Вам и Вашим детям
Одну судьбу с её судьбой делить.

А коль помочь не можете – тогда
Изыдите, хотя бы не мешая.
Иначе – за себя не отвечаю.
Не трогайте Россию, господа!!!

Дончо Нанов Дончев

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба
№ 4 (55), 2019**

Санкт-Петербург
2019

ББК 67
УДК 343
К 82

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

кандидат технических наук, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызская Республика)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)

Алиев Назим Талат оглы

доктор философии по праву, доцент (Баку, Азербайджанская Республика)

Арнольд Йорг

доктор права, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, Соединённые Штаты Америки)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Корецкий Данил Аркадьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Лепс Андо

доктор юридических наук, профессор (Таллин, Эстонская Республика)

Лунеев Виктор Васильевич

доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Федеративная Республика Германия)

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Кононова Валентина Николаевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Дикаева Милана Салмановна

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2019. № 4 (55). 120 с.

Журнал выходит с марта 2001 года. Первоначальное название – «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, криминологические отрасли, частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невшско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб.

191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, юридический факультет.

Телефон: (812) 312–42–07, доб. 224

Факс: (812) 312–99–10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010 г.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 11285

Тираж 1050 экземпляров

ISSN 2218-8576

© Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, 2019

© Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2019

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A.I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

The journal of Saint-Petersburg
International Criminology Club
no. 4 (55), 2019

St. Petersburg
2019

ББК 67
УДК 343
К 82

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputy editors

Dikaev Salman Umarovich

Doctor of Laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Minenok Mikhail Grigorevich

Doctor of Laws, professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD in Philosophy, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of Philosophy, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galievna

PhD in technical sciences, Doctor of Laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alaukhanov Esbergen Orazovich

Doctor of Laws, professor (Almaty, Kazakhstan)

Aliev Nazim Talat ogly

Doctor of Philosophy in Law, associate professor (Baku, the Republic of Azerbaijan)

Arnold Jorg

Doctor of Laws, professor (Freiburg, Germany)

Gondolf Edward

Doctor of Psychology, professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of Laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of Laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Koretskiy Danil Arkadievich

Doctor of Laws, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Kury Helmut

Doctor of Psychology, professor (Freiburg, Germany)

Leps Ando

Doctor of Laws, professor (Tallinn, Estonia)

Lunev Victor Vasilevich

Doctor of Laws, professor, Laureate of the Russian National Award,
the Honored science worker of Russia (Moscow, Russia)

Milyukov Sergey Fyodorovich

Doctor of Laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Sessar Klaus

Doctor of Laws, professor (Hamburg, Germany)

Shestakov Dmitry Anatolyevich

Doctor of Laws, professor, the Honored science worker of Russia
(Saint-Petersburg, Russia)

Proof-reader

Kononova Valentina Nikolaevna (Saint-Petersburg, Russia)

Translator

Dikaeva Milana Salmanovna

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. The journal of St. Petersburg International Criminology Club. 2019. no. 4 (55). 120 p.

The journal has been published since March 2001. The original name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of the St. Petersburg International Criminology Club, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club
Nab. Moyki 48 The Herzen State Pedagogical University of Russia, Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia
Phone: (812) 312-42-07, additional 224
Fax: (812) 312-99-10
E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal has a full electronic version on the site of the journal <http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue «Press of Russia» – 11285

The circulation 1050 copies

ISSN 2218-8576

© St. Petersburg International Criminology Club, 2019

© The Herzen State Pedagogical University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Материалы международной беседы

«Теоретическая криминология в сравнении»

от 27 сентября 2019 года

О.А. Зигмунт (Фехта, ФРГ).

*Криминологический взгляд
на учебник Карла-Людвига Кунца*

«Введение в криминологическое мышление» 13

Основной доклад беседы

«Право, цифровизация и безопасность

в преступноведческом поле (возвращаясь к теме)»

от 6 декабря 2019 года

С.Я. Лебедев (Москва, Россия).

Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс . . . 17

Материалы беседы

«Право, цифровизация и безопасность

в преступноведческом поле (возвращаясь к теме)»

от 6 декабря 2019 года

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия).

*Возвращаясь к безопасности
ввиду «оцифровки» уголовного права*

(в связи с докладом С.Я. Лебедева 6 декабря 2019 года) 26

Л.В. Готчина (Санкт-Петербург, Россия).

Цифровизация наркопреступлений и противодействия им 32

А.В. Никуленко (Санкт-Петербург, Россия).

О некоторых вопросах кибербезопасности в современном мире:

взгляд дилетанта 37

Н.А. Крайнова (Санкт-Петербург, Россия).

«Международная цифровая безопасность»:

миф или реальность? 42

В.Ф. Джафарли (Москва, Россия).

*О созвучности тезиса «цифровой безопасности –
цифровой уголовно-правовой ресурс»*

*теории криминологической безопасности
в сфере информационных технологий 47*

Н.И. Пишикина (Санкт-Петербург, Россия).

Цифровой уголовно-правовой ресурс:

содержание и перспективы 55

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КОРРУПЦИЯ

- Д.А. Шестаков* (Санкт-Петербург, Россия).
О коррупционных преступлениях
в условиях политических перемен
(в связи с исследованием А.А. Кашкарова) 60

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

- П.А. Скобликов* (Москва, Россия).
Исключение ответственности по ст. 210 УК РФ
для учредителей, руководителей и работников организации,
зарегистрированной в качестве юридического лица:
обновление законодательства, его основания и последствия 65
- В.А. Зикеев* (Ставрополь, Россия).
О криминологической отрасли права 74

4. ОБОЗРЕНИЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

- Г.Н. Горшенков* (Нижний Новгород, Россия).
От преступной любви... навстречу праву противодействия... 78
- Х.Д. Аликперов* (Баку, Азербайджанская Республика).
Полёт творческой мысли
по неизведанным лабиринтам криминологии.
(Размышления на полях антологии профессора Шестакова) 91
- А.Е. Мизанбаев* (Костанай, Республика Казахстан).
Навстречу праву противодействия преступности:
опыт прочтения труда Д.А. Шестакова 102

5. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

- Михаил Григорьевич Миненок празднует 75-летие! 106
- Даци Магомедовичу Гаджиеву – 70 лет! 107
- Юбилей Екатерины Николаевны Рахмановой! 109
- Юбилей Натальи Александровны Лопашенко! 110
- К нашим авторам** 111
- Криминологические издания** 115

CONTENTS

1. GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

*Materials of the international seminar
«Theoretical criminology in comparison»
as of September 27, 2019*

*O.A. Siegmunt (Vechta, Germany).
Criminological view of the textbook of Karl-Ludwig Kunz
«Introduction to criminological thinking» 13*

*The main report of the seminar
«Law, digitalization and security in the criminological sphere
(returning to the topic)»
as of December 6, 2019*

*S.Y. Lebedev (Moscow, Russia).
Digital criminal law resource for digital security 17*

*Material of the seminar
«Law, digitalization and security in the criminological sphere
(returning to the topic)»
as of December 6, 2019*

*D.A. Shestakov (Saint-Petersburg, Russia).
Returning to security in light of the «digitalization» of criminal law
(in connection with the report of S.Y. Lebedev
as of December 6, 2019) 26*

*Materials of the international seminar
«Theoretical criminology in comparison»
as of September 27, 2019*

*L.V. Gotchina (St. Petersburg, Russia).
Digitalization of drug crimes and counteraction to them. 32*

*A.V. Nikulenko (St. Petersburg, Russia).
On some issues of cybersecurity in the modern world:
the view of an amateur 37*

*N.A. Kraynova (St. Petersburg, Russia).
«International digital security»: myth or reality?. 42*

*V.F. Dzhafarli (Moscow, Russia).
On the consonance between the thesis
«digital criminal law resource for digital security»
and the theory of criminological security in IT sphere 47*

*N.I. Pishikina (St. Petersburg, Russia).
Digital criminal law resource: content and prospects 55*

2. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

CORRUPTION

- D.A. Shestakov* (St. Petersburg, Russia).
On corruption crimes in the context of political change
(in connection with the study of A.A. Kashkarov) 60

3. CRIMINOLOGICAL BRANCHES

CRIMINOLOGY OF LAW

- P.A. Skoblikov* (Moscow, Russia).
Exclusion of liability under Art. 210 of the Russian Criminal Code
for the founders, managers, and employees of an organization
registered as a legal entity:
updating of legislation, its basis, and consequences. 65
- V.A. Zikeev* (Stavropol, Russia).
On the criminological branch of law 74

4. REVIEWS

- G.N. Gorshenkov* (Nizhny Novgorod, Russia).
From criminal love... towards the crime counteraction law... 78
- H.D. Alikperov* (Baku, Republic of Azerbaijan).
Flight of creative thought in the unknown labyrinths of criminology.
(Reflections on the fields of the anthology of Professor Shestakov) 91
- A.E. Mizanbaev* (Kostanay, Republic of Kazakhstan).
Towards the crime counteraction law:
a reading experience of the work of D.A. Shestakov 102

5. JUBILEE GREETINGS

- Mikhail Grigorievich Minenok – the 75th anniversary! 106
- Daci Magomedovich Gadzhiev – the 70th anniversary! 107
- Anniversary of Ekaterina Nikolaevna Rakhmanova! 109
- Anniversary of Natalia Alexandrovna Lopashenko! 110
- To our authors** 111
- Criminological editions** 115

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

*Материалы международной беседы
«Теоретическая криминология в сравнении»
от 27 сентября 2019 года*

УДК 343.9
ББК 67.51

О.А. Зигмунт

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА УЧЕБНИК КАРЛА-ЛЮДВИГА КУНЦА «ВВЕДЕНИЕ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»

Аннотация: Книга профессора Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление» является классическим для немецкоязычных стран учебником по криминологии, одним из немногих учебных изданий, переведённых за последние десятилетия с немецкого на русский язык. Учебник посвящён базовым криминологическим вопросам в немецкоязычных странах. Автор подробно останавливается на описании предмета криминологии, криминологических теориях и уголовной политике.

Ключевые слова: преступность; криминологическое мышление; предмет криминологии; криминологические теории; уголовная политика.

О.А. Siegmunt

CRIMINOLOGICAL VIEW OF THE TEXTBOOK OF KARL-LUDWIG KUNZ «INTRODUCTION TO CRIMINOLOGICAL THINKING»

Summary: The book by Professor Karl-Ludwig Kunz «Introduction to criminological thinking» is a classic textbook on criminology for German-speaking countries. It is one of the few educational publications translated from German into Russian over the past decades. The textbook is devoted to basic criminological issues in German-speaking countries. The author studies the subject of criminology, criminological theories, and criminal policy in detail.

Keywords: crime; criminological thinking; subject of criminology; criminological theories; criminal policy.

Говоря о книге Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление» [10], необходимо сделать важное уточнение: в ней речь идёт о европейском криминологическом мышлении. Как отмечено Г.В. Зазулиным, она посвящена криминологии в немецкоязычных европейских странах [6, с. 44].

Российская и европейская криминологии имеют ряд различий. Например, если российская криминология в большей степени связана с уголовным правом, европейская – отходит от узкоспециализированности. В связи с этим, свой учебник профессор Кунц рекомендует не только юристам, но и социологам, политологам.

По мнению К.-Л. Кунца, преступление – это деяние, которое криминализовано. «Под преступностью понимается поведение, отклоняющееся от социально принятого» [10, с. 4].

В немецкой криминологии существует и иной подход к рассмотрению понятия «преступление», при котором оно раскрывается с естественной, уголовно-правовой (формальной) и социологической (материальной) стороны [3].

Так называемое «ядро преступности» объединяет деяния, осуждаемые в любое время и в любой культуре: убийство, грабёж, изнасилование, тяжкие телесные повреждения, кража. Они определяются как «*delitto naturale*» или «*delicta mala per se*» – деяния, осуждаемые без формального запрета. Уголовно-правовое (формальное) понятие преступления включает деяния, за которые наказания предусматриваются Уголовным кодексом. В научной литературе таковые известны как «*delicta mere prohibita*» – деяния, осуждаемые лишь потому, что они формально запрещены. Социологическое (материальное) понятие преступления подразумевает деяния,

для которых характерно социально-вредное, социально-отклоняющееся поведение [1, с. 64]. Д.А. Шестаков даёт следующее определение преступления (в криминологическом смысле) – «виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такового законом» [12]. По нашему мнению, данная дефиниция перекликается с социологическим (материальным) понятием преступления.

Согласно позиции автора учебника, «к предмету традиционной криминологии относится только изучение преступности» [10, с. 5]. Таким образом, основная исследовательская криминологическая деятельность фокусируется на изучении причин преступного поведения. К.-Л. Кунц критикует положение, когда все исследования направлены на поиск причин преступности постфактум, определение данных причин различными дефицитами и отклонениями [10, с. 5–6]. Он в целом отрицает взгляд на преступность как на объект естественного мира, за которым можно «наблюдать» путём проведения эмпирических исследований. По его мнению, преступность требует субъективно-оценочного присвоения одним субъектом определённых характеристик деянию другого субъекта [10, с. 6].

Разбираясь с преступным поведением постфактум, нельзя не упомянуть о криминологических прогнозах, основанных на произошедших событиях и преследующих задачу определения тенденций развития преступности на ближайшие 10–20 лет. Согласно позиции К.-Л. Кунца о предмете традиционной криминологии, криминологические прогнозы не попадают в сферу её исследования, так же, как и изучение карательности, поскольку такое направлено не на выяснение причин преступности, а на определение установок населения по отношению к наказанию различных категорий лиц. Их изучение давно и прочно вошло в предмет немецкой криминологии [7]. Несмотря на собственную критику, автор считает, что традиционный подход к изучению преступности не теряет своего смысла, но ограничивается в объяснительной силе и одновременно обогащается [10, с. 6].

Монография профессора Кунца состоит из четырёх глав, включающих 22 параграфа. В главе 1 «Что такое криминология?» автор подробно останавливается на описании предмета, задач криминологии, её функции

(описывать или объяснять преступность) и истории (от зарождения криминологического мышления до возникновения криминологии как науки).

В западных странах криминология понимается скорее как наука эмпирическая, собирательная, имеющая множество пересечений с гуманитарными науками. Предмет её исследования привнесён юридической наукой. Его составляют преступность, преступник, жертва преступления. Методы эмпирических исследований заимствованы из социологии и психологии. В России же криминология является наукой в большей степени юридической.

Рассуждая о предмете криминологии, К.-Л. Кунц замечает: «В отличие от естественных наук криминология не владеет «монополией» на предмет своего исследования» [10, с. 8]. Автор упоминает другие науки, изучающие преступность: уголовное право, криминалистику, социологию, психологию [10, с. 7–9]. При этом уголовное право нормативно закрепляет основания и условия привлечения к уголовной ответственности. Криминалистика направлена на предотвращение и раскрытие преступлений. Социология изучает человеческие взаимоотношения, например, преступника и жертвы, а психология – поведение людей, их психическое состояние. Преступность исследуется и в рамках уголовной политики.

Объединение наук по их предмету исследования позволяет отнести криминологию и некоторые другие науки к группе уголовно-правовых. Они обозначаются в немецкой криминологической литературе как дисциплины, преимущественно занимающиеся изучением преступного поведения людей [2, с. 6]. Данные дисциплины подразделяются на: 1) юридические (нормативные) и 2) не юридические (эмпирические). К первым традиционно относят уголовное и уголовно-процессуальное право, а ко вторым – криминалистику и криминологию, включающую виктимологию, судебную медицину, уголовную статистику.

Подводя итог описанию предмета криминологии, К.-Л. Кунц приводит известное высказывание американских криминологов Э. Сатерленда и Д. Кресси [4]: криминология – это «изучение законотворчества, правонарушений и реакций на правонарушения» [10, с. 36].

Повествование о «пионерах» криминологической мысли автор учебника начинает с освещения трудов греческих философов:

Платона, Аристотеля и Гиппократов. Описывая классическую школу криминологии (XVIII век), профессор Кунц упоминает Ч. Беккариа (1738–1794) и его книгу «О преступлениях и наказаниях» (1764), разжигшую в Западной Европе спор об уголовном законодательстве и уголовной политике. Автор называет и другого представителя классической школы: британского учёного И. Бентама (1748–1832), разработавшего систему наблюдения за заключёнными, получившую название «паноптикум».

Описывая становление в XIX веке современной криминологии, автор знакомит нас с деятельностью французских учёных А. Лаксая (1843–1924) и Г. Тарда (1843–1904), указывавших на то, что социальная среда является важнейшим фактором преступного поведения. К.-Л. Кунц уделил внимание и работе французского социолога Э. Дюркгейма (1858–1917), изучавшего процессы модернизации в промышленном обществе, влияние разделения труда на отклоняющееся поведение, выражавшееся не только в уровне преступности, но и в уровне самоубийств.

Не обошёл профессор Кунц стороной и основателя позитивистской (антропологической) школы криминологии Ч. Ломброзо (1835–1909) и его книгу «Преступный человек» (1876), в которой человек впервые представлен как рационально думающий и своевольно поступающий индивид. Завершается ретроспектива становления криминологии перечислением идей реформатора уголовного права Франца фон Листа (1851–1919) – одного из представителей социологической школы в уголовном праве, приверженца индивидуальной превенции преступлений.

В главе 2 «Теории преступности и криминализации» автор выделяет три типа актуальных криминологических теорий: 1) называющие индивидуальные характеристики, повышающие вероятность преступного поведения; 2) описывающие структурные признаки некоторой социальной группы, влияющие на частоту и вероятность совершения преступных деяний; 3) изучающие контроль над преступностью [10, с. 83]. В дальнейшем К.-Л. Кунц останавливается на важных, по его мнению, криминологических теориях, группируя их следующим образом: биокриминология; психологические и психиатрические концепции личности; концепции социальных структур; социализация в ближайшем окру-

жении; теории контроля; теории постмодернизма; преступность и социальное взаимодействие; преступность и социальный пол.

Глава 3 «Преступность как массовый феномен» посвящена состоянию преступности и её восприятию населением. Обществу присуще драматизировать проблему преступности. По мнению Кунца, у нас создаётся впечатление, что насильственные деликты и преступность несовершеннолетних достигли именно сегодня своей наивысшей точки [10, с. 243]. Как считает автор учебника, данная драматизация необходима, она сплачивает общество. Однако профилактически полезна только такая драматизация преступности, при которой сначала бьют тревогу, а затем успокаивают: несмотря на угрожающее положение, ситуация остаётся под контролем [10, с. 243].

Рассуждая об общественной морали и нормальности преступности, автор приходит к выводу о том, что между преступностью и моральным совершенствованием общества существует связь: мы нуждаемся в преступности как двигателе социальных преобразований. Без преступлений общество перестало бы развиваться [10, с. 245].

В главе 4 «Уголовная политика в период позднего модерна» затрагиваются различные вопросы уголовной политики: от соответствующей теоретической концепции до конкретных мер, направленных на предупреждение преступлений. В отечественной криминологической литературе закрепились два термина: уголовная политика и криминологическая политика. В отдельных случаях понятие «криминологическая политика» употребляется в значении «уголовная политика» [5;9]. Некоторые авторы выделяют «уголовно-правовую» и «криминологическую политику» [11]. При этом, последняя является разновидностью государственной политики, направленной на противодействие преступности, «отличной от политики уголовной, хотя и близкой ей по многим моментам» [11, с. 65]. В монографии профессора Кунца используются понятия «уголовная политика» и «криминологическая политика». В данном случае следует сделать поправку на погрешности перевода, поскольку в оригинале [1] речь идёт о «Kriminalpolitik» – понятии, которое переводится как «уголовная политика».

Книга Карла-Людвига Кунца «Введение в криминологическое мышление» является классическим для немецкоязычных стран

учебником по криминологии, одним из многих учебных изданий, переведённых за последние десятилетия с немецкого на русский язык.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kunz, K.-L.* (2011). *Kriminologie: Eine Grundlegung*. 6. Aufl. Berlin u.a.: Haupt Verlag.
2. *Schwind, H.-D.* (2000). *Kriminologie: Eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen*. 10. Auflage, Heidelberg: Kriminalistik-Verl.
3. *Schwind, H.-D.* (2016). *Kriminologie und Kriminalpolitik: Eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen*. 23. Auflage, Heidelberg: Kriminalistik, S. 3–7.
4. *Sutherland E.H. & Cressey D.R.* (1978). *Criminology*, 10. Aufl., Philadelphia u.a.
5. *Демидова-Петрова Е.В.* О содержании криминологической политики борьбы с преступностью несовершеннолетних // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21). С. 47–51.
6. *Зазулин Г.В.* Криминологическое мышление в контексте истории, геополитики, философии, конфликтологии и права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (54). С. 42–46.
7. *Зигмунт О.А.* Отношение к наказанию: теоретические основы // Наука и жизнь Казахстана. 2016. № 4 (39). С. 38–42.
8. *Зигмунт О.А.* Рецензия на книгу Д.А. Шестакова «Введение в криминологию закона» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3 (50). С. 60–65.
9. *Кунц Е.В.* Направления криминологической политики в сфере противодействия преступности // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Вып. 32. 2012. № 27 (281). С. 99–101.
10. *Кунц К.-Л.* Введение в криминологическое мышление / Пер. с нем. к.ю.н. Ангелины Козловой. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 362 с.
11. *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика. М.: Вольтерс Клувер, 2009.
12. *Шестаков Д.А.* Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Издательство «Лань», 2001.

REFERENCES

1. *Kunz, K.-L.* (2011). *Kriminologie: Eine Grundlegung*. 6. Aufl. Berlin u.a.: Haupt Verlag.
2. *Schwind, H.-D.* (2000). *Kriminologie: Eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen*. 10. Auflage, Heidelberg: Kriminalistik-Verl.
3. *Schwind, H.-D.* (2016). *Kriminologie und Kriminalpolitik: Eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen*. 23. Auflage, Heidelberg: Kriminalistik, S. 3–7.
4. *Sutherland E.H. & Cressey D.R.* (1978). *Criminology*, 10. Aufl., Philadelphia u.a.
5. *Demidova-Petrova E.V.* O sodержanii krimonologicheskoy politiki borby s prestupnostyu nesovershennoletnikh. [On the content of the criminological policy of juvenile delinquency counteraction]. *Monitoring pravoprimereniya – Monitoring of Law Enforcement*. 2016, no. 4 (21), pp. 47–51.
6. *Zazulin G.V.* Krimonologicheskoe myshlenie v kontekste istorii, geopolitiki, filosofii, konfliktologii i prava. [Criminological thinking in the context of history, geopolitics, philosophy, conflictology and law]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 3 (54), pp. 42–46.
7. *Siegmunt O.A.* Otnoshenie k nakazaniyu: teoreticheskie osnovy. [Attitude to punishment: theoretical foundations]. *Nauka i zhizn Kazakhstana – Science and Life of Kazakhstan*. 2016, no. 4 (39), pp. 38–42.
8. *Siegmunt O.A.* Retsenziya na knigu D.A. Shestakova «Vvedenie v krimonologiyu zakona». [Review on the book of D.A. Shestakov «Introduction to criminology of law»]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 3 (50), pp. 60–65.
9. *Kunts E.V.* Napravleniya krimonologicheskoy politiki v sfere protivodeystviya prestupnosti. [Directions of criminological policy in the field of crime counteraction]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Bulletin of Chelyabinsk State University. Law*. Issue 32, 2012, no. 27 (281), pp. 99–101.
10. *Kunz K.-L.* Vvedenie v krimonologicheskoe myshlenie. [Introduction to criminological thinking]. Per. s nem. k.y.n. Angeliny Kozlovoy. St.P.: OOIZdatelskiyDom «Alef-Press», 2019, 362 p.
11. *Lopashenko N.A.* Ugolovnaya politika. [Criminalpolicy]. M.: Volters Kluver, 2009.
12. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkii kurs. [Criminology: crime as a social trait]. St.P.: «Lan», 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Александровна Зигмунт – кандидат философских наук, доцент факультета образовательных и общественных наук Университета Фехта (Фехта, ФРГ); e-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Olga Alexandrovna Siegmunt – PhD in Philosophy, associate professor on the Faculty of Educational and Social Sciences, University of Vechta (Vechta, Germany); e-mail: olga.siegmunt@uni-hamburg.de

Основной доклад беседы
«Право, цифровизация и безопасность
в преступноведческом поле (возвращаясь к теме)»
от 6 декабря 2019 года

УДК 343.9
ББК 67.51

С.Я. Лебедев

ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – ЦИФРОВОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕСУРС

Аннотация: современные цифровые технологии закономерно меняют традиционные формы правового обеспечения любой сферы жизни человека, усиливая и ускоряя тенденцию его инновационно-технологического переустройства. Это касается всех регулятивных правовых сегментов, в том числе призванных охранять общественные отношения от разрушающего их нового социально опасного потенциала, также подверженного аналогичным цифровым модификациям. Как следствие, требуется целенаправленное и масштабное объединение профессиональных ресурсов юристов, экономистов и информационных технологий вокруг формирования адекватной современным цифровым угрозам безопасности и оптимальной по своим правовым, экономическим и информационно-технологическим ресурсам новой цифровой уголовно-правовой модели обеспечения безопасности личности, общества, государства.

Ключевые слова: кибербезопасность; киберпреступность; цифровое уголовное право; киберкриминология.

S.Y. Lebedev

DIGITAL CRIMINAL LAW RESOURCE FOR DIGITAL SECURITY

Summary: Modern digital technologies are changing the traditional forms of legal support of any sphere of human life, strengthening and accelerating the trend of its innovative and technological reorganization. This applies to all regulatory legal segments, including those designed to *protect* public relations from the new socially dangerous potential that destroys them, which is also subject to similar digital modifications. As a result, purposeful and large-scale integration of the professional resources of lawyers, economists, and information technologists is required to form a new digital criminal law model for ensuring the security of the individual, society, and the state. This model should be adequate to modern digital security threats and optimal in its legal, economic, information, and technological resources.

Keywords: cybersecurity; cybercrime; digital criminal law; cybercriminology.

Мы живём в эпоху глобальных социальных трансформаций, вызванных инновационно-технологическими прорывами, затрагивающими и меняющими привычные форматы всех без исключения сфер человеческой деятельности: бытовой, профессиональной, социально-экономической, политической и др. Характерные для современного, 6-го технологического уклада цивилизационные отношения, связанные с активным развитием НБИК-технологий (нано-, био-, информационных, когнитивных), сопровождаемые ставшими обычными для социальных практик цифровыми стандартами, неизбежно влекут за со-

бой не только положительные, но и серьёзные отрицательные последствия для жизни людей. Как водится, «многие знания – многие скорби», так как погружаясь в пучину цифровых соблазнов, человечество весьма запаздывает с осознанием (тем более, научным) их стремительно нарастающего угрожающего, порой разрушительного для традиционных коммуникативных связей, цифрового потенциала, а потому пока крайне мало делает для надёжного обеспечения от него своей безопасности.

Известно, что активно о так называемой кибербезопасности первым забеспокоилось европейское сообщество пару десятилетий

назад.¹ Хотя, начав своё распространение по миру в 60-х годах прошлого столетия, преступность в киберпространстве тогда уже приобрела характер глобального сетевого конструкта [10]. При этом на момент обозначенной Советом Европы официальной озабоченности проблемой киберпреступности и необходимости обеспечения защиты от неё, активным научным осмыслением таковой криминологи занялись лишь спустя семь-десять лет, да и то буквально единицы (В.С. Овчинский, А.Л. Осипенко, В.А. Номоконов).

Обеспокоенный таким обстоятельством, несколько лет назад я предпринял попытку сформулировать теоретические основы *концепции системного научного знания о технологических инновациях преступности и её предупреждения под общим термином – киберкриминология*.² Впервые публично означенная концепция киберкриминологии,

¹ См.: Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) [рус., англ.] (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=13526#09413357084792007> (дата обращения: 20.12.2019). По иронии судьбы, в прямом смысле, о кибербезопасности в этом документе не сказано ни слова. Хотя правоохранный вектор, нацеленный на защиту от преступлений в сфере компьютерной информации, европейским сообществом в целом был задан правильный.

² Частица «кибер» была положена в основу заявленного термина не случайно. Она получила распространение ещё с середины прошлого столетия, благодаря инициативе американского учёного, математика и философа, основоположника кибернетики и теории искусственного интеллекта Норберта Винера. Изданная им в 1948 году книга «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» в СССР вышла в свет в 1958 г. Для названия своей книги он заимствовал из древнегреческого языка слово «кибер», означающее «правительство» или «управление». Н. Винер обозначал этим термином, по сути, самоуправляемую, на тот момент времени пока ещё не существующую, компьютерную систему с обратной связью (цит. по: <https://tunnel.ru/post-viner-norbert>). Что же до термина «киберпространство», считается, что его придумал живущий в Канаде американский писатель-фантаст Уильям Форд Гибсон, перу которого принадлежит трилогия о виртуальной реальности «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза Овердрайв»).

как *системы научного знания о киберпреступности, её детерминантах, личности киберпреступника и жертвы киберпреступления, киберсистеме криминологического предупреждения (киберпредупреждения) и традиционного криминологического предупреждения преступлений в современном и будущем киберпространстве*, была обоснована мной на заседании Санкт-Петербургского международного криминологического клуба 28 февраля 2014 года [21, с. 72–73]. На тот момент в заявленной концепции были представлены все основные разделы современного теоретико-методологического фундамента отечественной криминологии, интерпретированные к системе познания современной и будущей преступности, а также процессов её предупреждения, связанных с инновационными технологиями, культивируемыми в виртуальном (цифровом) информационном пространстве.³

По авторскому замыслу киберкриминология должна стать самостоятельной отраслью криминологической науки, точнее, теоретической и прикладной отраслью криминологической науки и специальной инновационно-технологической практики социально-правового контроля над киберпреступностью, в которой своё, безусловно, достойное правоохранительное место должен занять соответствующий уголовно-правовой ресурс.

Оценивая сегодня высказанные в недалёком прошлом собственные аргументы в защиту идеи формирования и развития системы нового криминологического знания об инно-

³ Далее позволю себе для краткости употреблять означенные феномены преступности и её предупреждения как «киберпреступность», либо «преступность в киберпространстве», а равно в качестве синонимов «цифровая преступность», либо «преступность в цифровом (виртуальном) пространстве» или «преступность, связанная с цифровыми технологиями», понимая при этом, что для чистоты терминологии, конечно же, требуется более чёткое определение и, возможно, терминологическое разделение всех этих понятий. Однако, учитывая поставленную перед настоящей статьёй цель, – обосновать, прежде всего, необходимость формирования и развития уникального для современных правоохранительных практик цифрового уголовно-правового ресурса обеспечения кибербезопасности – смею пока оставить формулировку подобных терминов на будущее.

вационно-технологической преступности настоящего и будущего, нельзя не отметить, что за прошедшие годы XXI столетия в юридической литературе накопился немалый научный опыт познания и инновационной преступности, и научно обоснованных подходов к обеспечению контроля над ней [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].⁴ Основываясь на таком серьёзном теоретико-методологическом и, отчасти, эмпирическом фундаменте, продолжая тему обеспечения безопасности от цифровой преступности в рамках позиционируемого Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом научного направления «Право, цифровизация и безопасность в преступноведческом поле», позволю себе, в том числе в развитие ранее обозначенной мной концепции киберкриминологии, предложить профессиональному юридическому сообществу инновационную идею разработки самостоятельного *цифрового уголовно-правового сегмента социально-правового контроля над преступностью в киберпространстве*.

Авторское убеждение в необходимости и целесообразности такового сформировалось под влиянием не только личных многолетних наблюдений за развивающимися цифровыми технологиями, криминологического анализа исходящих от них криминогенных и собственно преступных киберугроз, но и периодического общения с представителями ИТ-сообщества, изучения существующих правовых документов, научных разработок и практик кибербезопасности, личного (своего, своих близких, знакомых, сослуживцев), зачастую, печального виктимологического опыта, связанного с ущербом от киберпреступных посягательств, главным образом, на финансо-

вые интересы в киберпространстве и др. Всё это вызвало твёрдую уверенность в том, что *адекватным противопоставлением цифровой преступности может быть только система цифровой безопасности, основанная на, опять-таки, адекватном цифровом уголовно-правовом ресурсе*.

Вновь подчеркну, что вступление человечества в эру 6-го технологического уклада с каждым днём всё более видоизменяет привычные, в том числе, доселе весьма консервативные, стороны и объекты социальных практик, что закономерно сказывается не только собственно на человеческой деятельности, но и на её правилах и регуляторах. В результате цифровые технологии закономерно меняют традиционные формы правового обеспечения той или иной сферы жизни человека, усиливая и ускоряя тенденцию его инновационно-технологического переустройства. Отсюда инновационная модернизация права и соответствующая ей модернизация правоприменения становятся сегодня самостоятельным и значимым ресурсом нового технологического уклада.

В то же время, при всей насущной потребности в такой модернизации, нельзя не видеть явной неготовности нашего законодателя и, главное, правоприменителя адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены. Тогда как в этих обстоятельствах как никогда требуется мобилизация, прежде всего, интеллектуального профессионального ресурса на серьёзную и, безусловно, масштабную работу, нацеленную на означенные инновационные изменения в праве, законодательстве и правоприменении. И это касается не только так называемых нормативно регулятивных правовых сегментов, но и, безусловно, тех, что призваны *охранять* общественные отношения от разрушающего их социально опасного потенциала, который, в свою очередь, также подвержен аналогичным цифровым модификациям. Потому, в условиях глобальной цифровизации речь должна идти об адекватном глобальном и всеобщем правовом технологическом переустройстве системы управления новыми цифровыми социально-правовыми отношениями, в котором уголовно-правовые, криминологические, криминалистические и уголовно-процессуальные инновации должны получить собственное оформление и развитие.

⁴ Отчасти приложил руку к этому научному опыту и автор. См.: *Лебедев С.Я.* Киберкриминология: к систематизации научного знания о технологических инновациях преступности и её предупреждения. Выступление на заседании Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, Санкт-Петербург, 28 февраля 2014 г.; *его же*: Право и безопасность в цифровом мире / Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности». Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019 и др.

По сути, речь идёт о насущном социальном запросе на модернизацию общего антикриминального сегмента обеспечения криминологической безопасности от инновационной преступности. Тенденция подобной модернизации уже коснулась отечественного (и не только) права, права, по образному выражению председателя Конституционного Суда Российской Федерации профессора В.Д. Зорькина, «...второго модерна», регулирующего экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта [7]. Именно потому в условиях цифровой реальности «... прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации...» [7].

Суть проблемы заключается в том, что в существующем гибридном мире, как пространстве слияния реального и виртуального миров, отличающемся возможностью совершения любых потребных для человека действий, включая противоправные, преступные, происходит трансформация их привычных форм из реальных в виртуальные. В этом случае последние объективно выходят из-под реального контроля, а виртуального, как известно, для них пока не существует. Исключением является лишь техническая нейтрализация существующими структурами кибербезопасности (например, Лаборатория Касперского, Group-IB, Инфосекьюрити) так называемых DDoS-атак, связанных с хакерским проникновением в интерактивные информационные ресурсы пользователей с целью блокирования их активных действий в интернет-сети.⁵

При этом и сами IT-специалисты и юридически оценивающие их кибербезопасную деятельность правоведа, безусловно, убеждены в явной противоправности какой-либо нейтрализующей акции в отношении тех или иных кибератак. Последние – суть преступление. Пресечение же преступлений и, более того, их расследование (кстати, именно такую свою деятельность открыто рекламирует компания Group-IB) – прерогатива правоохранительных

органов. И какой бы социально полезной по своему позиционируемому эффекту ни была деятельность негосударственных служб безопасности по пресечению и расследованию киберпреступлений, от этого она менее противоправной не становится. Вспоминаются в этом случае аналогии с «правоохранительной» деятельностью так называемых «санитаров общества», устраняющих из его жизни педофилов, незаконных мигрантов, коррупционеров и т.п.

Таким образом, инновационная преступность, проявляющая себя в киберпространстве, большей своей частью не попадает в зону влияния правоохранительной практики как раз из-за отсутствия таковой в этом виртуальном пространстве. Грешный же человек, сосредоточенный на совершении преступлений, находит для себя в современном гибридном мире гораздо больше возможностей для криминальной самореализации, нежели в реальном, пока ещё традиционно подконтрольном существующему уголовному закону и практике его применения.

IT-специалистам, да, видимо, и любому более-менее продвинутому пользователю, хорошо известно, что вполне удобное и относительно безопасное существование человека в рассматриваемом гибридном мире обеспечивается: более высокой, по сравнению с реальными возможностями, результативностью (эффективностью) достижения цели какой-либо деятельности; низкой (часто, бесплатной) стоимостью привлекаемых для этого технологий (ИКТ); доступностью цифровой инфраструктуры и, главное, – анонимностью источника (субъекта) инициации действия (деяния), а следовательно, – относительной защищённостью от любого внешнего воздействия, исходящего от реального источника правоохранения.

По-человечески, понимая преимущества гибридного мира для любого индивида, стремящегося к безграничной свободе, всё же не стоит забывать, что исходящий от такового и от его поведения в гибридном пространстве вред (общественная опасность), безусловно, должен быть предотвращён. Во всяком случае, ориентация общества и государства на предупреждение, нейтрализацию такой общественной опасности преступлений, совершаемых в киберпространстве, либо на ликвидацию (компенсацию) их общественно опасных

⁵ См. подробнее: Что такое DDoS-атака? URL: https://www.reg.ru/support/pochta_general/web-instrumenty/chto-takoe-ddos-ataka (дата обращения: 20.12.2019).

последствий, в том числе обеспечиваемой уголовной ответственностью и связанным с ней уголовным наказанием, должна целиком и полностью соответствовать нарастающим криминальным киберугрозам.

Потому специалисты, некоторые научные труды которых в области уголовного права и криминологии уже упоминались в статье, вполне обоснованно рассматривают обеспечение кибербезопасности от преступлений, совершаемых, опять-таки, в виртуальном пространстве, в качестве перспективного уголовно-политического приоритета. Важно заметить, что при этом в основном демонстрируют себя размышления по поводу необходимости трансформации уголовно-правовых признаков преступлений, приобретающих в киберпространстве соответствующие инновационно-технологические формы, не изменяющие в целом традиционной содержательной стороны таких уголовно наказуемых деяний.

То есть, цифровое преступление большей частью сохраняет в себе привычные для человека стандарты его традиционных пороков, облачённых в мотивационные стимулы удовлетворения своих паразитических потребностей (алчность – воровство, жестокость – насилие, хитроумность – обман, извращённость – сексуальная распущенность, гедонизм – алкоголизация, наркомания и др.). Цифровой ресурс здесь, как уже констатировалось ранее, выступает для «злодея» исключительно более приемлемым, зачастую, более надёжным и, что важно, безопасным средством достижения криминального успеха. Уголовный же закон, нацеленный на традиционные форматы общественно опасного деяния, просто не «дотягивается» своим «ручным» ресурсом до цифрового преступления и, тем более, цифрового преступника. И думается, что сколь бы активнее он (закон) не стремился с помощью специалистов в области уголовного права отформатировать в этом своём доселе обычном качестве новые цифровые образы уголовно наказуемых деяний, всё равно реально настигнуть их таковой будет не в состоянии. Потому представляется, что единственно приемлемым способом достижения целей уголовного права в условиях цифровизации преступности должна стать *цифровизация уголовного закона, то есть, включение его самого в информационно-технологические механизмы пространства виртуального мира.*

Предлагаемый новый информационно-технологический концепт модернизации уголовно-правового ресурса, превентивно нацеленного на инновационную преступность, должен, на мой взгляд, включать в себя *модернизацию (реконструкцию, переформатирование)* под цифровые стандарты *существующих* уголовно-правовых форм воздействия на преступления (преступность), оставляя в них, большей частью, классическое уголовно-правовое и криминологическое содержание, адаптированное к уже существующей цифровой реальности. Предполагается, что *концентрация осуществляемого в мониторинговом режиме цифрового уголовно-правового контроля над преступностью, включённого в общую систему обеспечения кибербезопасности, способна не только максимально фиксировать преступления, совершаемые в киберпространстве, но одновременно создавать информационную базу для формирования инновационно-технологической системы криминологической кибербезопасности, а вместе с ней, – инновационно-технологической системы цифрового правосудия, то есть – киберправосудия.*

Между тем, до сих пор наше традиционное материальное право, обозначающее, что есть правонарушение и преступление, и вместе с ним процессуальное право, регламентирующее правовые механизмы воздействия на правонарушителей (преступников), демонстрируют себя в «аналоговом режиме».⁶ В то время как в противовес существующему правовому «аналоговому устройству» система правоохранительного контроля всё более демонстрирует стремление к цифровому формату. Известно, что правоохранительная практика сегодня пытается задействовать для целей оперативной и объективной фиксации правонарушений и адекватного реагирования на них современные технические и технологические ресурсы, минимизировать в этом деле стандартный человеческий ресурс. В ре-

⁶ Приведённое определение скорее тянет на категорию, так как не вполне адекватно, опять-таки, с точки зрения технической и технологической материи отражает истинную суть означенного физического феномена, однако позволю предположить, что большинству специалистов суть подобного сравнения, обозначаемого автором в контексте обсуждаемой проблемы, будет понятна.

зультате подобной модернизации обеспечивается не только адекватность и оптимальность общего правоохранительного реагирования на правонарушения, но и нивелируется известная коррупционная составляющая любого правоохранительного процесса с «человеческим» лицом.

Примером такой правоохранительной инновации, отчасти, могут служить цифровые технологии, применяемые в контроле над участниками дорожного движения, когда нацеленные на них камеры видеонаблюдения, фиксируя факт дорожного правонарушения, мгновенно цифровизируют санкцию за его совершение, направляя в цифровом формате (смс на мобильный телефон, сообщение на адрес электронной почты) нарушителю юридический вердикт о мере его правовой ответственности.

Возникает вполне резонный вопрос: почему то же самое не может быть реализовано в уголовно-правовом формате? То есть, при обнаружении с помощью специально созданного цифрового уголовно-правового контроля в киберпространстве какой-либо криминальной угрозы (например, распространяемой в интернет-сети рекламной информации о продаже наркотиков, организации сексуальных услуг с предложением в качестве объекта для осуществления таковых подростков, материалов экстремистского или, ещё серьезнее, террористического характера, вовлечения несовершеннолетних в суицидальное поведение и т.д., и т.п.), антикриминальная цифровая система моментально блокирует такую угрозу сформированными под нормы уголовного закона соответствующими IT-механизмами.

Конечно, учитывая отмеченный ранее непреложный факт анонимности источника криминальной угрозы, трудно будет мгновенно отправить такому субъекту вердикт о его уголовной ответственности. Однако думается, что это уже «другая история», а именно уголовно-процессуальная со своими цифровыми механизмами реализации. Важно в этом случае одно – в результате предлагаемого цифрового пресечения киберпреступления, правовую основу которого составит цифровой уголовный закон, его общественная опасность будет технологически нивелирована мгновенно. То есть, криминальная (точнее, уголовно наказуемая) киберугроза в этом случае, безусловно, оперативно блокируется, причём также

эффективно, как технологически блокировалась бы выявленная специалистами кибербезопасности любая информационная угроза, обнаружившая себя в киберпространстве.

Сейчас же существует весьма противоречивая система правового обеспечения ограничения доступа к какой-либо криминальной киберинформации, действие которой растягивается во времени на долгий срок, в течение которого угроза продолжает себя активно позиционировать и, следовательно, достигать своего общественно опасного эффекта.

Так, в соответствии со ст. 15.3 (Порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона) Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «...в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях... информации..., которая создаёт угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности... Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители обращаются в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации... с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию...». Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации... на основании обращения... незамедлительно уведомляет редакцию сетевого издания о необходимости удаления указанной информации... Незамедлительно с момента получения от федерального органа исполнительной власти... уведомления... редакция сетевого издания обязана удалить информацию...».⁷

Сложно представить себе факт подобной правоохранительной реакции на какое-либо правонарушение в реальном пространстве. По меньшей мере, он выглядел бы весьма анек-

⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/34547c9b6ddb60cebd0a67593943fd9ef64ebdd0/ (дата обращения: 10.04.2020).

дотично: полицейский, заметив факт совершения преступления (например, разбойное нападение), докладывает о нём по инстанции Генеральному прокурору, а тот, изучив ситуацию, выносит мотивированное обращение в МВД, а оно... – и так далее, по аналогии с пресечением криминогенной информации в киберпространстве.

Представляется, что в сфере цифрового обеспечения безопасности от различного рода криминальных угроз, особенно активно позиционирующих себя в киберпространстве, технологии их цифровой правоохранительной фиксации станут со временем более результативными. В данном случае технологический контроль над нормативно обусловленным, а потому «правопослушным» поведением, способен автоматически выявлять любые не санкционированные (нештатные) внешние и внутренние угрозы безопасности. Правоохранителям останется лишь фиксировать факт правонарушения и установить его источник для определения меры юридической ответственности и организации соответствующего судопроизводства. Помимо всего прочего, в этом случае одновременно будет срабатывать превентивный эффект цифрового правоохранительного (вместе с технологическим) контроля, так как совершение какого-либо правонарушения в киберпространстве станет рискованным для замыслившего его субъекта и потому просто невыгодным, а по сути, – бессмысленным. Разумеется, подобная технология безопасности потребует создания собственного правового (и, безусловно, цифрового) механизма её обеспечения. Однако это всего лишь дело времени, причём, судя по

интенсивности развития цифровых технологий, весьма непродолжительного.

Футурологически оценивая перспективы будущего уголовного закона и уголовно-процессуальные практики его применения в цифровых условиях, можно уверенно прогнозировать, что и те, и другие будут напрямую связаны с новыми информационными технологиями, развитие которых, в свою очередь, представляет собой единственно верную идеологическую, а вместе с ней и информационно-технологическую направленность достижения цели обеспечения безопасности личности, общества и государства уголовно-правовыми и криминологическими средствами.

В заключение выскажу убеждение в том, что при всей очевидности цифровой перспективы развития уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов и механизмов обеспечения общественной, экономической и национальной безопасности гораздо более эффективным направлением в достижении успеха совершенствования систем безопасности в условиях глобальной цифровизации должно стать целенаправленное и масштабное объединение профессиональных научно-аналитических потенциалов экономистов, юристов и информационных технологов вокруг формирования адекватной современным цифровым угрозам безопасности и оптимальной по своим экономическим, правовым и информационно-технологическим ресурсам новой цифровой уголовно-правовой модели обеспечения безопасности личности, общества, государства.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликперов Х.Д. Глобальный дистанционный контроль над преступностью: допустимость, возможности, издержки // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3 (42). С. 26–33.
2. Аликперов Х.Д. Электронная система определения оптимальной меры наказания (постановка проблемы) // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (51). С. 13–22.
3. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230.
4. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.
5. Джафарли В.Ф. Личность преступника в механизме преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий / под ред. С.Я. Лебедева. М.: КноРус, 2017.
6. Долгиева М.М. Цифровые активы и уголовное законодательство России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 108–113.
7. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. – 2018. – № 7578 (115).

8. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.
9. Максимов С.В., Васин Ю.Г., Валушков Н.В., Утаров К.А. Цифровизация уголовной политики как инструмент преодоления её асистемности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 395–407.
10. Николаева А.Б., Тумбинская М.В. Киберпреступность: история развития, проблемы практики расследования. URL: <https://computer-museum.ru/articles/materialy-mezhdunarodnoy-konferentsii-sorucum-2014/629/> (дата обращения: 20.12.2019).
11. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45–55.
12. Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность. М.: ИНФРА-М, 2007.
13. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018.
14. Овчинский В.С., Ларина Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Книжный мир, 2018.
15. Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. Омск: Омская академия МВД России, 2009.
16. Попова Е.С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Актуальные вопросы юридических наук: материалы V Международной научной конференции (г. Краснодар, июнь 2019 г.). Краснодар: Новация, 2019. С. 12–14.
17. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность». Проблемы и решения. М.: ИНФРА-М, 2019.
18. Русскевич Е.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. М.: ИНФРА-М, 2019.
19. Филимонов С.А. Уголовная политика борьбы с киберпреступностью // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 166–170.
20. Шестаков Д.А. Электронные весы правосудия в свете общей преступноведческой теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (52). С. 13–15.
21. Шестаков Д.А., Дикаев С.У., Данилов А.П. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2014 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1 (36). С. 72–95.

REFERENCES

1. Alikperov H.D. Globalniy distantsionniy kontrol nad prestupnostyu: dopustimost, vozmozhnosti, izderzhki. [Global distant control over crime: availability, opportunities, costs]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, no. 3 (42), pp. 26–33.
2. Alikperov H.D. Elektronnaya sistema opredeleniya optimalnoy mery nakazaniya (postanovka problemy). [Electronic system for determining the optimal punishment (formulation of the problem)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 4 (51), pp. 13–22.
3. Bertovskiy L.V. Tekhnologiya blokcheyna v ugovnom protsesse kak element tsifrovogo sudoproizvodstva. [Blockchain technology in the criminal process as an element of digital justice]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Problems of Economics and Legal Practice*. 2017, no. 6, pp. 226–230.
4. Gavrilin Y.V., Pobedkin A.V. Modernizatsiya ugovno-protsessualnoy formy v usloviyakh informatsionnogo obshchestva. [Modernization of the criminal procedure form in the information society]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019, no. 3 (51), pp. 27–38.
5. Dzhafarli V.F. Lichnost prestupnika v mekhanizme prestupleniy, sovershaemykh v sfere informatsionnykh tekhnologiy. [The identity of the offender in the mechanism of crimes committed in IT sphere]. Pod red. S.Y. Lebedeva. M.: KnoRus, 2017.
6. Dolgieva M.M. Tsifrovye aktivy i ugovnoe zakonodatelstvo Rossii. [Digital assets and criminal law of Russia]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019, no. 1 (45), pp. 108–113.
7. Zorkin V.D. Pravo v tsifrovom mire. Razmyshlenie na polyakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma. [Law in the digital world. Thinking on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum]. *Rossiyskaya gazeta*. 2018, no. 7578 (115).
8. Zuev S.V. Tsifrovaya sreda ugovnogo sudoproizvodstva: problem i perspektivy. [The digital environment of criminal proceedings: problems and prospects]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Journal*. 2018, no. 4 (83), pp. 118–123.

9. *Maksimov S.V., Vasin Y.G., Valuyskov N.V., Utarov K.A.* Tsifrovizatsiya ugovolnoy politiki kak instrument preodoleniya ee asistemnosti. [Digitalization of criminal policy as a tool to overcome its inconsistency]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2019, vol. 13, no. 3, pp. 395–407.
10. *Nikolaeva A.B., Tumbinskaya M.V.* Kiberprestupnost: istoriya razvitiya, problemy praktiki rassledovaniya. [Cybercrime: history of development, problems of investigation]. URL: <https://computer-museum.ru/articles/materialy-mezhdunarodnoy-konferentsii-sorucum-2014/629/> (date of submission: 20.12.2019).
11. *Nomokonov V.A., Tropina T.L.* Kiberprestupnost kak novaya kriminalnaya ugroza. [Cybercrime as a new criminal threat]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 1 (24), pp. 45–55.
12. *Ovchinskiy A.S.* Informatsionnye vozdeystviya i organizovannaya prestupnost. [Information impacts and organized crime]. M.: INFRA-M, 2007.
13. *Ovchinskiy V.S.* Kriminologiya tsifrovogo mira. [Criminology of the digital world]. M.: Norma, INFRA-M, 2018.
14. *Ovchinskiy V.S., Larina E.S.* Iskusstvenniy intellekt. Bolshie dannye. Prestupnost. [Artificial intelligence. Bigdata. Crime]. M.: Knizhniy mir, 2018.
15. *Osipenko A.L.* Setevaya kompyuternaya prestupnost: teoriya i praktika borby. [Network computer crime: theory and practice of counteraction]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2009.
16. *Popova E.S.* Problemy i perspektivy razvitiya elektronnoy pravosudiya. [Problems and prospects for the development of e-justice]. Aktualnye voprosy yuridicheskikh nauk: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Krasnodar, iyun 2019 g.). Krasnodar: Novatsiya, 2019, pp. 12–14.
17. *Russkevich E.A.* Uголовное право i «tsifrovaya prestupnost». Problemy i resheniya. [Criminal law and «digital crime». Problems and solutions]. M.: INFRA-M, 2019.
18. *Russkevich E.A.* Uголовно-pravovoe protivodeystvie prestupleniyam, sovershaemym s ispolzovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy. [Counteraction to crimes committed with the use of information and communication technologies]. M.: INFRA-M, 2019.
19. *Filimonov S.A.* Uголовnaya politika borby s kiberprestupnostyu. [The criminal policy of cybercrime counteraction]. *Nauchno-metodicheskiy elektronniy zhurnal «Kontsept» – Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept»*. 2014, vol. 20, pp. 166–170.
20. *Shestakov D.A.* Elektronnye vesy pravosudiya v svete obshchey prestupnostivedcheskoy teorii. [Electronic scales of justice in the light of general criminological theory]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 1 (52), pp. 13–15.
21. *Shestakov D.A., Dikaev S.U., Danilov A.P.* Letopis Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. God 2014. [The chronicle of the St.-Petersburg International Criminology Club. The year 2014]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 1 (36), pp. 72–95.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семён Яковлевич Лебедев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий кафедрой экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Москва, Россия); e-mail: lebesem@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Semyon Yakovlevich Lebedev – Doctor of Laws, professor, honored lawyer of the Russian Federation, honorary professor of the St. Petersburg International Criminology Club, head of the department of economic security, audit and controlling of the Kosygin Russian State University (Moscow, Russia); e-mail: lebesem@yandex.ru

*Материалы беседы
«Право, цифровизация и безопасность
в преступноведческом поле (возвращаясь к теме)»
от 6 декабря 2019 года*

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К БЕЗОПАСНОСТИ
ВВИДУ «ОЦИФРОВКИ» УГОЛОВНОГО ПРАВА
(В СВЯЗИ С ДОКЛАДОМ С.Я. ЛЕБЕДЕВА
6 ДЕКАБРЯ 2019 ГОДА)**

Аннотация: Проблемное поле между: 1) уголовным правом, 2) «правом безопасности», 3) компьютерными технологиями, используемыми в преступной деятельности и 4) компьютерными технологиями, направленными на противодействие преступности, давно привлекает к себе внимание Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Теперь, спустя годы, значение преступноведческого осмысления данного поля наконец-то начинает пониматься широким кругом специалистов. Об этом свидетельствуют публикации и создание в России научных подразделений (кафедры вузов, секторы научных учреждений), которые нацелены на освоение вопросов безопасности.

Ключевые слова: «право безопасности»; уголовное право; киберкриминология; компьютерные технологии; искусственный разум; глобальная олигархическая власть.

D.A. Shestakov

**RETURNING TO SECURITY
IN LIGHT OF THE «DIGITALIZATION» OF CRIMINAL LAW
(IN CONNECTION WITH THE REPORT OF S.Y. LEBEDEV
AS OF DECEMBER 6, 2019)**

Summary: The problem field between 1) criminal law, 2) «security law», 3) computer technologies used in criminal activity, and 4) computer technologies aimed at combating crime, attracts the attention of the St. Petersburg International Criminology Club for a long time. Now, years later, the significance of criminological reflection of this field is finally beginning to be understood by a wide circle of specialists. This is evidenced by the publication and creation of scientific units (university departments, sectors of scientific institutions), which are aimed at security issues research.

Keywords: «security law»; criminal law; cybercriminology; computer technologies; artificial intelligence; global oligarchic power.

Проблемное поле между компьютерными преступлениями и законодательством о безопасности. В нашем Клубе всегда высоко оценивался и ценится вклад в разработку проблем безопасности, внесённый опережающими время трудами Николая Васильевича Щедрина [18; 19]. Законодательство о безопасности, в том числе международное, в последние два десятилетия множится. Переход от юридического осмысления норм безопасности к постановке вопроса о праве безопас-

ности связан с именем немецкого преступноведца Ханса-Йорга Альбрехта [2].¹

¹ Ханс-Йорг Альбрехт – доктор юридических наук, профессор, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, экс-директор Института международного и зарубежного уголовного права им. М. Планка (Фрайбург, ФРГ), неоднократно выступавший с докладами на беседах Клуба.

В Клубе обсуждение преступности в правовой проблеме безопасности, в частности, в связи с компьютерной преступностью и компьютерным противодействием ей, ведёт отсчёт времени, во всяком случае, уже с опубликования в 2009 году в нашем журнале статьи Ульриха Зибер² о проблеме границ уголовного права [8, с. 36]. За ней последовал его доклад, сделанный в Клубе 3 июня 2010 года: «Свобода против безопасности в борьбе с терроризмом и организованной преступностью – международное развитие и германская уголовная политика». Он сыграл значимую роль в критическом осмыслении искусственного нагнетания страха у населения перед преувеличенными для него угрозами. Целью данного нагнетания являлось протаскивание чрезвычайных, порой преступных мер безопасности под знаменем «войны с терроризмом».

У. Зибер полагает, что «развитие информационного общества, рискованного общества ... ведёт уголовное право – особенно в контексте нарастающей глобальной уголовной политики – к функциональной границе ... и ставит его перед новыми категориальными вызовами». По его мнению, право безопасности требует самоопределения, так как оно не может вместиться в классические правовые отрасли: уголовное, полицейское, военное право [8, с. 36]. Им многое сделано для продвижения компьютерной проблематики применительно к уголовно-правовой области.

Вместе с тем, наступление законодательного регулирования «безопасности» на уголовное право и проникновение подходов «безопасности» в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство явились одним из подтверждений своевременности того, что в невиско-волжской преступности в правовой школе – в пределах криминологии закона – было введено понятие «преступный закон» [12, с. 23, 62; 13, с. 22].

Итак, внимание Клуба давно привлекает к себе проблемное поле между: 1) уголовным

правом, 2) «правом безопасности», 3) компьютерными технологиями, используемыми в преступной деятельности и 4) компьютерными технологиями, направленными на противодействие преступности.

Теперь, спустя годы, значение преступности в правовом осмыслении данного поля наконец-то начинает пониматься широким кругом специалистов. Об этом свидетельствуют публикации и создание в России научных подразделений (кафедры вузов, секторы научных учреждений), которые нацелены на освоение вопросов безопасности.

В 2017 году проблематике пределов безопасности в очередной раз было уделено внимание – на проведённой в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград) выездной российско-германской беседе Клуба [3].

С.Я. Лебедев 28 февраля 2014 года в прочитанном им у нас докладе поставил вопрос о необходимости систематизации научного знания о «технологических инновациях преступности и её предупреждения», а также о возникшей потребности в новой отрасли преступности в криминологии – киберкриминологии [17, с. 72–73].

Особо следует отметить вклад Ханлара Джафаровича Аликперова в разработку двух аспектов этой отрасли. Первый – чипирование и дистанционный контроль над преступностью [4], второй – использование искусственного разума при назначении уголовного наказания [5], что имеет непосредственное отношение к теме нового доклада Семёна Яковлевича Лебедева.

Кратко о декабрьском докладе С.Я. Лебедева и сделанном им шаге в нужном направлении. Как и другие специалисты, занятые вопросами электронной системы определения меры наказания, Семён Яковлевич констатирует, что «в условиях глобальной цифровизации речь следует вести об адекватном всеобщем правовом технологическом переустройстве системы управления новыми цифровыми социально-правовыми отношениями, в котором уголовно-правовые, криминологические, криминалистические и уголовно-процессуальные инновации должны получить собственное оформление и развитие» [11, с. 19]. Он замечает нарастающее стремление системы правоохранительного контроля к цифровому формату.

² Ульрих Зибер – доктор юридических наук, профессор, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, экс-директор Института международного и зарубежного уголовного права им. М. Планка (Фрайбург, ФРГ).

Внедрение информационных технологий в уголовный закон и уголовно-процессуальные практики современного цифровизированного (оцифрованного?) мира С.Я. Лебедеву представляется крайне необходимым: «без этого достижение цели обеспечения безопасности личности, общества и государства уголовно-правовыми и криминологическими средствами невозможно» [11, с. 23]. При этом остаётся пока интригующей загадкой, какие именно он имеет в виду технологии, помимо представленной в Клубе Х.Д. Аликперовым электронной матрицы назначения уголовного наказания?

Несомненное достоинство доклада, выжимка из которого помещена на сайте Клуба [1], состоит в ожидаемой *увязке уголовно-правовой киберреакции на преступность с проблемой безопасности* [16, с. 14].

Выше сказано, что российские преступноведцы, постепенно осваивая вышеобозначенное мной проблемное поле, только-только приближаются к осознанию значимого для нынешнего времени столкновения законодательных норм о «безопасности» с классическим уголовным правом.

Как пишет Йорг Арнольд, новый импульс дебатам о безопасности дали воздушные нападения террористов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года. «С этого времени понятия «безопасность» и «терроризм» конкурируют между собой по частоте их использования. Следует признать, – замечает Арнольд, – отрицать террористическую угрозу ... нельзя. Но нельзя и закрывать глаза на то, что она играет роль троянского коня в демонстраже правового государства, причём, в обще-европейском измерении» [6, с. 22].

Прикасаясь к проблеме «безопасности», в связи с надвигающимся «цифровым» управлением обществом – в том числе управлением посредством «кибернизации» уголовного права, – нельзя ограничиваться восприятием лишь положительной стороны законодательства о безопасности. Долг преступноведца видеть также отрицательную, в частности, криминогенную сторону этой нормативной отрасли, связанную с ограничением прав человека. Нельзя проходить мимо некоторых даже преступных её правил. Следует неперестанно задаваться вопросом: «Не ведёт ли «оцифровка» уголовного закона и его применения к совершению преступлений и появле-

нию новых видов преступлений, в особенности, на глубинных уровнях преступности?». Взаимосвязь преступного и противопреступного – вот предмет особого внимания криминолога. При этом ему нельзя в преступлении просмотреть его *противопреступный* компонент (такое тоже наблюдается... даже в чудовищном преступлении 11 сентября!), а в мере противодействия преступности непросто было бы не заметить возможную её преступную составляющую.

Оцифровка уголовного законодательства и политическая криминология. В десятилетия текущего столетия важнейшим направлением политической криминологии становится исследование *глобально организованной (со стороны глобальной олигархической власти (ГОВ)) преступности – этой ключевой криминологической проблемы XXI века* [7, с. 94].

Ещё раз вернёмся к знаковым событиям 11 сентября. Существует мнение, что предпринятые тогда воздушные атаки были искусно проведённой провокацией, совершённой для того, чтобы приблизить установление единого мирового порядка, ограничив для этого права человека [9]. Так или иначе, в этот трагический день преступники нанесёнными ими ударами целенаправленно или невольно обозначили корень зла, корень глобально организованной преступности. Точнее сказать, было указано направление, в котором уходит корень.

Первые жертвенные самолёты вместе с обречёнными людьми (пассажирами, пилотами, стюардессами и захвачившими воздушные суда налётчиками) были брошены на Всемирный торговый центр, устроенный в нью-йоркских башнях-близнецах. Это символ не США, а ГОВ. Второй удар – в столице Соединённых Штатов Вашингтоне – нанесён Пентагону – символу военщины собственно страны, являющейся проводником воли ГОВ. Готовился ещё и третий удар, предположительно по представительной и исполнительной властям США: по Капитолию и Белому дому. Это лишь внешнегосударственный уровень мировой преступности. основополагающий её уровень – глобальная олигархическая власть.

Сама ГОВ не имеет почтового адреса. За-конспирированность, отсутствие официального статуса, неопределённость и до времени

неопределяемость ГОВ способствуют её неуловимости и безнаказанности. Как докладчик сопоставил компьютерные технологии уголовного права – этого важного компонента противодействия преступности – с безопасностью, так и политической криминологии *безопасность от ГОВ следует связать с «цифровизацией» преступности и противодействия ей.*

Нельзя сказать, что мир не сопротивляется стремлению ГОВ к управлению им посредством информационных технологий. Во всяком случае, Китай уже преуспевает в этом противостоянии. Как отмечает цитируемый Е. Лариной и В. Овчинским австралийский аналитик Саманта Хоффман, Китай не ограничивается оборонительной стратегией превращения страны в высокотехнологичное общество, а старается преобразовать сначала ближайших соседей, потом сферу влияния, и в завершение – весь мир по китайским лекалам высокотехнологичного управления, при-

чём, на базе традиционных конфуцианских ценностей. Такая глобальная деятельность, обеспеченная технологически, финансово, а также производством серверов, компьютеров, гаджетов, закреплена в решениях партийного и государственного руководства КНР [10].

Именно Китай стал той силой, которая может противостоять и уже противостоит глобальной олигархической преступности. Но в этом есть и новая угроза, заслуживающая пристального внимания со стороны политического преступноведения. Не являемся ли мы свидетелями рождения параллельной (тоже планетарного значения) воронки преступности [14, с. 20–21; 15, с. 344, 345]? В связи со сказанным необходимы дополнения отечественного «права безопасности». Нужны криминологические доводы для национализации производства всего IT-оборудования и IT-технологий.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 6 декабря 2019 года беседа «Право, цифровизация и безопасность в преступноведческом поле (возвращаясь к теме)». URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27.html> (дата обращения: 09.01.2020).
2. *Albrecht H.-J.* Kriminalitätsumfang, Opferrisiken und Kriminalitätsfurcht in der Schweiz // Kunz K.-L., Moser R. (Hrsg). Innere Sicherheit und Lenesängste. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt, 1997.
3. *Arnold J., Shestakov D.* Verletzung der staatlichen Souveränität als kriminologisches und strafrechtliches Problem. Ein Kongressbericht // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform, 2019, Volume 102, Issue 2, pp. 154–162.
4. *Аликперов Х.Д.* Глобальный дистанционный контроль над преступностью: допустимость, возможности, издержки // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3 (42). С. 26–33.
5. *Аликперов Х.Д.* Электронная система определения оптимальной меры наказания (постановка проблемы) // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (51). С. 13–22.
6. *Арнольд Й.* К соотношению (уголовного) права, безопасности и свободы ввиду трансформаций безопасности, понятия «лицо, представляющее угрозу», а также судебной практики Федерального Конституционного Суда, имеющей отношение к понятию «свобода» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3 (50). С. 20–29.
7. *Данилов А.П.* Криминология: Россия и мир. СПб., ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3», 2018. 328 с.
8. *Зибер У.* Границы уголовного права. Основные положения и призывы новой исследовательской уголовно-правовой программы Института зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка / Перевод с немецкого Д.А. Шестакова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16). С. 15–78.
9. *Ивашов Л.* 11 сентября – это глобальная провокация. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/09/11/11_sentyabrya_-_e_to_global_naya_provokaciya/ (дата обращения: 19.11.2019).
10. *Ларина Е., Овчинский В.* Председатель Си: «Данные предпочтительнее слов». Алгоритмическое управление миром как цель руководства КНР? URL: http://zavtra.ru/blogs/predsedatel_si_dannie_predprochitel_nee_slov (дата обращения: 19.11.2019).
11. *Лебедев С.Я.* Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 17–25.
12. *Шестаков Д.А.* Введение в криминологию закона. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2011. 75 с.
13. *Шестаков Д.А.* Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского госуниверситета, «Лань», 2001. 264 с.

14. Шестаков Д.А. Суждения о преступности и вокруг неё / Предисл. Э. Гондолфа (США). СПб.: «Юридический центр Пресс», 2015. 84 с.
15. Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 430 с.
16. Шестаков Д.А. Электронные весы правосудия в свете общей преступноведческой теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (52). С. 13–15.
17. Шестаков Д.А., Дикаев С.У., Данилов А.П. Летопись Санкт-Петербургского международного клуба. Год 2014. Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1 (36). С. 72–95.
18. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1999.
19. Щедрин Н.В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4. (31). С. 26–35.

REFERENCES

1. 6 dekabrya 2019 goda beseda «Pravo, tsifrovizatsiya i bezopasnost v prestupnostivedcheskom pole (vozvrashchayas k teme)». [The seminar «Law, digitalization and security in the criminological sphere (returning to the topic)» as of December 6, 2019]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-session/373-2019-12-08-11-57-27.html> (date of submission: 09.01.2020).
2. Albrecht H.-J. Kriminalitätsumfang, Opferrisiken und Kriminalitätsfurcht in der Schweiz // Kunz K.-L., Moser R. (Hrsg). Innere Sicherheit und Lenesängste. Bern, Stuttgart, Wien: Haupt, 1997.
3. Arnold J., Shestakov D. Verletzung der staatlichen Souveränität als kriminologisches und strafrechtliches Problem. Ein Kongressbericht // Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform, 2019, Volume 102, Issue 2, pp. 154–162.
4. Alikperov H.D. Globalniy distantsionniy control nadprestupnostyu: dopustimost, vozmozhnosti, izderzhki. [Global distant control over crime: availability, opportunities, costs]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, no. 3 (42), pp. 26–33.
5. Alikperov H.D. Elektronnaya sistema opredeleniya optimalnoy mery nakazaniya (postanovka problemy). [Electronic system for determining the optimal punishment (formulation of the problem)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 4(51), pp. 13–22.
6. Arnold J. K sootnosheniyu (ugolovno) prava, bezopasnosti i svobody vvidu transformatsiy bezopasnosti, ponyatiya «litso, predstavlyayushcheye ugrozu», a takzhe sudebnoy praktiki Federalnogo Konstitutsionnogo Suda, imeyushchey otnosheniye k ponyatiyu «svoboda». [To the correlation of the (criminal) law, safety and freedom in connection with transformations of security, concept of «person representing threat», as well as judicial practice of the Federal Constitutional Court, relating to the concept «freedom»]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 3 (50), pp. 20–29.
7. Danilov A.P. *Kriminologiya: Rossiya i Mir*. [Criminology: Russia and the World]. St.P.: ZAO «Poligraficheskoe predpriyatie № 3». 2018, 328 p.
8. Sieber U. Granitsy ugolovnoy prava. Osnovnye polozheniya i prizivy novoy issledovatel'skoy ugolovno-pravovoy programmy Instituta zarubezhnogo i mezhdunarodnogo ugolovnoy prava im M. Planka. [Limits of criminal law. Major notions and challenges of new research program in criminal law in Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law]. *Perevod s nemetskogo D.A. Shestakova. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2009, no. 1 (16), pp. 15–78.
9. Ivashov L. 11 sentyabrya – eto globalnaya provokatsiya. [September 11 is a global provocation]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/09/11/11_sentyabrya_-_e_to_global_naya_provokatsiya/ (date of submission: 19.11.2019).
10. Larina E., Ovchinskiy V. Predsedatel Si: «Dannye predpochtitelnee slov». Algoritmicheskoe upravlenie mirom kak tsel rukovodstva KNR? [Chairman Xi: «Data is preferable to words». Algorithmic world governance as the goal of the leadership of China?]. URL: http://zavtra.ru/blogs/predsedatel_si_dannye_predpochtitelnee_slov (date of submission: 19.11.2019).
11. Lebedev S.Y. Tsifrovoy bezopasnosti – tsifrovoy ugolovno-pravovoy resurs. [Digital criminal law resource for digital security]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 4 (55), pp. 17–25.
12. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. St.P.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr Press», 2011, 75 p.
13. Shestakov D.A. *Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs*. [Criminology: crime as a social trait]. St.P.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosuniversiteta, «Lan», 2001, 264 p.
14. Shestakov D.A. Suzhdeniya o prestupnosti i vokrug nee. [Judgments about and around crime]. Predisl. E. Gondolfa. St.P.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2015. 84 p.

15. *Shestakov D.A.* Teoriya prestupnosti i otraslevaya kriminologiya. Izbrannoe. [Theory of crime and branch criminology. Selected]. St.P.: Izdatelstvo «Yuridicheskiy tsentr», 2015, 430 p.

16. *Shestakov D.A.* Elektronnye vesy pravosudiya v svete obshchey prestupnostivedcheskoy teorii. [Electronic scales of justice in the light of general criminological theory]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 1 (52), pp. 13–15.

17. *Shestakov D.A., Dikaev S.U., Danilov A.P.* Letopis Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. God 2014. [The chronicle of the St.-Petersburg International Criminology Club. The year 2014]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 1 (36), pp. 72–95.

18. *Shchedrin N.V.* Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti: Monografiya. [Introduction to the legal theory of security measures: Monograph]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. gos. un-ta, 1999.

19. *Shchedrin N.V.* Kontseptualno-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti. [Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 4 (31), pp. 26–35.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель и президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder and president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Л.В. Готчина

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

Аннотация: Эффективным направлением в деле цифровизации противодействия наркопреступлениям является использование для выявления сбыта наркотиков современных технических ресурсов. Потребность в этом обусловлена тем, что зачастую серверы, через которые осуществляется поиск клиентов-покупателей наркотиков, находятся за границей. Техническое отслеживание наркочереписки позволит выявить места и время сбыта, увеличить процент пресечения таких преступлений, уменьшить число потребления наркодоз.

Ключевые слова: цифровизация; наркопреступления; противодействие преступности; искусственный интеллект; компьютерные технологии.

L.V. Gotchina

DIGITALIZATION OF DRUG CRIMES AND COUNTERACTION TO THEM

Summary: An effective direction in the digitalization of drug crimes counteraction is the use of modern technical resources to detect drug trafficking. This is necessary because the servers through which the search for drug buyers is carried out are often located abroad. Technical tracking of drug correspondence will help to identify places and time of sale, increase the percentage of suppression of such crimes, and reduce the number of drug addicts.

Keywords: digitalization; drug crimes; crime counteraction; artificial intelligence; computer technology.

В Стратегии национальной безопасности РФ, утверждённой Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, констатируется появление новых форм противоправной деятельности, для которых характерно использование информационных, телекоммуникационных технологий. Их применение мы наблюдаем и при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Уровень общественной опасности таких деяний выше в связи с колоссальным числом потенциальных получателей информации через глобальную сеть Интернет.

Её открытость и доступность стали факторами увеличения спроса на наркотики, о чём, в частности, свидетельствуют статистические данные поисковых систем. Как утверждал представитель Государственного антинаркотического комитета Г. Удовиченко на Форуме безопасного интернета, проведённого в 2012 году РИА Новости, «наблюдается постоянный рост числа поисковых запросов, касающихся информации о наркотиках» [4].

Реакция законодателя на данную преступную активность выражена в диспозиции

пункта «б» части 2 статьи 228¹ УК РФ. Она охватывает деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Однако уголовного закона, даже обладающего значительным потенциалом противодействия преступности, недостаточно. В 2018 году доля лиц, осуждённых за совершение преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ, составляла 20 % от общего числа лиц, осуждённых за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (в соответствии со статистической формой 6-МВ-НОН). Речь идёт о привлечении к ответственности «контактных сбытчиков», то есть тех, кто непосредственно передаёт средства или вещества, запрещённые к гражданскому обороту, для их дальнейшего употребления.

Однако необходимо признать, что такой метод сбыта характерен лишь для новичков наркорынка или мелких сбытчиков. Сегодня деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков характеризуется следующими

признаками: хорошо отлаженная, высокоорганизованная, многоэтапная, коррумпированная, высокодоходная, нацеленная на конкретную возрастную группу – молодёжь.

«Рутинные, ручные» способы совершения преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ, ушли в прошлое, на смену им пришли конспиративные, массовые. Особо следует отметить среди них использование наркопреступниками возможностей искусственного разума. Так, ряд сайтов, посвящённых сбыту наркотиков, обслуживается не человеком, а специально разработанной программой, действующей на основе компьютерного алгоритма. Он прописывается специалистом в сфере информационных технологий.

Если ранее мы признавали в качестве движущей силы наркорынка химиков, синтезирующих новые вещества, вызывающие зависимость, то сегодня к этой силе следует отнести и математиков с программистами, очень хорошо зарабатывающих на этой преступной сфере. Опасность использования преступниками искусственного интеллекта высока. Он обеспечивает массовость сбыта, быстрое привлечение новых потенциальных потребителей, уход от ответственности исполнителей-«компьютерных сбытчиков».

По моему мнению, 80 % сбыта, не выявленного правоохранительными органами, совершается именно с помощью электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Поэтому сложно согласиться с позицией В.Ф. Джафарли, указывающего на потребность в специальной правовой платформе для применения современных цифровых технологий [3, с. 51], так как таковые универсальны, т.е. могут быть использованы как правоохранителями, так и преступниками.

Не смотря на расширяющуюся потребность в технологиях, они должны применяться в правоохранительной деятельности не всеми сотрудниками правоохранительных органов. Вероятнее всего, должен быть организован соответствующий отдел в структуре оперативных подразделений, специализирующихся на борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Также будущим сотрудникам необходима специальная профессиональная подготовка. Возникла потребность в изменении образовательного стандарта, учебных планов для курсантов

юридических факультетов вузов правоохранительной системы.

Опираясь на криминологическую теорию, а также статистику пресечения сбыта наркотиков в России, свидетельствующую о низких показателях правоохранительных органов в данной сфере, констатируем важность установления связи между цифровизацией наркопреступлений и противодействия ей, с одной стороны, и наркобезопасностью – с другой.

Цифровизация наркопреступлений связана не только со сбытом наркотиков. В этой связи согласна с мнением С.Я. Лебедева, указывающего на «явную неготовность нашего законодателя и, главное, правоприменителя адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены» [1]. Закономерен вопрос: «Должен ли законодатель реагировать на появляющиеся преобладающие способы совершения преступлений?». Должен! В нашем понимании преобладание конкретного способа совершения уголовно наказуемого деяния и массовость преступлений, совершённых этим способом, и есть те критерии, которыми должен руководствоваться законодатель, чтобы оперативно реагировать на изменения «преступного поля».

Как говорится, «Один в поле не воин». Понимая, что преступность – это живой, видоизменяющийся организм, использующий все новые методы и средства, противодействие ей также должно стремиться успевать «оцифровываться». Одним из эффективных средств такого противодействия наркопреступлениям и является учёт уголовным законодательством цифровизации наркопреступлений, выражающийся в дополнении УК РФ таким способом совершения преступления, как «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», в качестве квалифицирующего признака. Отметим, Уголовный кодекс в целом и, в частности, статьи 228–234 требуют глубокой переработки.

Я придерживаюсь точки зрения большинства специалистов, признающих кризис уголовного наказания. В таких условиях затруднительно и несвоевременно использовать электронные программы для принятия оптимального судебного решения. Более того, в моём представлении создание универсальных моделей, методик такого рода невозможно, утопично.

В соответствии с ч. 1 ст. 72¹ УК РФ, суд может возложить на осуждённого обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию, а в соответствии с ч. 1 ст. 82¹ УК РФ «... может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и прохождения медицинской реабилитации, социальной реабилитации».

В 2015–2018 годах судом на осуждённых по ст. 228 УК РФ возлагалась обязанность, предусмотренная ч. 1 ст. 72¹ УК РФ, в 5 % случаев, а по ст. 228¹ УК РФ частота обязывания пройти лечение выросла с 14,3 % в 2015 г. до 20 % в 2018 г. В то же время отмечалось уменьшение числа случаев назначения судом отсрочки отбывания наказания: с 1 % в 2015 г. до 0,6 % в 2018 г.

Каким образом компьютерная программа будет определять оптимальное решение по таким вопросам? Как она расценит понятия «может возложить обязанность...», «может отсрочить...»? Вряд ли математическая формула обеспечит принятие компьютерной программой объективного судебного решения. Ведь в его основу закладываются также не учитываемые искусственным разумом категории: личность виновного, влияние назначенного наказания на исправление осуждённого и на условия жизни его семьи (в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Все обстоятельства невозможно описать в формуле. Именно поэтому, с учётом всего вышесказанного, применение «оцифрованных» технологий для вынесения судебного решения электронной программой несвоевременно. Они не обеспечат вынесения справедливых и объективных судебных решений. Это прерогатива судьи и присяжных заседателей.

Не отрицая ценности возможностей современных технических средств и математического моделирования, нужно понимать, что они не всегда могут заменить человека потому, что социально-правовые системы и процессы носят нелинейный характер.

Кроме того, как отмечают криминологи, современная экономическая модель исключает человека из производственной деятельности. Она вышла за пределы криминологической меры, является преступной. Противодействие криминогенным факторам прогресса – возвращение производству человеческого лица: люди должны быть задействованы не менее

чем в 70 % от всех производственных процессов. Эту криминологическую границу прогресс не должен переступать [2, с. 65].

По прототипу идеи о том, что «с экономическими преступниками надо бороться экономическими методами», нам видится необходимой разработка новых видов наказаний, предусматривающих информационную изоляцию.

Кроме того, поскольку преступники, совершающие киберпреступления, достаточно часто являются высококлассными программистами, специалистами в IT-сфере, они могут быть полезны по другую сторону баррикад – в деле цифровизации противодействия наркопреступлениям. Таким образом, необходимо дополнить УК РФ статьёй, предусматривающей основания и правила освобождения от уголовной ответственности лиц по делам о преступлениях в сфере компьютерной деятельности. Подобный проект уже реализован в отношении экономических преступников – статья 76¹ УК РФ.

Следующим эффективным направлением цифровизации противодействия наркопреступлений является использование для выявления сбыта наркотиков, особенно, при приготовлении к нему, современных технических ресурсов. Потребность в этом обусловлена, в первую очередь, тем, что зачастую серверы, через которые осуществляется поиск клиентов-покупателей наркотиков, находятся за границей. Однако техническое отслеживание наркопереписки позволит выявить места и время сбыта, увеличить процент пресечения таких преступлений, уменьшить число потребления наркодоз.

Обеспечению эффективности данного направления деятельности правоохранительных органов способствует реализация предложения С.Я. Лебедева о «целенаправленном и масштабном объединении профессиональных научно-аналитических потенциалов экономистов, юристов и информационных технологов» [1], возможно, уже в рамках получения курсантами университетов МВД образования и соответствующих специальностей.

Умение разрабатывать компьютерные программы, контролировать их и, при необходимости, корректировать сегодня первостепенно важно при использовании искусственного разума с целью выявления распространителей наркотиков. IT-технологии успешно применя-

ются за рубежом. Они позволяют, например, производить замены обращений граждан: с сайтов распространителей наркотиков на фальш-сайты, реализующие незапрещённые вещества. Как следствие, падает спрос на такие сайты «бесконтактного сбыта», выявляются время и места вероятного сбыта, пополняются профилактические учёты наркопреступников, увеличивается процент пресечения наркопреступлений, уменьшается число потребления наркотоз.

Для реализации такого проекта в России необходимы: 1) разработка нормативной базы, обеспечивающей законность функционирования электронного профилактического ресурса; 2) подготовка кадров, следящих за его функционированием. К разработке правовых актов нужно подойти с особой осторожностью, так, чтобы в процедуре «сайтозамены», которая, конечно, должна быть прерогативой правоохранительных органов, не усматривались признаки мошенничества, поведения, склоняющего к сбыту, квалифицируемого как провокация со стороны лиц,

наделяющих компьютерные программы правом такой замены.

Должны быть проработаны и вопросы перенаправления программой денег за покупку якобы наркотика на банковский счёт государства, средства с которого впоследствии следует направлять на профилактику правонарушений детей и подростков из групп риска, лечение и реабилитацию наркозависимых. В связи с этим напомним справедливое замечание Д.А. Шестакова: «Одним из немногих перспективных средств ослабления спроса (или, по крайней мере, темпов его роста) на наркотики является целенаправленное формирование у подростков и детей, в первую очередь младшего возраста, отвращения к наркотикам и страха (ужаса!) перед их потреблением. В разработке соответствующих воспитательных программ требуется участие детских психологов. Оно предполагает сотрудничество со средствами массовой информации. Уже в детском сознании должны засесть запоминающиеся отталкивающие образы и ситуации» [5, с. 33].

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 6 декабря 2019 года беседа «Право, цифровизация и безопасность в преступности-ведческом поле (возвращаясь к теме)». URL: <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27.html> (дата обращения: 08.12.2019).
2. Данилов А.П. Прогресс как криминогенный фактор // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 64–68.
3. Джафарли В.Ф. О созвучности тезиса «цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс» теории криминологической безопасности в сфере информационных технологий // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 47–54.
4. Филонов Д. Интернет стал основным каналом сбыта синтетических наркотиков. URL: <https://ria.ru/20120207/559738738.html> (дата обращения: 29.11.2019).
5. Шестаков Д.А. Почему бы не ликвидировать наркобизнес? Теоретико-криминологический подход // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 30–34.

REFERENCES

1. 6 dekabrja 2019 goda beseda «Pravo, tsifrovizatsiya i bezopasnost v prestupnostivedcheskom pole (vozvrashchayas k teme)». [The seminar «Law, digitalization and security in the criminological sphere (returning to the topic)» as of December 6, 2019]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-session/373-2019-12-08-11-57-27.html> (date of submission: 08.12.2020).
2. Danilov A.P. Progress kak kriminogenniy faktor. [Progress as a criminogenic factor]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, no. 4 (43), pp. 64–68.
3. Dzhafarli V.F. O sozvuchnosti tezisa «tsifrovoy bezopasnosti – tsifrovoy ugolovno-pravovoy resurs» teorii kriminologicheskoy bezopasnosti v sfere informatsionnykh tekhnologiy. [On the consonance between the thesis «digital criminal law resource for digital security» and the theory of criminological security in IT sphere]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 4 (55), pp. 47–54.

4. *Filonov D.* Internet stal osnovnym kanalom sbyta sinteticheskikh narkotikov. [The Internet has become the main channel for the sale of synthetic drugs]. URL: <https://ria.ru/20120207/559738738.html> (date of submission: 29.11.2019).

5. *Shestakov D.A.* Pochemu by ne likvidirovat narkobiznes? Teoretiko-kriminologicheskiy podkhod. [Why not eliminate the drug business? Theoretical and criminological approach]. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2010, no. 1, pp. 30–34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лариса Владимировна Готчина – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: lgotchina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Larisa Vladimirovna Gotchina – Doctor of Laws, professor, head of the department of criminal law at Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: lgotchina@yandex.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

А.В. Никуленко

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВЗГЛЯД ДИЛЕТАНТА

Аннотация: Сегодня в России противодействие противоправным проявлениям в сети Интернет возможно лишь за счёт использования особых сил, средств, методов. Большая часть преступлений в сфере компьютерных технологий выявляется не правоохранительными органами, которые как раз и призваны оперативно реагировать на преступные угрозы, а специалистами служб безопасности банков, других коммерческих структур, в том числе интернет-компаний, организаций, разрабатывающих антивирусные программы.

Ключевые слова: киберпреступления; компьютерные технологии; противодействие преступности; личность киберпреступника.

A.V. Nikulenko

ON SOME ISSUES OF CYBERSECURITY IN THE MODERN WORLD: THE VIEW OF AN AMATEUR

Summary: Today in Russia, counteraction to illegal acts on the Internet is possible only with the use of special forces, means, and methods. Most crimes in the computer technology sphere are detected not by law enforcement agencies, which are designed to respond quickly to criminal threats, but by specialists of bank security services or other commercial structures, including Internet companies, and organizations that develop antivirus programs.

Keywords: cybercrime; computer technologies; crime counteraction; cybercriminal identity.

Сегодня уже невозможно представить нашу жизнь без смартфонов, планшетов, компьютеров как на работе, так и дома, во время отдыха. Этот своего рода «симбиоз» гаджета и человека делает последнего уязвимым, доступным для посягательства киберпреступников.

Интернет-ресурсы – хранилища колоссального количества информации, пополняемые каждую секунду. Интернет-источникам, по статистике, население уделяет больше времени, чем каким-либо другим. Оно стало зависимым от интернета. Классические телевидение, газеты, радио давно ушли на второй план.

К сожалению, с вступлением человечества в век цифровых технологий стали усложняться и способы совершения преступлений. В последнее время всё больший общественный резонанс вызывают преступные деяния, совершаемые через сеть Интернет. Киберпреступления – не просто преступления, совершаемые в сфере информационных технологий, это важная проблема государства и общества, способ обойти законные требования при помощи современных средств шифрования, которые может применить любой

человек, даже на примитивном уровне разбирающийся в программировании.

Повышенная опасность компьютерных преступлений заключается в их «доступности»: каждый пользователь, обладающий персональным компьютером, может их совершать. На лёгкость преступного обучения через интернет специалисты пока недостаточно обращают внимания. Однако весь арсенал новых способов совершения преступлений находится в открытых источниках – социальные сети, группы по интересам, различные каналы на медиа-ресурсах (так называемые гайды и обучающие видео, которыми кишит интернет).

Так, по данным начальника Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России генерала полиции А.А. Курносенко, каждое седьмое преступление в России совершается с помощью IT-технологий. Размер причинённого ими материального ущерба уже в сентябре 2019 года превысил 10 млрд рублей. Наибольшее количество таких преступлений зарегистрировано в крупных городах страны [10].

За 2017–девять месяцев 2019 года прирост преступлений в сфере информационных технологий составил 165 %. В 2017 году их было совершено 66 тысяч, в 2018 – 175 тысяч, за девять месяцев 2019 года – более 200 тысяч. Около 50 % данных деяний – различные виды мошенничества. В 2019 году их количество увеличилось на 40 %. Более половины подобных преступлений совершается с помощью интернета, более трети – средств мобильной связи, каждое десятое – с использованием банковских карт [10].

Ежегодно преступники изобретают всё новые способы краж денег с кредиток. Они применяют считывание данных с помощью скиммера, покупают клиентские базы у банковских работников. Использование IP-технологий позволяет совершать неотслеживаемые телефонные звонки, которые, в сущности, стали бичом в современном мире. Достаточно вспомнить рассылку бесчисленных сообщений по электронной почте, звонки на стационарные и мобильные компьютерные устройства (IP-телефония), в которых сообщалось о якобы заложенных взрывных устройствах в различных инфраструктурных объектах Москвы, Петербурга и других крупных городов России.

В начале декабря 2019 года Москва и Санкт-Петербург пережили очередную атаку «телефонных террористов». Практически ежедневно «минировались» торговые центры, школы, аэропорты. Однако под самый мощный «шквал» попали суды: их эвакуировали во многих районах и не по одному разу [2]. Например, Петродворцовый суд Санкт-Петербурга подвергся более чем десяти «атакам».

Большинство звонков и сообщений шло из-за рубежа и, как правило, через IP-телефонию. Именно поэтому вычислить и наказать пишущих и звонящих практически невозможно. Всё это вызывает панику среди населения, деморализует общество, свидетельствует о бессилии правоохранительных органов в противостоянии данному виду преступлений.

Наконец, этим видом преступной активности занялись в государственных структурах, хотя о том, что преступность уходит в «сеть» (по этой причине мы и фиксируем небывалое сокращение числа преступлений в мире), предупреждали многие специалисты [1; 8; 11; 12]. В структуре МВД России вскоре появятся специализированные подразделения,

усилия которых направят на противодействие хакерам, компьютерным взломщикам и преступникам, похищающим средства со счетов. Такое решение по итогам ведомственной коллегии принял Министр внутренних дел РФ В.А. Колокольников. Новые подразделения сформируют по отраслевому принципу и в пределах имеющейся штатной численности. Появятся такие IT-отделы как в центральном аппарате МВД, так и в территориальных органах внутренних дел [3].

По словам официального представителя МВД России И.В. Волк, руководителям оперативных главков, Следственного департамента и Управления организации дознания поручено подготовить и представить на утверждение документы, в которых будут определены организационные структуры, полномочия и функции создаваемых подразделений. Параллельно в структуре МВД России существенно увеличится штат Бюро специальных технических мероприятий, специалисты которого оказывают техническую поддержку оперативникам и следователям при раскрытии преступлений [9].

В настоящее время мы наблюдаем следующую тенденцию: преступления в сфере компьютерных технологий выявляются не правоохранительными ведомствами, которые как раз и призваны оперативно реагировать на преступные угрозы, а специалистами служб безопасности банков, других коммерческих структур, в том числе интернет-компаний, организаций, разрабатывающих антивирусные программы.

По мнению учредителя компании Интернет-Розыск И.С. Бедерова, к анонимной противоправной телекоммуникационной деятельности можно отнести существование в сети Интернет наркоторговой площадки «HYDRA», многочисленные случаи телефонного и e-mail-терроризма. Достаточно часто лишь игнорирование преступниками собственных правил безопасности при работе в сети приводило к их разоблачению. В целом же процент раскрытия уголовных дел, возбуждённых в рамках расследования преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является на сегодняшний день крайне низким и не превышает 25 % от их общего числа. Решение данной проблемы видится в создании в России принципиаль-

но новой системы криминалистического учёта и идентификации на основе электронно-цифрового следа (далее по тексту – ЭЦС) компьютерного или электронного устройства [7].

В нашей стране пока не решена задача централизованного сбора и анализа ЭЦС в криминалистических целях. При введении же системы учёта ЭЦС на идентификацию сетевых правонарушителей даже участковые уполномоченные полиции будут тратить не более 20 минут. При этом система криминалистической идентификации по ЭЦС минимизирует количество ошибок и злоупотреблений сотрудников полиции. ЭЦС невозможно подделать или подбросить на место преступлений [7].

Становлению системы ЭЦС в какой-то степени может препятствовать крупный IT-бизнес. Как отмечает директор Координационного центра доменов .RU/ .РФ А.А. Воробьёв, число пользователей Интернета по итогам 2019 г. составляет около 96 млн человек. Развитие технологий всегда сопряжено с рисками. Регулирование в этом случае значимо, но также важно, чтобы оно не было чрезмерным: чем больше мы его усиливаем, тем больше сокращаем экономический эффект от развития технологий [6].

Более простой пример использования IT-технологий в деле противодействия преступности – IMEI-код. Так, мобильная связь получила широкое распространение около 20 лет назад, но до сих пор не разрешена проблема поиска похищенных мобильных устройств, прежде всего, сотовых телефонов, хотя каждый из них имеет свой уникальный IMEI-код, с которым он регистрируется в сотовой сети. По данному коду любое устройство может быть идентифицировано и заблокировано, а это – эффективная мера профилактики данного вида преступлений.

Как правило, киберпреступник – лицо, обладающее профессиональными знаниями в области информатики, информационных технологий, которые позволяют ему добывать необходимые сведения. Если обратиться к «воронке Шестакова» и взглянуть, например, на планетарный «олигархический» уровень преступности [13, с. 13], среди киберпреступников данного уровня мы встретим большое число представителей спецслужб, в частности, сотрудников АНБ США, прослушивающих почти всех на планете.

В связи с этим заслуживают внимания предложения А.П. Данилова о принятии Конвенции «О недопущении всеобъемлющего нарушения тайны общения» и создании контролирующей организации (по аналогии с МАГАТЭ, следящей за нераспространением ядерного оружия и его составляющими в мире), которая могла бы осуществлять технический надзор за электронными и иными средствами, используемыми для глобальной слежки. В Конвенции, на основе понимания современного уровня развития технических средств, способов нарушений, предлагается закрепить положения о контрольных органах и мероприятиях, а также об ответственности за нарушения [4, с. 20].

Программы, используемые для получения информации и персональных данных граждан, могут загружаться на компьютер с интернет-ресурса, но с целью сохранения полной анонимности они устанавливаются через теневые секторы интернета. Например, для получения доступа к таким программам злоумышленник может воспользоваться специальным браузером «Tor Browser», логотип которого – стилизованная луковица – известен уже очень многим.

При помощи этого браузера любой человек может получить доступ к закрытым (заблокированным) ресурсам сети. Браузер является своего рода проводником между WideWeb (официальный интернет, к которому мы привыкли) и DarkNet (теневая часть интернета, в которой можно добыть любые инструменты для совершения преступлений).

Отметим, криминальные структуры всё чаще используют возможности интернет-технологий для осуществления различных видов преступной деятельности: торговли оружием, наркотиками, людьми, террористической деятельности, вербовки экстремистски настроенной молодёжи. При этом «уход» в интернет обеспечивает максимальный уровень конфиденциальности и сокращение расходов.

12 декабря 2019 года был подписан Кодекс этики использования данных [5], подготовленный Институтом развития интернета и Ассоциацией больших данных. В Кодексе сбор персональных данных, вводящий пользователей в заблуждение относительно того, что они участвуют в исследовании рынка, признаётся недобросовестной практикой. Использование данных для таргетированного маркетин-

га (простыми словами – реклама, появляющаяся на странице пользователя, вследствие его запросов, фиксировавшихся в интернете) Кодекс называет добросовестной практикой, если есть возможность отказаться от получения основанных на таком маркетинге предложений. Сейчас контекстная реклама фактически ничем не ограничена.

Таким образом, вопрос «Ограничивать ли законодательно распространение той или иной информации в интернете или, наоборот, исключить его из сферы правового регулирования?» остаётся открытым. В этой связи также важно замечание Д.А. Шестакова: «нам

нужны криминологические доводы для национализации производства всего IT-оборудования и IT-технологий» [12, с. 29].

Мне представляется, ограничения в сети Интернет необходимы. Пока же противодействие противоправным проявлениям в ней возможно лишь с использованием особых сил, средств, методов: при наличии обученных специалистов, способных проводить такие мероприятия и оценивать правоохранительные, экономические, политические риски, связанные с вмешательством в личное интернет-пространство.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликперов Х.Д. Глобальный дистанционный контроль над преступностью: допустимость, возможности, издержки // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3 (42). С. 26–33.
2. Бабкин С. Эффект бомбы // Российская газета. – 2019. – 10 декабря.
3. Гаврилов Ю. Криминал меняет оружие // Российская газета. – 2019. – 4 ноября.
4. Данилов А.П. Криминология: Россия и мир. Санкт-Петербург, ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3», 2018. 332 с.
5. Кодекс этики использования данных. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/25949/kodeks-etiki-pdf.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).
6. Кривошапко Ю. Runet: Ру – да! // Российская газета. – 2019. – 2 декабря.
7. Криминалистика XXI века. URL: <https://интернет-розыск.рф/blog/24> (дата обращения: 15.12.2019).
8. Ларина Е., Овчинский В. Председатель Си: «Данные предпочтительнее слов». Алгоритмическое управление миром как цель руководства КНР? URL: http://zavtra.ru/blogs/predsedatel_si_dannie_predpochtitel_nee_slov (дата обращения: 15.12.2019).
9. Петров И. Руки прочь от компьютера // Российская газета. – 2019. – 5 ноября.
10. Фалалеев М. Воруя виртуально // Российская газета. – 2019. – 10 декабря.
11. Хвостик Е. Кибератаки вывели корпоративную преступность на новый уровень. Данные из компаний крадут чаще, чем деньги. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3527218> (дата обращения: 15.12.2019).
12. Шестаков Д.А. Возвращаясь к безопасности ввиду «оцифровки» уголовного права (в связи с докладом С.Я. Лебедева 6 декабря 2019 года) // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 26–31.
13. Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 12–22.

REFERENCES

1. Alikperov H.D. Globalniy distantsionniy control nad prestupnostyu: dopustimost, vozmozhnosti, izderzhki. [Global distant control over crime: availability, opportunities, costs]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, no. 3 (42), pp. 26–33.
2. Babkin S. Effekt bomby. [The effect of the bomb]. *Rossiyskaya gazeta*. 2019, December 10.
3. Gavrilov Y. Kriminal menyaet oruzhie. [Crime changes weapon]. *Rossiyskaya gazeta*. 2019, November 4.
4. Danilov A.P. Kriminologiya: Rossiya i Mir. [Criminology: Russia and the World]. St.P.: ЗАО «Poligraficheskoe predpriyatie № 3». 2018, 332 p.
5. Kodeks etiki ispolzovaniya dannykh. [Code of ethics for data use]. URL: <https://ac.gov.ru/files/content/25949/kodeks-etiki-pdf.pdf> (date of submission: 15.12.2019).
6. Krivoshapko Y. Runet: Ru – da! [Runet: Ru – yes!]. *Rossiyskaya gazeta*. 2019, December 2.
7. Kriminalistika XXI veka. [Forensics of the XXI century]. URL: <https://интернет-розыск.рф/blog/24> (date of submission: 15.12.2019).
8. Larina E., Ovchinskiy V. Predsedatel Si: «Dannye predpochtitelnee slov». Algoritmicheskoe upravlenie mirom kak tsel rukovodstva KNR? [Chairman Xi: «Data is preferable to words». Algorithmic world governance as the goal of the leadership of China?]. URL: http://zavtra.ru/blogs/predsedatel_si_dannie_predpochtitel_nee_slov (date of submission: 15.12.2019).

9. *Petrov I.* Ruki proch ot kompyutera. [Hands off the computer]. Rossiyskaya gazeta. 2019, November 5.
10. *Falaleev M.* Voruyut virtualno. [One steals virtually]. Rossiyskaya gazeta. 2019. December 10.
11. *Khvostik E.* Kiberataki vyveli korporativnuyu prestupnost na noviy uroven. Dannye iz kompaniy kradut chashche, chem dengi. [Cyberattacks brought corporate crime to a new level. Company data is stolen more often than money]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3527218> (date of submission: 15.12.2019).
12. *Shestakov D.A.* Vozvrashchayas k bezopasnosti vvidu «otsifrovki» ugolovnogo prava (v svyazi s dokladom S.Y. Lebedeva 6 dekabrya 2019 goda). [Returning to security in light of the «digitalization» of criminal law (in connection with the report of S.Y. Lebedev as of December 6, 2019)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 4 (55), pp. 26–31.
13. *Shestakov D.A.* Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost: devyatiy uroven prestupnosti. [Global oligarchic criminal activity: ninth level of crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 2 (25), pp. 12–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Вячеславович Никуленко – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: nikulenkoa@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Andrey Vyacheslavovich Nikulenko – Doctor of Laws, associate professor, associate professor of the department of criminal procedure at Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: nikulenkoa@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Н.А. Крайнова

«МЕЖДУНАРОДНАЯ ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация: Проблема цифровой безопасности не является сугубо внутригосударственной. Решать её предстоит сообща – всему мировому сообществу. Без активного взаимодействия государств и международных организаций невозможно эффективно противодействовать киберпреступлениям. Оцифровка уголовного закона не нужна. Он должен регулировать реальные (не виртуальные) отношения между людьми, защищать жизненные ценности. Цифровизация же процессов предупреждения преступлений желательна (с обязательным учётом положений формирующегося «права безопасности»).

Ключевые слова: цифровизация; уголовное право; «право безопасности»; международная цифровая безопасность; противодействие преступности.

N.A. Krainova

«INTERNATIONAL DIGITAL SECURITY»: MYTH OR REALITY?

Summary: The problem of digital security is not only a domestic issue. It has to be solved jointly by the global community. Without the active cooperation of states and international organizations, it is impossible to effectively counter cybercrime. Digitalization of the criminal law is not needed. The criminal law must regulate real (not virtual) relationships between people and protect life values. Digitalization of crime prevention processes is desirable (taking into account the provisions of the emerging «security law»).

Keywords: digitalization; criminal law; «security law»; international digital security; crime counteraction.

Цифровое управление общественными отношениями стремительно набирает обороты, охватывая практически все сферы человеческой жизнедеятельности, заменяя собой классические инструменты регулирования. Как следствие, наше общество трансформируется, что приводит не только к положительным результатам, но и порождает определённые вызовы и угрозы.

В складывающейся ситуации обеспечение информационной безопасности граждан, общества, государства становится достаточно актуальным направлением. Ещё в июле 2018 года, выступая на Первом Международном конгрессе по кибербезопасности, Президент РФ В.В. Путин отметил, что вопросы безопасности информационного пространства требуют особого внимания, так как число угроз в этой сфере растёт [10].

По данным Министра внутренних дел РФ В.А. Колокольцева, количество киберпреступлений в России в 2018 г. увеличилось на 92 %, а за последние годы – в 16 раз [9]. За период с января по октябрь 2019 года в нашей стране зарегистрировано 240,2 тыс. преступлений,

совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 69,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года). В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 8,4 % (в январе – октябре 2018 г.) до 14,0 % [5].

Наибольшее число киберпреступлений выявлено органами внутренних дел (98,4 %), около половины данных деяний (48,7%) относится к категориям тяжких и особо тяжких (117,0 тыс.) преступлений, более половины (52,6 %) совершается с использованием сети «Интернет» (126,3 тыс.), более трети (38,5 %) – средств мобильной связи (92,4 тыс.). Путём кражи или мошенничества совершено 79,0 % преступлений (189,8 тыс.), 8,6 % (20,7 тыс.) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств [5].

Эксперты полагают, что в 2020 году число киберпреступлений будет только расти. При этом становится всё труднее им противодействовать, в том числе в силу постоянного совершенствования вредоносных программ, используемых злоумышленниками.

Крупные компании для повышения эффективности своей деятельности стараются её оцифровывать. Тем самым они делают себя более уязвимыми перед киберпреступниками. С расширением возможностей машинного обучения и искусственного интеллекта криминогенность информационно-телекоммуникационной сферы увеличивается. С каждым днём становится всё больше различных вредоносных программ, чат-ботов, помогающих мошенникам совершать кибератаки. Кроме того, развивается криптография – способ кражи личных данных граждан, конфиденциальной информации со взломанных электронных ресурсов [1].

Таким образом, решение проблем цифровой безопасности средствами правового регулирования является крайне актуальной задачей. В этой связи исследование возможностей уголовного, уголовно-процессуального права и криминологии в обеспечении цифровой безопасности, ставшее предметом доклада С.Я. Лебедева [6], представляется весьма своевременным.

Как отмечает Семён Яковлевич, в чём я с ним полностью согласна, «до сих пор наше традиционное материальное право, обозначающее, что есть правонарушение и преступление, и вместе с ним процессуальное право, регламентирующее правовые механизмы воздействия на правонарушителей (преступников), демонстрируют себя в так называемом «аналоговом режиме»» [6, с. 21]. Представляется, что данная ситуация объяснима именно «традиционностью» материального права, его функциональным предназначением – регулирование общественных отношений в системе «человек–человек».

Возникшие и сформировавшиеся много столетий назад традиционные правовые нормы, институты предназначены для регулирования отношений, существующих в настоящем (реальном) мире, субъектами которых выступают люди. Распространение действия традиционных норм на отношения, возникающие и развивающиеся в цифровом пространстве (нереальном, виртуальном мире), возможно, будут давать сбой, работать не так или вовсе не работать. В этой связи становится объяснимой подмеченная многими специалистами, в том числе и профессором Лебедевым, ситуация, характеризующаяся «явной неготовностью нашего законодателя

и, главное, правоприменителя адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены» [6, с. 19].

Учитывая вышеизложенное, до начала масштабного реформирования уголовного законодательства под цифровые реалии нам необходимо ответить на вопрос: «А следует ли это делать вообще?».

В рамках реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» был принят пакет изменений в Гражданский кодекс РФ, вступивших в силу с 01.10.2019 г., которые уже оцениваются специалистами как декларативные, нуждающиеся в дополнениях [8]. Отметим, данные законодательные новеллы приняты со значительным опозданием, отражают уже сложившиеся отношения, никакого существенного результата, по мнению ряда специалистов, не дали. В гражданско-правовом регулировании, в отличие от уголовного, действует принцип аналогии, и такие запоздалые и неполные изменения и дополнения ГК РФ будут работать, тем более, что практика уже идёт по этому пути. Однако для уголовно-правового регулирования подобная ситуация губительна.

Говоря о процессах цифровизации сферы уголовно-правовых отношений, необходимо разделять область правового регулирования и применяемые для такового инструменты. Нельзя забывать, что слепое, бездумное следование тенденциям правового регулирования в других отраслях права, прежде всего, цивилистических, может привести к весьма трагичным последствиям для уголовного законодательства, в то время как обдуманное использование цифрового инструментария станет весьма полезным.

Цифровизация деятельности органов прокуратуры, судебной системы, подразделений МВД РФ, Следственного комитета РФ, направленная на совершенствование документооборота, весьма полезна. Использование ими в своей работе современных технических средств и новинок IT-прома заслуживает одобрения. Ожидаемое создание в структуре МВД подразделений, которые будут специализироваться на противодействии преступлениям в IT-сфере [7], вызывает у меня оптимизм, свидетельствует о готовности государства противостоять киберугрозам. Предупреждение преступлений – важное на-

правление государственной деятельности, где внедрение цифровых технологических решений оправдано.

Подчеркну, противодействие преступности может и должно осуществляться с использованием цифровых технологий, так называемых инструментов Legal tech, но рассматривать их следует только как инструменты. При этом нельзя допускать вмешательства формирующегося в настоящее время «права безопасности» в сферу уголовного законодательства.

Считаю справедливым мнение У. Зибера, полагающего, что «право безопасности» требует самоопределения, так как оно не может вписаться в классические правовые отрасли: уголовное, полицейское, военное законодательство [4, с. 36]. Развитие в геометрической прогрессии цифровых технологий, их внедрение во все сферы жизни человека неизбежно. Использовать данные технологии необходимо, но делать это нужно «подконтрольно»: в рамках отдельной отрасли права – права безопасности.

Использование цифровых инструментов таит в себе угрозу. Как отметил Д.А. Шестаков, «прикасаясь к проблеме «безопасности», в связи с надвигающимся «цифровым» управлением обществом – в том числе управлением посредством «кибернизации» уголовного права, – нельзя ограничиваться восприятием лишь положительной стороны законодательства безопасности. Долг преступнововеда видеть также отрицательную, в частности, криминогенную сторону этой нормативной отрасли, связанную с ограничением прав человека, нельзя проходить мимо некоторых даже преступных её правил» [12, с. 28].

Любое технологическое решение, позволяющее ограничить возможность человека в выборе варианта действий, с неизбежностью порождает вопросы: «Как быть с соблюдением прав человека?», «Не даём ли мы при таком подходе возможность манипулировать признанными ценностями тем лицам, которые активно используют искусственный интеллект?». Предполагаемый выход из данной ситуации – отказ от наделения IT-систем функциями по управлению обществом, сохранение этих полномочий за государством. Эта проблема нуждается в дальнейшем осмыслении (при обязательном учёте развития цифровых технологий).

Процессам цифровизации, прежде всего, экономических отношений, сопутствует децентрализация управления. Например, использование криптовалют, как средства платежа, означает признание государством оборота неких «квазиденег», выпуск в обращение которых им не контролируется. Их особенность – они не имеют единого центра эмиссии. Криптовалюта (самая известная из них – биткойн) – это программный код, не регулируемый ни одним банковским надзорным органом в мире и не имеющий эмиссионного центра. Создают код или добывают условный ограниченный ресурс сами пользователи за счёт вычислительной мощности компьютера [11].

В настоящее время наше государство идёт по пути признания криптовалют в качестве «иног имуществва». Власти понимают необходимость осуществления государственного контроля за майнингом, но правовых решений для этого пока не предложено. Также остаётся открытым вопрос уголовно-правовой охраны отношений, связанных с выпуском криптовалют.

Повсеместное и бесконтрольное распространение, использование цифровых технологий представляет угрозу для государства. В связи с этим, заслуживает поддержки идея национализации производства всего IT-оборудования и IT-технологий [12, с. 31]. Возможно, таковая поможет России избавиться от всеобъемлющего нарушения тайны общения. Напомню, о нём нам поведал Э. Сноуден, ставший на своей Родине – в США – для большей части населения героем [3, с. 21].

Отмечу, проблема цифровой безопасности не является сугубо внутривнутригосударственной. Решать её предстоит сообща – всему мировому сообществу. Настоящий этап развития финансово-информационных технологий характеризуется нашей зависимостью от них. Без активного взаимодействия государств и международных организаций невозможно эффективно противодействовать киберпреступлениям. Нам необходима *многоуровневая институциональная система кибербезопасности*, включающая в себя:

– выработку стратегии, обеспечивающей кибербезопасность на национальном и международном уровнях;

– унификацию соответствующих положений в законодательстве государств, сотрудни-

чающих в сфере противодействия киберпреступности;

– заключение межгосударственных соглашений, предусматривающих меры противодействия компьютерной преступности;

– наращивание взаимодействия национальных спецслужб и координация их действий;

– совершенствование российского законодательства, учитывающее новые технические угрозы;

– формирование современной материально-технической и кадровой базы для противодействия киберпреступности;

– повышение технической и финансовой грамотности населения;

– координацию деятельности всех участников противодействия киберпреступности, начиная от правоохранительных органов и заканчивая исследовательскими и академическими структурами [2, с. 85–86].

Завершая свои размышления на тему международной цифровой безопасности, скажу следующее. Я против оцифровки уголовного закона. Он должен регулировать реальные (не виртуальные) отношения между людьми, защищать жизненные ценности. В то же время поддерживаю идею цифровизации процессов предупреждения преступлений (с обязательным учётом положений формирующегося «права безопасности»).

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексина П.* Кибератаки в 2019 году: что угрожает компаниям и пользователям. URL: <https://psm7.com/security/kiberprestupnost-v-2019-godu.html> (дата обращения: 01.12.2019).

2. *Головинов О.Н., Погорелов А.В.* Киберпреступность в современной экономике: состояние и тенденции развития // Вопросы инновационной экономики. 2016. № 1. Т. 6. С. 73–88.

3. *Данилов А.П.* Криминология: Россия и мир. Санкт-Петербург, ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3», 2018. 332 с.

4. *Зибер У.* Границы уголовного права. Основные положения и призывы новой исследовательской уголовно-правовой программы Института зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16). С. 15–78.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – октябрь 2019 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19007735> (дата обращения: 01.12.2019).

6. *Лебедев С.Я.* Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 17–25.

7. МВД создаст новые подразделения по борьбе с преступностью в сфере IT. URL: <https://pravo.ru/news/215771/> (дата обращения: 01.12.2019).

8. О реализации концепции цифровых прав. URL: https://zakon.ru/blog/2019/09/27/o_realizacii_konceptcii_cifrovuyh_prav (дата обращения: 01.12.2019).

9. *Петров И.* Число киберпреступлений в России увеличилось в 16 раз. URL: <https://rg.ru/2019/03/25/kolokolcev-chislo-kiberprestuplenij-v-rossii-uvlechilos-v-16-raz.html> (дата обращения: 01.12.2019).

10. Пленарное заседание Международного конгресса по кибербезопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57957> (дата обращения: 01.12.2019).

11. *Тихончук Д., Кантышев П.* Государство возьмёт под контроль эмиссию и обращение криптовалют. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/10/11/737423-gosudarstvo> (дата обращения: 01.12.2019).

12. *Шестаков Д.А.* Возвращаясь к безопасности ввиду «оцифровки» уголовного права (в связи с докладом С.Я. Лебедева 6 декабря 2019 года) // Криминология, вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 26–31.

REFERENCES

1. *Aleksina P.* Kiberataki v 2019 godu: chto ugrozhaet kompaniyam i polzovatelyam. [Cyber attacks in 2019: what threatens companies and users]. URL: <https://psm7.com/security/kiberprestupnost-v-2019-godu.html> (date of submission: 01.12.2019).

2. *Golovinov O.N., Pogorelov A.V.* Kiberprestupnost v sovremennoy ekonomike: sostoyanie i tendentsii razvitiya. [Cybercrime in the modern economy: state and development trends]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki – Issues of Innovative Economics*. 2016, no. 1, vol. 6, pp. 73–88.

3. *Danilov A.P.* Kriminologiya: Rossiya i Mir. [Criminology: Russia and the World]. St.P.: ZAO «Poligraficheskoe predpriyatye № 3». 2018, 332 p.

4. Sieber U. Granitsy ugovnogo prava. Osnovnye polozheniya i prizvyvy novoy issledovatel'skoy ugovno-pravovoy programmy Instituta zarubezhnogo i mezhdunarodnogo ugovnogo prava im M. Planka. [Limits of criminal law. Major notions and challenges of new research program in criminal law in Max Planck Institute for Foreign and International Criminal Law]. Perevod s nemetskogo D.A. Shestakova. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2009, no. 1 (16), pp. 15–78.

5. Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar – oktyabr 2019 goda. [Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – October 2019]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19007735> (date of submission: 01.12.2019).

6. Lebedev S.Y. Tsifrovoy bezopasnosti – tsifrovoy ugovno-pravovoy resurs. [Digital criminal law resource for digital security]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 4 (55), pp. 17–25.

7. MVD sozdast novye podrazdeleniya po borbe s prestupnostyu v sfere IT. [The Ministry of Internal Affairs will create new units to counteract crime in the field of IT]. URL: <https://pravo.ru/news/215771/> (date of submission: 01.12.2019).

8. O realizatsii kontseptsii tsifrovyykh prav. [On the implementation of the concept of digital rights]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/09/27/o_realizacii_koncepcii_cifrovyykh_prav (date of submission: 01.12.2019).

9. Petrov I. Chislo kiberprestupleniy v Rossii uvelichilos v 16 raz. [The number of cybercrimes in Russia has increased 16 times]. URL: <https://rg.ru/2019/03/25/kolokolcev-chislo-kiberprestuplenij-v-rossii-uvelichilos-v-16-raz.html> (date of submission: 01.12.2019).

10. Plenarnoe zasedanie Mezhdunarodnogo kongressa po kiberbezopasnosti. [Plenary meeting of the International Cybersecurity Congress]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57957> (date of submission: 01.12.2019).

11. Tikhonchuk D., Kantyshev P. Gosudarstvo vozmet pod control emissiyu i obrashchenie kriptovalyut. [The state will take control of the emission and circulation of cryptocurrencies]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/10/11/737423-gosudarstvo> (date of submission: 01.12.2019).

12. Shestakov D.A. Vozvrashchayas k bezopasnosti vvidu «otsifrovki» ugovnogo prava (v svyazi s dokladom S.Y. Lebedeva 6 dekabrya 2019 goda). [Returning to security in light of the «digitalization» of criminal law (in connection with the report of S.Y. Lebedev as of December 6, 2019)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 4 (55), pp. 26–31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Надежда Александровна Крайнова – кандидат юридических наук, доцент, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: kna1976@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nadezhda Aleksandrovna Krainova – PhD in Laws, associate professor, member of the St. Petersburg International Criminology Club, dean of the faculty of law of St. Petersburg State Economic University (St. Petersburg, Russia); e-mail: kna1976@rambler.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

В.Ф. Джафарли

**О СОЗВУЧНОСТИ ТЕЗИСА
«ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ –
ЦИФРОВОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕСУРС»¹
ТЕОРИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация: Реализация вынесенного в заглавие статьи тезиса в определённой мере возможна путём формирования и развития системы криминологической безопасности в сфере информационных технологий. Данный процесс сопряжён с оформлением трёх ресурсов: уголовно-правового, криминологического и информационно-технологического, дальнейшее становление которых должно носить исключительно комплексный характер.

Ключевые слова: криминологическая безопасность; сфера информационных технологий; уголовно-правовой ресурс; криминологический ресурс; информационно-технологический ресурс.

V.F. Dzhafarli

**ON THE CONSONANCE BETWEEN THE THESIS
«DIGITAL CRIMINAL LAW RESOURCE
FOR DIGITAL SECURITY»
AND THE THEORY OF CRIMINOLOGICAL SECURITY
IN IT SPHERE**

Summary: The implementation of the thesis in the title of the article is possible by forming and developing a criminological security system in the field of information technology. This process is associated with the formation of three resources: criminal law, criminological, and information technology resources, the further development of which should be only comprehensive.

Keywords: criminological safety; IT sphere; criminal law resource; criminological resource; information technology resource.

Представляется, что в значительной мере реализация тезиса «цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс» может быть осуществлена через формирование и развитие системы криминологической безопасности в сфере информационных технологий (системы криминологической кибербезопасности). В свою очередь, данный процесс сопряжён с оформлением трёх ресурсов: уголовно-правового, криминологического и информационно-технологического, дальнейшее становление которых должно носить исклю-

чительно комплексный характер. Под этим понимается их постоянное взаимодействие и взаимопроникновение. Для этого необходим, прежде всего, глубокий анализ теории криминологической безопасности как базовой научной категории, объединяющей современные криминологические идеи и теоретико-прикладные концепции обеспечения защиты личности, общества и государства от преступности в различных социальных сферах.

Одновременно требуется тщательное изучение сферы информационных технологий в контексте их функционирования в виртуальном и реальном мире, причём в качестве объектов комплексного криминологического исследования. Нужен учёт теоретико-методологических предпосылок разработки и реализации методики научного познания кримино-

¹ Тема доклада С.Я. Лебедева в рамках беседы «Право, цифровизация и безопасность в преступноведческом поле (возвращаясь к теме)» от 6 декабря 2019 года в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе.

логических связей и последствий в реальной и виртуальной действительности. На этой основе можно будет говорить о теоретической концепции взаимосвязей, взаимозависимостей и взаимодействий криминологической и информационно-технологической безопасности в рассматриваемой сфере. К слову, использование технологии «Big Data» в значительной степени способствует расширению методологических возможностей при сборе и анализе криминологически значимых данных.

При формировании и развитии системы защиты личности, общества и государства от преступных посягательств в информационно-технологической сфере (далее по тексту также – ИТ-сфера) необходимы уголовно-правовой анализ и оценка традиционных и инновационных составов преступлений, совершаемых в рассматриваемой области, с целью выявления проблем при их квалификации.

Отметим, перспективы развития уголовно-правового ресурсного потенциала в системе обеспечения цифровой безопасности, как указывалось выше, лежат в плоскости комплексного взаимодействия с криминологическим и информационно-технологическим ресурсными потенциалами.

Справедлива, по нашему мнению, позиция, согласно которой органическая и непосредственная связь уголовного права и криминологии состоит не только в том, что уголовное право определяет границы предметного познания криминологии [9, с. 26]. Как известно, криминологическая информация – необходимая предпосылка для изменений действующего уголовного законодательства [11, с. 25]. То есть, именно криминологическое знание закономерностей информационно-технологического преступного поведения, в известной мере, способно создать теоретическую базу нового уголовно-правового запрета, определяющего основания уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности и наказания [11, с. 13].

Вместе с тем, формирование и развитие системы криминологической безопасности в ИТ-сфере вовсе не обязательно должно сопровождаться бурным законодательным процессом. Сейчас, к сожалению, складывается явно негативная тенденция: под эгидой подготовки статей, призванных противодействовать инновационной преступности, происходит «кибертрансформация» традиционных составов

преступлений через объявление в качестве наказуемого отдельного способа их совершения, в результате чего создаются нормы-«клоны». Такая законодательная практика приводит к тому, что подобная статья становится казуальной, поскольку требует разъяснения её смысла для каждого конкретного дела [8, с. 423].

На наш взгляд, осуществление процесса «оцифровки» уголовно-правового (как и иного правового или криминологического) ресурса невозможно без ИТ-специалистов. Инициатива подобной цифровизации, безусловно, должна исходить от специалистов в области уголовного права и криминологии. Такая работа предполагает:

1. Предварительный сбор и оценку с использованием цифровых технологий криминологической информации о состоянии преступности. Здесь, прежде всего, следует отметить ценность предоставляемого «большими данными» (далее по тексту также – БД) эмпирического материала. Речь идёт о *любых* структурированных и неструктурированных массивах данных, потенциально содержащих важную криминологическую информацию.

Также мы исходим из того, что криминологически значимые сведения могут формироваться хаотично, образуя неструктурированные массивы данных, *во-первых*, в реальном пространстве, на территории, контролируемой незаконными преступными формированиями, осуществляющими противоправную деятельность, при этом использующих ИТ-устройства, генерирующие большие объёмы информации о преступных фактах и лицах. *Во-вторых*, чрезвычайно огромные массивы криминальных или же криминогенных сведений формируются и разрастаются в специально созданном для противоправных деяний «тёмном» сегменте интернета (сеть «DarkWeb»).

На наш взгляд, чрезвычайно важный алгоритм технологии «искусственный интеллект», настроенный на поиск, извлечение и обработку содержащейся в БД нужной информации о преступности, возможно обозначить как «криминологический мониторинг».

Указанное выше подводит нас к понятию «*большие криминологические данные*» (БКД) («*Big criminological data*», BCD), определяемом как *генерирование и накопление гигантских, структурированных и неструктурированных, массивов данных,*

детерминированных криминальной и иной антиобщественной деятельностью в реальном или виртуальном пространствах, а также методы извлечения и обработки таких данных, обеспечиваемые искусственным интеллектом с алгоритмом «криминологический мониторинг», и направленные на распределённый анализ информации о преступности, её причинах и условиях, личности преступника, преступном поведении, путях и способах предупреждения преступлений, а также о криминальных рисках и угрозах;

2. «Оцифровку» данных по уголовным делам, материалам об административных правонарушениях, материалам об отказе в возбуждении уголовного дела, иных материалов, сбором которых, к примеру, в подразделениях полиции занимаются группы оперативно-розыскной информации (ГОРИ), и направлении их в единую информационную базу данных о киберпреступности;

3. Создание в отношении каждого лица, склонного к устойчивому антиобщественному поведению, «цифровой диагностической карты» (ЦДК). Её наполнение будет осуществляться как за счёт информации, обозначенной в предыдущих пунктах, так и, при дальнейшей противоправной деятельности лица, такими данными, как приговоры, личные дела осуждённого, сведения из уголовно-исполнительных инспекций, а также иной «цифровой» информацией. Это позволит выносить в отношении обвиняемого/подсудимого законное, обоснованное и справедливое решение.

Идея иной «цифровой» информации в рамках предлагаемого к обсуждению проекта ЦДК навеяна автору концепцией «Система социального кредита», реализуемой с 2014 года в Китае. Не всё в данной инновации может нас устроить, тем не менее, налицо «...идея сделать токсичными жизнедеятельность и ареалы членов социума, которые не желают вести законопослушный образ жизни... Однако выводы о необходимости слепого перенятия китайских нововведений опрометчивы...» [7];

4. Цифровизацию информации правового характера, в первую очередь, конституционных норм, решений и предписаний Конституционного Суда РФ, рекомендаций международных и отечественных правозащитных организаций, всего массива данных в сфере уголовного, уголовно-процессуального и уго-

ловно-исполнительного законодательства, как ныне действующего, так и действовавшего ранее;

5. Проведение с помощью существующих (и специально разрабатываемых вновь) программ искусственного интеллекта *цифрового анализа* текста УК РФ на предмет выявления и устранения в нём:

а) несоответствий между уголовно-правовыми запретами и санкциями за них (с вероятными общими рекомендациями в виде оптимального вида и срока наказания);

б) логических ошибок, связанных с «нестыковками» между утратившими силу и новыми законами;

в) несоответствий между «материнскими» и специальными составами;

г) уголовно-правовой тавтологии между различными смежными нормами;

д) норм-«клонов».

Хотя отмеченные выше дефекты уголовного закона очевидны, о них неоднократно говорили многие специалисты в области уголовного права и криминологии, при подобной «цифровой», а, значит, объективно-обезличенной, лишённой субъективизма оценке, данной искусственным интеллектом, у законодателя, возможно, появится больше оснований для частичного, хотя бы, «облегчения» уголовного закона, перегружённость которого – общеизвестный факт.

Помимо сбора и анализа информации о закономерностях, тенденциях и состоянии преступности в ИТ-сфере пристального внимания к себе, конечно же, требуют области криминологической (криминогенной, антикриминогенной, криминальной) детерминации преступности, криминологической оценки личности преступника, а также виктимологической оценки личности потерпевшего от преступлений.

В зависимости от полученных результатов можно будет говорить о состоянии и перспективах предупреждения инновационно-технологических форм и видов преступлений как гарантии обеспечения криминологической безопасности в ИТ-сфере.

Как известно, эффективность криминологии в немалой степени зависит от процесса расширения её методологического и теоретического арсенала, в том числе путём объединения усилий представителей гуманитарных, естественных и точных наук. Плодотворной

в этом плане видится идея Г.Н. Горшенкова о «расширенной» криминологии, поскольку накопленный к настоящему времени массив знаний в отраслях наук криминологического цикла объективно требует теперь уже интегративного подхода к анализу и обобщению результатов исследований в рамках соответствующих теоретических направлений [6].

Процесс формирования и развития междисциплинарного правового ресурса обеспечения состояния защищённости личности, общества и государства в рассматриваемой сфере обусловлен научно-практическими и инновационно-технологическими предпосылками к созданию общих нормативных правовых основ в рамках, к примеру, *Кодекса информационно-технологической безопасности РФ*.

Необходимость принятия подобного Кодекса также следует из явно недостаточного уровня взаимодействия специалистов в области уголовного права и криминологии с IT-сообществом. А, вместе с тем, осуществляемые разработки такими научными центрами, как Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук, указывают на успехи теоретической мысли, подкрепляемые практическими результатами.

Так, несомненный интерес вызывает сфера НБИКС²-технологий (НБИК-конвергенции) в рамках проекта Курчатовского института, представляющих собой «...гипотетическое ядро 6-го технологического уклада, основанное на объединении и синергетическом усилении достижений нано-, био-, информационных и когнитивных технологий. Результатом НБИК-конвергенции будет являться полное слияние этих технологий в единую научно-технологическую область знания...» [2].

В Кодексе информационно-технологической безопасности РФ необходимо закрепить формы взаимодействия уголовно-правового и криминологического ресурсов с цифровым, что приведёт к скорейшей интеграции, а, значит, формированию системы криминологической безопасности в рассматриваемой области.

² Аббревиатура «НБИКС» образована от приставок «нано», «био», «инфо», «когно», «социо».

Однако отметим здесь, что нельзя противодействовать преступности путём воздействия лишь на одну группу общественных отношений, игнорируя при этом остальные. Это означает, что возрастание эффективности уголовно-правовых инструментов с неизбежностью ставит вопрос о соразмерном, адекватном развитии и иных антикриминальных потенциалов. Мы ведь не зря говорим о криминологической безопасности как системе, когда путём широких теоретических и методологических возможностей, имеющихся в арсенале криминологии, изучается преступность, в том числе и инновационная, в результате чего должны предлагаться способы практического обеспечения состояния защищённости личности, общества, государства.

Следовательно, воздействие на криминал лишь тогда обретёт эффективность и осмысленность, когда оно будет осуществляться единым фронтом, посредством одновременного задействования всех, в достаточной степени сформировавшихся и развитых, антикриминальных и антикриминогенных потенциалов – криминологического, уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминалистического, оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного.

Исходя из этого, представляется, что в перспективе любое преступное проявление должно быть «обречено» на адекватную ему форму цифрового реагирования. К таковым относятся:

– обнаружение и фиксация правонарушений (для этого могут применяться стационарные видекамеры, мобильные цифровые устройства с искусственным интеллектом, беспилотные летательные аппараты (дроны), оборудованные видекамерами с функцией распознавания лиц и эмоций, способных не только передавать оперативную «картинку», но и преследовать, стигматизировать преступников, при необходимости, обездвиживать их до прибытия наряда полиции);

– выявление, пресечение и раскрытие преступлений (при этом в рамках оперативно-розыскной деятельности используются достижения современной цифровой криминалистики (форензики), специальные цифровые инструменты для негласного получения информации);

– предварительное расследование, установление всех объективных обстоятельств по

уголовному делу, изучение личности обвиняемого (применяются «оцифрованный» уголовно-правовой ресурс, приобщение актуальных данных с ЦДК);

– объективная, окончательная квалификация и оценка деяний в приговоре (используются «оцифрованный» уголовно-правовой ресурс, данные ЦДК, электронная система определения оптимальной меры наказания – «электронные весы правосудия» [4], технологии блокчейн в уголовном процессе [5], иные инновационные технологии в сфере уголовного судопроизводства);

– контроль за осуждённым во время отбывания наказания, при условно-досрочном освобождении, в период судимости, в том числе в рамках административного надзора (применяются цифровые камеры с функцией распознавания лиц, новации проекта «дистанционный контроль за преступностью» [3]).

Значительным вкладом в учение о противодействии преступности и практику его применения является программа (модель) информационной помощи суду, предложенная Х.Д. Аликперовым, – «электронные весы правосудия». Как отмечает Д.А. Шестаков, «развитие техники правосудия, с одной стороны, и информационных технологий, с другой стороны, ведут к её появлению. По существу, она берёт на себя часть умственной работы судьи. Добросовестный судья должен применительно к конкретному случаю совершения преступления освежить в памяти положения закона, регламентирующие назначение наказания, а также судебную практику по подобным делам. А тут за него потрудится компьютер, который, благодаря программе, основанной на предложенной Ханларом Джафаровичем модели, освободит судью от куска умственной нагрузки и необходимости поддерживать в рабочем состоянии судебскую память. Доля памяти перемещается в искусственный разум» [12, с. 14].

Особому вниманию, и это очевидно, должен быть подвергнут центральный объект криминологического познания – личность преступника. Вопрос о привлечении к уголовной ответственности лица в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования в случае установления его невиновности (ст. 6 УПК РФ). И здесь уголовный закон в своём цифровом облике гораздо более

адекватно, оптимально и, главное, гуманно, нежели сейчас, сможет обеспечивать реализацию главного своего превентивного принципа, действительно способного существенно нивелировать преступность – неотвратимость уголовной ответственности.

Как видно, система криминологической кибербезопасности лишь тогда будет эффективной и беспристрастно объективной, когда ею будут охвачены все стадии антикриминальной деятельности: с момента обнаружения правонарушения и до снятия/погашения судимости. И если будет отсутствовать какое-либо усиленное «цифровизацией» звено, то следует ожидать, что оно будет самым слабым, а «где тонко, там рвётся». То есть рассматриваемая система уже не будет позиционироваться в качестве по-настоящему монолитной «цифровой крепости», предназначение которой – обеспечение криминологической безопасности личности, общества, государства.

Итак, при оптимизации вышеуказанного нормативно-правового ресурса возможно сделать предварительный вывод о достижении достаточно высокого состояния обеспеченности криминологической кибербезопасности.

Предвосхищая вопрос о предварительности подобного вывода, отметим, что, подобно любой области человеческой деятельности, и сфера «цифровой» оптимизации правоохранительной деятельности связана с определёнными рисками и угрозами, о которых нельзя забывать. Трудно предугадать, сразу ли заработает обозначенная выше система криминологической безопасности в сфере информационных технологий или же столкнётся с трудностями. Всё покажет время.

Помимо этого, говоря о необходимости подведения правовой платформы под различные случаи применения современных цифровых технологий, мы не должны забывать, что они, как известно, обладают универсальностью, т.е. применимы как правоохранителями, так и преступниками. Соответственно, любые риски и угрозы использования последними инновационных разработок необходимо предусмотреть и, по возможности, посредством задействования обозначенных выше потенциалов не допустить их реализации.

Выше нами были рассмотрены возможности использования беспилотных летательных аппаратов в антикриминальной деятельности, но опасность их неправомерного применения

обуславливает необходимость принятия предупредительных мер. Так, 2 декабря 2019 г. Президентом РФ В.В. Путиным подписан Федеральный закон № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно данному документа, силовым ведомствам разрешается пресекать полёты дронов-нарушителей, в том числе посредством подавления или преобразования сигналов дистанционного управления, воздействия на их пульта управления, а также повреждения или уничтожения таких судов. Закон направлен на обеспечение общественной безопасности, защищённости критически важных объектов, а также объектов транспортной, информационной и телекоммуникационной инфраструктуры.

Помимо актуальности развития уголовно-правового, криминологического и информационно-технологического ресурсов, также важной является разработка этических норм взаимодействия человека с искусственным интеллектом, о чём недавно говорил глава государства: «... Нельзя изобретать технологии ради самих технологий. Наша главная цель – устойчивое и гармоничное развитие, рост качества жизни и новые возможности для людей» [10].

В самом деле, инновационные технологии, как существующие реально, так и предлагаемые в проектах, использующие функции искусственного интеллекта – «цифровая диагностическая карта», «дистанционный контроль за преступностью» и другие, совершенно определённо на современном этапе имеют недостатки этического плана, противоречат ряду конституционных норм. В связи с этим возможность их применения должна стать предметом серьёзнейшего обсуждения научного сообщества.

Конечно, процесс формирования и развития системы криминологической кибербезопасности не ограничивается лишь указанными направлениями деятельности. Здесь необходимо продолжать движение в сторону дальнейшего изучения перспектив инновационно-технологической модернизации и оптимального использования цифрового ресурса и искусственного интеллекта в правоохранительном обеспечении криминологической безопасности в обозначенной сфере.

Нельзя забывать и о важности человеческого потенциала. Это подразумевает исследование области научно-практических и инновационно-технологических предпосылок формирования и развития образовательных стандартов, их реализации в подготовке, переподготовке, повышении профессиональной квалификации юристов, специалистов правоохранительных органов для системы криминологической безопасности в сфере информационных технологий.

Например, на наш взгляд, необходимо в корне менять отношение государства к подрастающему поколению, характеризующееся делением детей уже со школьной скамьи на «гуманитариев» и «технарей». Надвигающееся цифровое будущее диктует необходимость формирования специфической и разноплановой подготовленности специалистов, которую можно обеспечить за счёт соответствующего обучения, начиная с начальных образовательных уровней.

Существуют реальные перспективы цифровизации междисциплинарного правоохранительного, общественного (привлечение на добровольной основе сознательных граждан к осуществлению патрулирования общественно-опасных мест посредством своих «дронов»), информационно-технологического (тесное сотрудничество с IT-сообществом) и коммерческого (обращение к потенциалу компаний «Лаборатория Касперского», Group-IB, CISCO) ресурсов обеспечения криминологической безопасности в сфере информационных технологий.

Данная мысль, как представляется, созвучна с идеей С.Я. Лебедева о необходимости «...целенаправленного и масштабного объединения научно-аналитических потенциалов экономистов, юристов и информационных технологов вокруг формирования адекватной современным цифровым угрозам безопасности и оптимальной по своим экономическим, правовым и информационно-технологическим ресурсам новой цифровой модели обеспечения безопасности личности, общества, государства» [1].

Таким образом, чем больше будет теоретически обоснованных изысканий и практически полезных разработок, тем система криминологической кибербезопасности личности, общества и государства станет совершенней.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 6 декабря 2019 года беседа «Право, цифровизация и безопасность в преступноведческом поле (возвращаясь к теме)». URL: <https://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27.html> (дата обращения: 08.12.2019).
2. Schummer J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: “The best way to predict the future is to create it” // *Governing Future Technologies*. Springer Netherlands, 2009. P. 57–71.
3. Аликперов Х.Д. Глобальный дистанционный контроль за преступностью: допустимость, возможности, издержки // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2016. № 3 (42). С. 26–33.
4. Аликперов Х.Д. Электронная система определения оптимальной меры наказания (постановка проблемы) // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2018. № 4 (51). С. 13–22.
5. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017. № 6. С. 226–230.
6. Горшенков Г.Н. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития. Н. Новгород, 2015. 172 с.
7. Данилин П.Н., Хилько И.Ю. История развития и перспективы внедрения системы социального кредита (рейтинга) в Китайской Народной Республике и Российской Федерации // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 8 (123). С. 48–50.
8. Коробеев А.И., Дремлюга Р.И., Кучина Я.О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13. № 3. С. 416–425.
9. *Криминология: Учебник* / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. 800 с.
10. Путин: РФ способна стать одним из глобальных лидеров в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7096728> (дата обращения: 08.12.2019).
11. *Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник* / Под. ред. А.И. Рапога. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. 784 с.
12. Шестаков Д.А. Электронные весы правосудия в свете общей преступноведческой теории // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 1 (52). С. 13–15.

REFERENCES

1. 6 dekabrnya 2019 goda beseda «Pravo, tsifrovizatsiya i bezopasnost v prestupnostivedcheskom pole (vovzvrashchayas k teme)». [The seminar «Law, digitalization and security in the criminological sphere (returning to the topic)» as of December 6, 2019]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27.html> (date of submission: 08.12.2020).
2. Schummer J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: «The best way to predict the future is to create it» // *Governing Future Technologies*. Springer Netherlands, 2009. pp. 57–71.
3. Alikperov H.D. Globalniy distantsionniy kontrol nad prestupnostyu: dopustimost, vozmozhnosti, izderzhki. [Global distant control over crime: availability, opportunities, costs]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2016, no. 3 (42), pp. 26–33.
4. Alikperov H.D. Elektronnaya sistema opredeleniya optimalnoy mery nakazaniya (postanovka problemy). [Electronic system for determining the optimal punishment (formulation of the problem)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018, no. 4 (51), pp. 13–22.
5. Bertovskiy L.V. Tekhnologiya blokcheyna v ugovnom protsesse kak element tsifrovogo sudoproizvodstva. [Blockchain technology in criminal proceedings as an element of digital litigation]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Problems of Economics and Legal Practice*. 2017, no. 6, pp. 226–230.
6. Gorshenkov G.N. Kriminologiya kak «rasshirennaya nauka» o prestupnosti: vremya stanovleniya i razvitiya. [Criminology as an «extended science» of crime: the time of formation and development]. N. Novgorod, 2015. 172 p.
7. Danilin P.N., Khilko I.Y. Istoriya razvitiya i perspektivy vnedreniya sistemy sotsialnogo kredita (reytinga) v Kitayskoy Narodnoy Respublike i Rossiyskoy Federatsii. [The history of development and prospects of introducing a system of social credit (rating) in the People’s Republic of China and the Russian Federation]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 2018, no. 8 (123), pp. 48–50.
8. Korobeev A.I., Dremlyuga R.I., Kuchina Y.O. Kiberprestupnost v Rossiyskoy Federatsii: kriminologicheskiy i ugovno-pravovoy analiz situatsii. [Cybercrime in the Russian Federation: criminological and criminal law analysis of the situation]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2019, vol. 13, no. 3, pp. 416–425.
9. *Kriminologiya: Uchebnik*. [Criminology: a textbook]. Pod red. V.N. Kudryavtseva i V.E. Eminova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2013. 800 p.

10. Putin: RF sposobna stat odnim iz globalnykh liderov v sfere iskusstvennogo intellekta. [Putin: Russia is able to become one of the global leaders in artificial intelligence]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7096728> (date of submission: 08.12.2019).

11. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti: Uchebnik. [Criminal law of Russia. General and special parts: a textbook]. Pod. red. A.I. Raroga. 8-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2014. 784 p.

12. *Shestakov D.A.* Elektronnye vesy pravosudiya v svete obshchey prestupnostivedcheskoy teorii. [Electronic scales of justice in the light of general criminological theory]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* – *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 1 (52), pp. 13–15.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вугар Фуад оглы Джафарли – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Москва, Россия); e-mail: nizami.66@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vugar Fuad ogly Dzhafarli – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and bar at State University of Russia A.N. Kosygin (Moscow, Russia); e-mail: nizami.66@mail.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Н.И. Пишикина

ЦИФРОВОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕСУРС: СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: Сегодня киберпреступность угрожает всему мировому сообществу. При этом применяемых усилий по противодействию ей явно недостаточно. Данное обстоятельство обуславливает необходимость поиска новых способов воздействия на неё. Одним из них является предложенный профессором Лебедевым цифровой уголовно-правовой ресурс.

Ключевые слова: цифровой уголовно-правовой ресурс; информационные технологии; искусственный интеллект; киберпреступность; права человека.

N.I. Pishikina

DIGITAL CRIMINAL LAW RESOURCE: CONTENT AND PROSPECTS

Summary: Today, cybercrime threatens the entire world community. The efforts to counter it are not enough. This circumstance forces the search for new ways to its counteraction. One of these ways is a digital criminal law resource proposed by Professor Lebedev.

Keywords: digital criminal law resource; IT; artificial intelligence; cybercrime; human rights.

Прошедшая 6 декабря 2019 года в Клубе беседа, на которой с основным докладом «Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс» выступил С.Я. Лебедев, была крайне интересной.

Как отмечает Д.А. Шестаков, проблемное поле между: 1) уголовным правом, 2) «правом безопасности», 3) компьютерными технологиями, используемыми в преступной деятельности и 4) компьютерными технологиями, направленными на противодействие преступности, давно привлекает к себе внимание Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Теперь, спустя годы, значение преступноведческого осмысления данного поля наконец-то начинает пониматься широким кругом специалистов. Об этом свидетельствуют публикации и создание в России научных подразделений (кафедры вузов, секторы научных учреждений), которые нацелены на освоение вопросов безопасности [5, с. 27].

Проблемы информационных технологий и искусственного интеллекта являются актуальными не только для науки, но и для законодательства, практической деятельности. Достаточно вспомнить, что 10 октября 2019 года Президентом России подписан Указ, ут-

вердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее по тексту – Стратегия).

На предыдущей встрече в Клубе (28 февраля 2014 года) с докладом Семёна Яковлевича «Киберкриминология: к систематизации научного знания о технологических инновациях преступности и её предупреждения», честно сказать, многое было не понятно. Сегодня же мы применяем, например, в преподавательской деятельности многие способы сбора, изучения и передачи информации посредством информационных технологий, используем личный профиль для отображения в нём своей деятельности.

В нынешнем выступлении профессор Лебедев обозначил положительные моменты технического развития и свои опасения, связанные с таковым, – в части возможности использования информационных технологий во вред правам человека.

Отметим, в УК РФ закреплён ряд преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий (п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 3 ст. 137, ст. 159.6 и другие). Противодействие им осуществляет, в основном, управление «К» Службы экономической безопасности ФСБ России и Управле-

ние «К» МВД России. Но их сил в условиях всё возрастающего вала компьютерных преступлений явно недостаточно. Применение информационных технологий в деятельности правоохранительных органов значительно бы повысило их эффективность взаимодействия, в том числе с иными государственными и негосударственными субъектами, упростило бы управление ими.

Согласно исследованиям компании Kroll, число киберпреступлений, начиная с 2012 года, непрерывно растёт. В 2017 году число тех, кто хоть раз подвергся кибератаке, достигло рекордного уровня – 86 % опрошенных компаний по всему миру. При этом кража информационных данных организаций впервые стала популярнее похищения физических активов, в том числе денежных средств (о попытках или воровстве данных сообщило около 30 % опрошенных). Более половины компаний считают, что они «подвержены или очень подвержены» краже информации. Четверо из десяти опрошенных руководителей считают, что их организации в 2017 году подвергались атаке вирусными программами. Второй по популярности вид атак с применением вредоносных программ – фишинговые атаки по электронной почте [4].

Именно поэтому, видя всё нарастающую опасность киберпреступности, профессор Лебедев призывает специалистов в сфере юриспруденции, информационных технологий объединить свои усилия для создания специального, цифрового уголовно-правового ресурса.

В моём понимании, данный ресурс – это не «цифровизация» существующего уголовного закона, а формирование такой базы, которая, во-первых, содержала бы признаки деяний, за которые предусмотрена уголовная ответственность. Во-вторых, она должна иметь «технологический инструмент» по распознаванию уголовно-наказуемых деяний (на основании выработанных признаков) в техническо-информационной сфере, их блокировке, выявлению источника информации и фиксации его данных.

Для создания этой базы необходимо привлечение знатоков в области права, прежде всего уголовного, и IT-специалистов. Скорее всего, в результате вышеуказанной работы перечень компьютерных преступлений, учитывая современные реалии, значительно расширится.

Не факт, что я абсолютно верно трактую идею о цифровом уголовно-правовом ресурсе, озвученную докладчиком. Важнее в данный момент понять, есть ли необходимость в разработке такого механизма и, если да, надо действовать. Пока у меня не сложилось однозначного мнения по этому вопросу, но, как остроумно отметил профессор Лебедев в ходе дискуссии, если этого не сделаем мы, осуществят другие.

Однако на нашем пути возникает несколько препятствий. Первое – законодатель и правоприменитель, по мнению докладчика, не готовы адекватно реагировать на происходящие в мире технологические перемены [2]. Тем не менее, это не означает, что они не заинтересованы в таком ресурсе. Второе – исполнители, скорее всего, в силу «традиции» ждут указания свыше. Кроме того, законодатель и правоприменитель способны реализовывать «понятные» проекты, а сущность и механизм внедрения информационных технологий в законодательную и правоприменительную деятельность для большинства исполнителей пока не ясны.

Надо сказать, что и теоретики не совсем понимают, о чём идёт речь, поскольку многие специалисты в области уголовного права являются представителями старшего поколения и не «очень хорошо» разбираются в информационных технологиях. Для проявления их активности необходимо время, приобретение ими дополнительных знаний, получение практических навыков работы с использованием информационных технологий.

Проблемы недостаточности у людей знаний в области искусственного интеллекта и недоверия к использованию информационных технологий отражены в пункте 8 Стратегии. В нём, в частности, говорится: «Отсутствие понимания того, как искусственный интеллект достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям искусственного интеллекта и может стать препятствием для их развития».

Трудность привлечения к этой работе специалистов в области информационных технологий может быть связана с отсутствием мотивации у них, в том числе финансовой. Поэтому в данной ситуации целесообразнее использовать уже имеющиеся решения, в рамках которых можно реализовать идею создания цифрового уголовно-правового ресурса.

Например, на сегодняшний день существует план исполнения Национальной технологической инициативы (далее по тексту – НТИ). Главным нормативным актом, регулирующим её реализацию, является Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2016 года «О реализации национальной технологической инициативы».

Постановлением утверждён механизм реализации НТИ, являющейся долгосрочной межведомственной программой частно-государственного партнёрства по содействию развитию новых перспективных рынков на базе высокотехнологичных решений. Также в Постановлении определены механизм взаимодействия участников разработки «дорожных карт» и проектов НТИ, требования к содержанию документов, источники и формы поддержки реализации проектов, условия предоставления субсидии и её возврата в случае недостижения установленных целевых показателей, обязательства получения субсидий. Функциями проектного офиса НТИ наделено ОАО «Российская венчурная компания», осуществляющая управление, организационно-техническую и экспертно-аналитическую поддержку, информационное и финансовое обеспечение разработки и реализации «дорожных карт» и проектов НТИ [3].

Понятно, что для подготовки проекта и участия в предоставлении субсидии в рамках реализации НТИ необходим коллектив специалистов, который может быть создан, например, на базе высшего образовательного учреждения, либо научного сообщества, в частности, Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

Объективности ради, кроме положительных моментов использования информационных технологий необходимо отметить и негативные. Информационные элементы управления имеют различные формы, в том числе, слежку, цензуру, самоцензуру, распространение стратегической информации. Так, слежка может осуществляться посредством использования следующих средств и способов: видеокамер; механизмов, распознающих человека по отпечаткам пальцев, лицу, голосу; контроля в интернете.

Цензура, как известно, связана с запретом чего-либо. Она может ограничивать доступ к «нежелательной информации», а также полностью блокировать источники таковой. С ис-

пользованием информационных технологий возможности цензуры становятся всеобъемлющими.

Осознание человеком того, что за ним ведётся постоянное наблюдение, формирует самоцензуру, в том числе отказ от высказываний и действий, которые могут навредить ему или его близким. Фактически самоцензура исключает активную гражданскую позицию, без чего невозможно построение гражданского общества.

Распространение стратегической информации, в форме пропаганды или дезинформации, позволяет манипулировать общественным мнением. Чем больше государство знает о своих гражданах, тем больше у него вариантов манипулировать ими. Этот вид деятельности при расширении объёма использования информационных технологий также получит дополнительный импульс.

Криминологи давно говорят о криминогенном влиянии информации. В частности, поставлен вопрос о введении уголовной ответственности за управление общественным мнением, осуществляемое с причинением существенного вреда интересам общества [4, с. 57].

Учитывая специфику общественных отношений в сфере применения уголовного закона, без названных информационных элементов управления не обойтись. Тут и возникает опасность нарушения прав человека. Для минимизации возможности совершения таковых, например, в разделе 3 пункта 19 Стратегии закреплены следующие принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта:

а) защита прав и свобод человека: обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики;

б) безопасность: недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта.

Обеспокоено потенциальной вероятностью нарушения прав человека в результа-

те развития цифровизации и научное общество. Этому вопросу была посвящена международная конференция «Новые технологии и право в защите прав человека», организованная 4 ноября 2019 года Центром правовых программ на базе РГПУ имени А.И. Герцена.

Участниками конференции стали учёные и практики из России, Великобритании, Латвии. На ней обсуждались созвучные с рассматриваемой проблемой темы:

– Правосудие по алгоритму: искусственный интеллект в работе полиции и уголовном правосудии;

– Трансформация основ уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий;

– Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах;

– Влияние технологий на доступ к правосудию.

По мнению участников этого мероприятия, несмотря на активное внедрение в систему правосудия информационных технологий, в частности в Великобритании, на

данном этапе «последнее слово» пока всё же остаётся за человеком. Однако ключевое слово – «пока».

Таким образом, идея создания цифрового уголовно-правового ресурса на сегодняшний день не имеет широкой поддержки ни в научных кругах, ни у практиков. Это обусловлено различными причинами. Вместе с тем, учитывая всё увеличивающееся число киберпреступлений, создание данного ресурса в ближайшее время может стать необходимостью. При этом выверенная с УК РФ и текущей ситуацией в сфере киберпреступности уголовно-правовая составляющая ресурса имеет первостепенное значение. Как следствие, участие специалистов по уголовному праву, криминологов в формировании этой части крайне важно.

Данная потребность безусловно осознаётся профессором Лебедевым, который уже много лет занимается проблемами противодействия киберпреступности. Хочу поблагодарить уважаемого Семёна Яковлевича за интересный доклад в Клубе, пожелать ему удачи и успехов в достижении поставленной цели.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А.П. Информационно-идеологические меры противодействия глобально организованной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 57–59.
2. Лебедев С.Я. Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27.html> (дата обращения: 30.12.2019 года).
3. О реализации Национальной технологической инициативы. URL: <http://government.ru/docs/22721/> (дата обращения: 13.12.2019).
4. Хвостик Е. Кибератаки вывели корпоративную преступность на новый уровень. Данные из компаний крадут чаще, чем деньги. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3527218> (дата обращения: 30.12.2019 года).
5. Шестаков Д.А. Возвращаясь к безопасности ввиду «оцифровки» уголовного права (в связи с докладом С.Я. Лебедева 6 декабря 2019 года) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 26–31.

REFERENCES

1. Danilov A.P. Informatsionno-ideologicheskie mery protivodeystviya globalno organizovannoy prestupnosti. [Information and ideological measures of globally organized crime counteraction]. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2019, no. 2 (53), pp. 57–59.
2. Lebedev S.Y. Tsifrovoy bezopasnosti – tsifrovoy ugolovno-pravovoy resurs. [Digital criminal law resource for digital security]. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/373-2019-12-08-11-57-27.html> (date of submission: 30.12.2019).
3. O realizatsii Natsionalnoy tekhnologicheskoy initsiativy. [On the implementation of the National Technology Initiative]. URL: <http://government.ru/docs/22721/> (date of submission: 13.12.2019)
4. Khvostik E. Kiberataki vyveli korporativnyuyu prestupnost na noviy uroven. Dannye iz kompaniy kratut chashche, chem dengi. [Cyberattacks brought corporate crime to a new level. Company data is stolen more often than money]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3527218> (date of submission: 30.12.2019).

5. *Shestakov D.A. Vozvrashchayas k bezopasnosti vvidu «otsifrovki» ugolovnoogo prava (v svyazi s dokladom S.Y. Lebedeva 6 dekabrya 2019 goda). [Returning to security in light of the «digitalization» of criminal law (in connection with the report of S.Y. Lebedev as of December 6, 2019)]. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2019, no. 4 (55), pp. 26–31.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нина Ивановна Пишикина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС РФ (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: pishinina@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nina Ivanovna Pishikina – PhD in Laws, associate professor, associate professor of the department of law of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: pishinina@mail.ru

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КОРРУПЦИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.А. Шестаков

О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН (В СВЯЗИ С ИССЛЕДОВАНИЕМ А.А. КАШКАРОВА)

Аннотация: Возвращение Крыма в состав России, процесс возникновения вблизи неё новых государств и государственных образований ставят перед российскими преступноведами задачу научного осмысления применительно к этим территориям вопросов правопорядка и противодействия коррупции, в особенности, внутреннего государственного и внутреннего олигархического уровней преступности.

Ключевые слова: коррупция; внутренний государственный уровень преступности; внутренний олигархический уровень преступности.

D.A. Shestakov

ON CORRUPTION CRIMES IN THE CONTEXT OF POLITICAL CHANGE (IN CONNECTION WITH THE STUDY OF A.A. KASHKAROV)

Summary: The return of Crimea to Russia, the process of the emergence of new states and state formations near it set for Russian criminologists the task to comprehend the issues of law and order and the counteraction to corruption, in particular, the internal state and internal oligarchic crime levels in these territories.

Keywords: corruption; domestic state crime rate; domestic oligarchic crime rate.

Об исследовании в целом. Возвращение Крыма в состав России, процесс возникновения вблизи неё новых государств и государственных образований: Абхазия, Южная Осетия, ДНР, ЛНР, Приднестровская Молдавская Республика, которые связаны с нашей страной взаимоподдержкой, ставят перед российскими преступноведами задачу научного осмысления применительно к этим территориям вопросов правопорядка и противодействия преступности, в особенности, внутреннего государственного и внутреннего олигархического уровней.

Пристального внимания требует коррупционная составляющая преступного поведения, в том числе коррупционный лоббизм в правотворческой деятельности. Среди исследований, предпринятых в России, обращают на себя работы Алексея Александровича Кашкарова: «Должностная преступность в органах публичной власти» [1], «Социально-психологическое исследование состояния

должностной преступности в органах публичной власти в Республике Крым и городе Севастополе» [2].¹

А.А. Кашкаров осуществил обширное комплексное исследование «должностной преступности» публичной власти (далее по тексту – ДППВ) Республики Крым и Севастополя в широком контексте динамично изменяющихся на полуострове общественных отношений. Он осветил характеристику ДППВ, включая её причинный комплекс, а также построил прогноз её развития.

В теоретическом плане обращает на себя внимание его парадоксальное суждение о противопреступном (в отношении должностных преступлений) действии аномии в

¹ См. также: *Кашкаров А.А.* Должностная преступность в органах публичной власти и её предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2019. 45 с.

Крым. Алексей Александрович утверждает: «Связанное со сменой государственной принадлежности региона состояние аномии (проявляющееся на всех уровнях нормативной регламентации общества – от права до обычных повседневных практик) положительным образом повлияло на снижение уровня должностной преступности в органах публичной власти». Такого уровня высказывания свидетельствуют о достаточно высоком криминологическом мышлении его автора.

Алексей Александрович прогнозирует в Республике Крым и Севастополе некоторый рост ДППВ. Этому, по его мнению, способствует «увеличение численности должностных лиц органов публичной власти и приобретение ими опыта работы в российском правовом поле».

Ново, применительно к крымским условиям, социально-психологическое изучение воспроизводства ДППВ, в частности, то, что исследователем установлено антикриминогенное действие роста патриотизма на полуострове и, напротив, криминогенный эффект, производимый опасениями нестабильности карьеры, увольнения и т.п. Представители нево-вожской криминологической школы также уделяют внимание антикриминогенности родолюбия (патриотизма) [3].

К значимым, также новым применительно к Севастополю научным результатам следует отнести выявленную Кашкаровым довольно высокую корреляцию между количеством зарегистрированных фактов взяточничества и распределением должностных лиц по стажу службы в органах публичной власти: до 1 года и от 3 до 5 лет. С этим исследовательским результатом согласуется также обладающий новизной прогноз Кашкарова, вытекающий из ожидания в Республике Крым и Севастополе притока должностных лиц и также приобретения местными чиновниками опыта работы в российском правовом поле. В связи с этим ожиданием Алексей Александрович убедительно предсказывает некоторый рост ДППВ.

Значимо и в отношении Крыма ново предвидение исследователем формирования на полуострове «элитарной» должностной преступности, её сращивания с предпринимательскими «элитами». Согласно сделанному исследователем прогнозу, доступ к услугам, которые предоставляются публичной властью, сузится, и, соответственно, цена услуг

существенно возрастёт, что сократит количество людей, имеющих возможность обращаться к должностным лицам органов публичной власти... В соответствии с прогнозом Кашкарова, сращивание региональных политических и управленческих верхов публичной власти Республики Крым и Севастополя будет сопровождаться вовлечением чиновничества в незаконное занятие предпринимательской деятельностью, станут теснее теневые связи власти и бизнеса.

Развивая известное положение об антикоррупционном значении снижения излишнего государственного контроля над деловой деятельностью, исследователь, с одной стороны, призывает к развитию саморегулируемых организаций в области курортно-рекреационного бизнеса. С другой стороны, он устанавливает, что институты гражданского общества на крымском полуострове вовлекаются – очевидно, при участии западных спецслужб – в противодействие государственной власти посредством целенаправленного формирования у населения Республики Крым и Севастополя негативного её образа. Это наблюдение криминологически важно и достаточно ново, помимо прочего оно даёт ценный материал для политического преступноведения.

Высокое качество теоретических положений и рекомендаций. Надлежащее качество достигается продуманной методологией исследования – А.А. Кашкаров не только упоминает, но и применяет широкий спектр используемых в преступноведении общенаучных методов. Особо важно то, что в соответствии с появившимся в теории коррупции методологическим подходом автор исследования рассматривает коррупцию в качестве продолжения или – лучше сказать – составной части экономики. В современной России рыночно-торгашеская, а отнюдь не социальная её экономика, построена на извлечении прибыли ради прибыли. При такой её сути власть не может не быть товаром. Автор исследования пишет: «Полномочия, предоставляемые должностным лицам органов публичной власти, следует признавать в качестве товара (услуги), который должностное лицо органа публичной власти имеет возможность реализовать». Должностное лицо органа публичной власти при таком видении выступает «продавцом», а человек, обратившийся к нему за услугой, – «покупателем».

Этот соответствующий печальному бытию методологический подход способствует получению адекватных оценок и предложений. Констатации и суждения А.А. Кашкарова достоверны, в частности, и в силу того, что они сделаны с учётом полученных автором данных статистического анализа и проведённых им опросов. Исследованием охвачен значительный отрезок времени: с 2001 по 2018 год.

Полемические замечания. 1. В публикациях А.А. Кашкарова мне не удалось найти завершённого ключевого понятия «должностная преступность в органах публичной власти». Он называет её «сложным, многомерным и многоуровневым феноменом» и лишь приближается к определению этого феномена. Исследователь полагает, что ДППВ имеет конкретное выражение (?) в совокупности должностных преступлений, называет «элементы» феномена ДППВ, к которым относит жертву должностного преступления, взаимосвязь жертвы с преступником и др., а также, что воспринимается не вполне убедительно, публичную власть и её органы.

Для преодоления некоторой сумбурности вырисовывающегося, но не сформулированного Кашкаровым понятия должностной преступности, надо было прояснить, на какое из существующих в криминологической теории понятий преступности автор опирается, трактует ли он её как свойство общества порождать множество преступлений (процесс воспроизводства преступлений)? При таком подходе причины воспроизводства преступлений, в том числе противоречия и пороки публичной власти рассматривались бы в качестве одной из подсистем преступности наряду с подсистемой множества преступлений. Иными словами, затруднения Алексея Александровича при определении понятия преступности обусловлены некоторым теоретическим отставанием исследователя от развития общей криминологической теории, прежде всего в отношении понятия «преступность».

Справедливости ради отмечу, что сам Кашкаров приближается к сущностному определению ДППВ. Он пишет: «можно сделать промежуточный вывод о том, что преступность в органах публичной власти – это неотъемлемый элемент (читай: *свойство* – Д.Ш.) самой публичной власти». Не вытекает ли из приведённого наблюдения Кашкарова следующий вывод: «Преступность ДППВ – есть свойство

публичной власти воспроизводить должностные преступления, включающее в себя массу этих преступлений и их причины?».

2. Ссылаясь на так называемую «интервальную антропологию» Ф.В. Лазарева и Б.А. Литтла, автор исследования объявляет, что методологическую основу его исследования наряду с системным методом составляет «интервальный подход», который воспринимает преступность в качестве многомерного феномена. В его сочинении речь идёт о географическом, социальном, политическом, экономическом, историческом «интервалах» описания ДППВ. Требуется пояснение, имеется ли отличие этого подхода от давно известного преступноведению комплексного (многогранного) видения преступности? И есть ли основания говорить об употреблении исследователем какой-то оригинальной, новой методологии?

3. В отношении исследования латентности ДППВ Кашкарову может быть сделан упрек в том, каким образом употреблён им – во всяком случае, применительно к взяточничеству – метод опроса населения. Напомню, в своё время данный опрос был назван мной *виктимологическим мониторингом*. Вопросы, предлагавшиеся автором исследования респондентам относительно коррупции, представляются недостаточно конкретными для того, чтобы на основании ответов на них вносить поправки в официальную статистику. У опрашиваемых выясняли: «Как Вы оцениваете уровень скрытности ДППВ в Крыму (Севастополе)?» и «Изменился ли уровень скрытности по сравнению с украинским периодом?». С учётом гарантированной анонимности опроса, полагаю, лучше было бы спросить: «Приходилось ли Вам в такой-то период давать взятку?» или, по крайней мере, предложить такой вопрос: «Известно ли Вам достоверно о случае дачи взятки?».

4. Хотя в исследовании имеются бесспорно ценные наблюдения особенностей ДППВ в Крыму и Севастополе, не достаёт в ней, на мой взгляд, увязки рассматриваемого А.А. Кашкаровым причинного комплекса с развивающейся теорией криминологической причинности. Речь идёт о том разделе названной теории, в котором определяются относящиеся к общесоциальному («макро») уровню *основные* причины (социальные противоречия) воспроизводства преступности в

современной России. К ним относятся противоречия между: 1) потребительством и духовностью, проявляющееся в ослаблении национальной идеи; 2) бедностью и откровенно украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного слоя; 3) властью, слившейся с олигархией, и большинством населения [4, с. 47].

5. Осуществлённый Кашкаровым прогноз качественного развития ДППВ в Республике Крым и Севастополе, безусловно, заслуживает высокой оценки. Есть в работе и количественный прогноз числа зарегистрированных должностных преступлений в сфере публичной власти. Исследователь ожидает в целом незначительного увеличения их числа на 10–15 проявлений при снижении взяточничества в пределах 8–12 единиц. Однако ощущается нехватка достаточно развёрнутого вероятностного предсказания по поводу латентной части ДППВ, основанного на опросе населения, в состав которого, понятно, входят и взятодатели, осведомлённые о коррупции из весьма важного для исследования их собственного опыта.

6. Представляется, что нужно было высказать авторское отношение к такой обсуждаемой в преступноведческих кругах предупредительной мере, которую могла бы представить собой ротация разного уровня руководства субъектов РФ.

В последние десятилетия в правоведении была высказана аргументированная критика ранее сложившейся доктрины уголовного наказания за взяточничество. Напрасно Кашкаров не уделил этой критике внимания. Новый

взгляд усматривает в коррупционерах некий положительный потенциал зачастую неплохих организаторов, которых не имеет смысла на годы лишать свободы. К ним более употребима шоковая терапия, избыточное изъятие материальных ценностей, отстранение от госслужбы [5].

Убедительно выстраивая культурно-просветительскую составляющую противодействия ДППВ, Алексей Александрович не уделил должного внимания так называемому раннему предупреждению. Вместе с тем, надо было бы высказаться по поводу специальных воспитательных программ формирования у детей порядочности, проявляющейся, помимо прочего, в презрении к продажности как поведенческой черте личности. Очевидно, что для разработки и внедрения таких воспитательно-образовательных программ не требуется директивы из центра, с подобной инициативой можно выходить на местах.

7. Есть замечания относительно словоупотребления Кашкарова. У него встречаются неточные термины, например, «зарегистрированная преступность». Ведь регистрируется не преступность, а преступления. Неверно и часто встречающееся также у других авторов словосочетание «предупреждение преступности». Можно предотвращать преступления, которые ещё не совершены. Но как *предупредить* то, что уже имеет место – преступность?

Обращает на себя внимание засорение латинизмами: криминография, транзитивность и т.д. и т.п. Впрочем, эта слабость, к сожалению, присуща не одному лишь А.А. Кашкарову.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашкаров А.А. Должностная преступность в органах публичной власти. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. 112 с.
2. Кашкаров А.А. Социально-психологическое исследование состояния должностной преступности в органах публичной власти в Республике Крым и городе Севастополе. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 154 с.
3. Сухенко А.Д., Данилов А.П. Новая идеология как основа противодействия терроризму // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 35–41.
4. Шестаков Д.А. Криминологические заметки разных лет // Российский криминологический взгляд. 2001. № 2. С. 142–164.
5. Шестаков Д.А. Тезисы об уголовно-правовой реакции на коррупцию // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2005. № 2 (9). С. 242–248.

REFERENCES

1. *Kashkarov A.A.* Dolzhnostnaya prestupnost v organakh publichnoy vlasti. [Crime of officials in public authorities]. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. 112 p.
2. *Kashkarov A.A.* Sotsialno-psikhologicheskoe issledovanie sostoyaniya dolzhnostnoy prestupnosti v organakh publichnoy vlasti v Respublike Krym i gorode Sevastopole. [Social and psychological study of the state of crime of officials in public authorities in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol]. Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2015. 154 p.
3. *Sukhenko A.D., Danilov A.P.* Novaya ideologiya kak osnova protivodeystviya terrorizmu. [New ideology as a basis of the fight against terrorism]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 4 (27), pp. 35–41.
4. *Shestakov D.A.* Kriminologicheskie zametki raznykh let. [Criminological notes of different years]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological View*. 2001, no. 2, pp. 142–164.
5. *Shestakov D.A.* Tezisy ob ugovovno-pravovoy reaktzii na korruptsiyu. [Theses on the criminal law reaction to corruption]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2005, no. 2 (9), pp. 242–248.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Анатольевич Шестаков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель и президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); e-mail: shestadi@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitriy Anatolievich Shestakov – Doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder and president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russia); e-mail: shestadi@mail.ru

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

УДК 343.9
ББК 67.51

П.А. Скобликов

ИСКЛЮЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 210 УК РФ ДЛЯ УЧРЕДИТЕЛЕЙ, РУКОВОДИТЕЛЕЙ И РАБОТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ В КАЧЕСТВЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ОБНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ЕГО ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: Опасность законопроекта, внесённого в Госдуму России 26 декабря 2019 г., заключается в том, что он способствует разрастанию организованной преступной деятельности, усилению коррупции среди работников правоохранительных органов и судов (что само по себе крайне серьёзно), размыванию основополагающих правовых принципов разумности, справедливости и равенства граждан перед законом, предусмотренных отечественным законодательством.

Ключевые слова: уголовная политика; организованная преступная деятельность; экономическая преступность; преступное сообщество; преступная организация; ст. 210 УК РФ; правовые принципы; правовая неопределённость.

P.A. Skoblikov

EXCLUSION OF LIABILITY UNDER ART. 210 OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE FOR THE FOUNDERS, MANAGERS, AND EMPLOYEES OF AN ORGANIZATION REGISTERED AS A LEGAL ENTITY: UPDATING OF LEGISLATION, ITS BASIS, AND CONSEQUENCES

Summary: The danger of the Law project submitted to the State Duma of Russia on December 26, 2019, is that it contributes to the growth of organized criminal activity and corruption among law enforcement officials and courts (which is extremely serious). Besides, it leads to erosion of the fundamental legal principles of reasonableness, justice, and equality of citizens before the law, provided for by domestic law.

Keywords: criminal policy; organized criminal activity; economic crime; criminal community; criminal organization; Art. 210 of the Russian Criminal Code; legal principles; legal uncertainty.

1. Предпосылки внесения законопроекта об ослаблении ответственности по ст. 210 УК РФ. 20 июня 2019 г. в ходе «Прямой линии» с Президентом РФ к главе государства обратился ведущий мероприятия – журналист В. Зарубин, сообщив, что «есть просьба от предпринимателей разобраться с применением 210-й статьи Уголовного кодекса об организации преступного сообщества, потому что статья очень активно используется» [14]. По итогам «Прямой линии» главой государства было дано поручение его администрации со-

вместно с Верховным Судом РФ, Генпрокуратурой России и Следственным комитетом РФ до 1 августа 2019 г. «разработать и представить предложения по уточнению норм законодательства РФ, касающихся организованной преступной деятельности, в целях исключения применения этих норм в отношении преступлений в сфере экономической деятельности» [13].

Предложения, разработанные в результате исполнения этого поручения, не находились в открытом доступе и, как следствие,

не обсуждались в экспертно-научном сообществе, на научно-практических конференциях и в юридической литературе. Однако, судя по всему, как раз на их основе был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (с припиской «в части совершенствования уголовно-правового регулирования в сфере экономических отношений»), который 26 декабря 2019 г. был внесён в Госдуму России Президентом РФ. Документ предусматривает изменения ст. 210 УК РФ в намеченном направлении [10].

Учитывая высокую скорость прохождения предыдущего законопроекта (с момента его внесения в парламент и до подписания принятого Закона прошло всего полтора месяца), внесённого Президентом РФ в Госдуму России 14 февраля 2019 г., который анонсировался как усиливающий противодействие организованной преступности, а также то, что идея нового законопроекта стала частью Послания Президента Федеральному Собранию РФ на 2020 г., можно уверенно прогнозировать быструю корректировку законодательства в точном соответствии с первоначальным текстом нового законопроекта. Принимая во внимание объективную длительность издательского цикла, вероятно, законопроект обретёт статус действующего закона ещё до опубликования настоящей работы.

2. Первая часть предложенной новации и её правовые последствия. В чём заключаются намеченные изменения? Дополняется примечание к ст. 210 УК РФ, которое в новой редакции будет состоять из двух пунктов. Второй пункт включает в себя полный текст примечания в предыдущей редакции, предусматривая условия освобождения от уголовной ответственности организаторов, лидеров и иных членов преступных сообществ, а равно преступных организаций. Новацией же является первый пункт примечания.

Его в содержательном плане можно разделить на две условные части. В одной из них закрепляется следующее правило: «Учредители, руководители и работники организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководители, работники её структурного подразделения не подлежат уголовной ответственности по настоящей ста-

тье только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) её структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности». По сути, изложенная часть новации представляет собой запрет на объективное вменение предусмотренных ст. 210 УК РФ преступлений.

Однако действующим уголовным законом объективное вменение запрещено изначально и по отношению к любым преступлениям (ч. 2 ст. 5 УК РФ). По смыслу ст. 5 УК РФ при нынешнем правовом регулировании сторона обвинения должна доказать, что организатор преступного формирования хотел создать преступное сообщество или преступную организацию (а не организованную группу, например) и осознавал общественную опасность своих действий, что лидер организованного преступного формирования¹ понимал, что руководит им или его структурным подразделением и осознавал общественную опасность своих действий, и т.д.

Сам по себе факт того, что некие руководители, работники юридического лица, его структурного подразделения совершили, совершают или подготавливают какое-либо преступление в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности, отнюдь не означает, что эти лица являются лидерами или членами преступного сообщества (преступной организации).

Вместе с тем организационно-правовая форма коммерческой или иной организации может использоваться для камуфлирования преступной деятельности организованного преступного формирования, организационно-штатная структура юридического лица способна облегчать вовлечение руководителей подразделений и других работников коммерческой организации в преступную деятельность, их обособление и специализацию в рамках тех или иных подразделений преступного формирования. Однако если так, то всё это необходимо доказать. Причём никакие доказательства не имеют заранее уста-

¹ Автор использует этот термин как обобщающий для преступных сообществ и преступных организаций.

новленной силы. В соответствии с давно определёнными процессуальными принципами, судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Таким образом, в рассмотренной части данная новация является излишней. Она демонстрирует недостаточную правовую подготовку разработчиков законопроекта², косвенно указывает на пороки правоприменительной практики, необходимость повышения профессионального уровня сотрудников органов предварительного расследования, прокуроров и судей, коррекции их правосознания и усиления ответственности таковых, разработки и внедрения эффективной системы выявления, пресечения и предупреждения коррупции среди перечисленных лиц. Более того, подобная новация опасна, поскольку создаёт видимость решения проблемы, а она, по факту, лишь затушёвывается и усугубляется.

Ещё более однозначно пороки правоприменительной практики констатируются в пояснительной записке к анализируемому законопроекту, в которой утверждается следующее: «в судебно-следственной практике в последнее время наметилась тревожная тенденция, проявляющаяся в том, что положения названной статьи применяются формально в отношении учредителей, руководителей и сотрудников организаций, осуществляющих обычную экономическую и иную деятельность и никак не связанных с профессиональной организованной преступностью». По сути, здесь речь идёт о том, что к уголовной ответственности привлекаются невиновные. Если подобные факты есть, их необходимо устанавливать, расследовать и привлекать к ответственности виновных в преступлениях против правосудия, выяснять, а затем устранять причины и условия, способствующие совершению этих деяний. Пересматривать неправосудные процессуальные решения и

приговоры. Этот путь долгий, сложный, но единственно правильный.

3. Вторая часть новации: появление обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, и усложнение предмета доказывания. В соответствии с другой частью пункта 1 примечания к ст. 210 УК РФ в предлагаемой редакции, учредители, руководители и работники организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководители, работники её структурного подразделения при совершении какого-либо преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности могут быть привлечены к ответственности по ст. 210 УК РФ лишь в том случае, когда эта организация и (или) её структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Таким образом, составы преступлений, предусмотренные ст. 210 УК РФ, дополняются новыми признаками их объективной и субъективной сторон (можно также сказать об одном интегрированном позитивном признаке). Соответственно, претерпит изменение предмет доказывания по уголовным делам данного вида. Если организованное преступное формирование нацелено на совершение хотя бы одного тяжкого или особо тяжкого преступления, связанного с экономической деятельностью, органу предварительного расследования и суду необходимо устанавливать, являются ли обвиняемые учредителями или руководителями, работниками организации, зарегистрированной в качестве юридического лица. Если являются, то необходимо будет также устанавливать, была ли данная организация или её структурное подразделение созданы для использования при осуществлении тех преступлений, на совершение которых нацелено организованное преступное формирование. В случаях, когда такой замысел не будет доказан или будет доказано обратное, в возбуждении уголовного дела по ст. 210 УК РФ против перечисленных лиц должно быть отказано на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а возбуждённое уголовное дело подлежит прекращению, если преступное формирование не планировало и не совершало иных тяжких либо особо тяжких преступлений, не связанных с экономической деятельностью.

² Видимо, они полагают, что если законодательный запрет не исполняется, его следует зафиксировать в законе дважды, а если не поможет – то трижды и т.д.

4. Новое уголовно-правовое понятие и его возможное толкование. Законопроект вводит в уголовное законодательство термин «преступления, совершаемые обвиняемыми в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности», но не очерчивает круг таких преступлений. Их дефиниции нет ни в уголовном законодательстве, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» содержит определение того, какие преступления следует считать совершёнными в сфере предпринимательской деятельности и даёт правоприменителям необходимый ориентир. Однако понятие «преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности», значительно шире. А ещё шире понятие «преступления, совершаемые обвиняемыми в связи (!) с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности».

Исходя из грамматического толкования использованного словосочетания, к данным преступлениям относятся все преступления, указанные в гл. 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности), при условии, если их субъектами могут выступить учредители или руководители, работники организации, зарегистрированной в качестве юридического лица.

Необходимо отметить то, что предыдущие десять лет в общественное сознание через СМИ последовательно внедрялась идея о небольшой общественной опасности преступлений, совершаемых в сфере экономики, и даже их безвредности. А в качестве типичного проступка, за который не следует привлекать к уголовной ответственности (но, якобы, привлекают) приводилось неисполнение договорных обязательств вследствие обычного риска предпринимательской деятельности. Эта идея овладела сознанием и многих юристов. Предложенная ниже «преступная подборка», по мнению автора, наглядно показывает, что данная позиция ошибочна. Также полезно видеть характер и направленность организованной преступной деятельности, ответственность

за которую предложено ослабить. Итак, перечислю некоторые из преступлений в сфере экономической деятельности, являющихся тяжкими:

1. Незаконная организация и проведение азартных игр, сопряжённые с использованием своего служебного положения или извлечением дохода в особо крупном размере (ч. 3 ст. 171.2 УК РФ);

2. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём, и совершённая в особо крупном размере (ч. 4 ст. 174 УК РФ);

3. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления, совершённая в особо крупном размере (ст. 174.1 УК РФ);

4. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём, совершённое лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 175 УК РФ);

5. Ограничение конкуренции, сопряжённое с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения (п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ) или совершённое с применением насилия, а равно угрозой его применения (ч. 3 ст. 178 УК РФ);

6. Принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения, осуществлённое с применением насилия (п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ);

7. Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, совершённое с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (п. «б» ч. 3 ст. 194 УК РФ);

8. Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (201.1 УК РФ);

9. Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, совершённые в крупном или особо крупном размере (ч. 2 или 3 ст. 200.5 УК РФ).

Сюда же следует отнести все преступления, указанные в гл. 23 УК РФ (Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях), поскольку, с одной стороны, их субъектами выступают учредители

или руководители, работники организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, а с другой стороны, эти преступления, как правило, совершаются обвиняемыми в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности. Среди них такие деяния, являющиеся тяжкими, как:

1. Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей, совершённое с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием оружия или специальных средств и повлекшее тяжкие последствия (ч. 2 ст. 203 УК РФ);

2. Коммерческий подкуп за заведомо незаконные действия или совершённый в крупном размере, а также в особо крупном размере (части 3, 4 ст. 204 УК РФ);

3. Посредничество в коммерческом подкупе, совершённое в особо крупном размере (ч. 3 ст. 204.1 УК РФ).

Однако содержание рассматриваемого понятия не исчерпывается преступлениями, очерченными в главах 22 и 23 УК РФ, в него входят и другие, которые не являются экономическими, но совершаются обвиняемыми в связи с осуществлением ими экономической, в том числе предпринимательской, деятельности. В определённых условиях таковыми может оказаться большинство преступлений, предусмотренных действующим законодательством. Например, по мнению автора, заказное убийство руководителя конкурирующей коммерческой организации с целью подавления конкурента, безусловно, связано с экономической деятельностью заказчика этого преступления. *Вместе с тем из-за отсутствия чётких критериев позиция правоприменителей может различаться.*

5. Ослабление ответственности за организованную преступную деятельность в публичном (государственном) секторе экономики. По буквальному смыслу законопроекта ослабление ответственности за организованную преступную деятельность распространится не только на частный сектор экономики, но и на публичный (государственный), потому что понятие «организации, зарегистрированные в качестве юридического лица» (использованное в законопроекте) ох-

ватывает не только такие типичные субъекты экономической деятельности, как хозяйственные общества, но также *государственные и муниципальные предприятия, учреждения, другие хозяйствующие субъекты*³.

Соответственно, *предусмотренное законопроектом ограничение ответственности по ст. 210 УК РФ распространяется на всех руководителей, работников указанных хозяйствующих субъектов, причём тотально*, поскольку презюмируется, что государство, его органы и органы местного самоуправления не могут учреждать юридических лиц в преступных целях. Эта презумпция вытекает из положений Конституции РФ: Российская Федерация есть социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7), а через органы государственной власти и органы местного самоуправления в Российской Федерации свою власть осуществляет народ (ч. 2 ст. 3).

Заметим, на многих рынках государственные бюджетные учреждения играют значительную роль. Так, на территории самого густонаселённого субъекта РФ – г. Москвы – среди управляющих компаний, обеспечивающих жизнедеятельность домов, содержание общедомовой собственности в нормальном состоянии, государственные бюджетные учреждения занимают наибольшую долю рынка, являясь при этом наиболее крупными субъектами. Важно также указать на то, что жилищно-коммунальное хозяйство (далее по тексту также – ЖКХ) является одной из основных отраслей экономики страны. Оно оказывает существенное влияние на другие отрасли и благополучие граждан. В то же время, выступая перед депутатами Государственной Думы России в феврале 2014 г., Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка заявил, что рост числа преступлений в ЖКХ стал самым большим в сфере экономики, они приобрели системный характер [4].

³ Согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признаётся организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

6. Особая привлекательность сферы экономики для организованных преступных формирований и их лидеров. Насколько обоснованно предложенное в законопроекте ограничение ответственности по ст. 210 УК РФ?

В силу ряда причин сфера экономики особенно привлекательна для организованных преступных формирований [2; 5; 6; 11; 12; 15], поэтому на определённом этапе своего развития они стремятся создать или брать под контроль уже существующие коммерческие и иные организации, даже если прежде получали доход вне сферы легальной экономической деятельности.

Укажу некоторые (основные и типичные) интересы и цели организованных преступных формирований в сфере легальной экономики. Во-первых, отмывание преступных доходов, полученных в иных (криминальных) отраслях, с целью их защиты, приумножения и свободного распоряжения в легальной сфере на нужды организованных преступных формирований или их членов. Во-вторых, легализация лидеров организованных преступных формирований в обществе, придания им респектабельности и видимости законности приобретения ими личных богатств, усиления защищённости от возможного уголовного или иного юридического преследования. В-третьих, получение сверхдоходов, поскольку сочетание легальных и криминальных методов ведения бизнеса влечёт синергетический эффект, даёт преимущество перед законопослушными хозяйствующими субъектами, облегчает доступ к ресурсам государства, общественным фондам.

В этих целях организованные преступные формирования, их лидеры, организаторы могут поступать по-разному: создавать коммерческие (или некоммерческие) организации либо брать под контроль уже созданные кем-либо. Контроль устанавливается законным путём, например, за счёт покупки контрольного пакета акций, смены учредителей (участников), либо незаконным, в частности, посредством запугивания или подкупа руководителей, учредителей (участников), акционеров заинтересовавшей организации.

7. Возможные последствия ослабления ответственности за организованную преступную деятельность. К чему рассматриваемая новация может привести на практике? Если организованные преступные формиро-

вания подвизаются в экономической сфере, совершают в ней преступления и для этого тем или иным способом берут под контроль учреждённые кем-либо юридические лица, то члены таких формирований в связи с этим не будут привлекаться к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ. Фактически это означает получение преференций лицами, ведущими организованную преступную деятельность экономической направленности.

Так, согласно данным СМИ, в одном из резонансных дел последнего времени обвинение в организации преступного сообщества было предъявлено занимавшему высокую должность в региональном подразделении крупнейшей газовой компании России Р. Арашукву. В советский период он был дважды судим за экономические преступления. Также взят под стражу директор филиала ООО «Газпром межрегионгаз Ставрополь», гендиректоры АО «Газпром газораспределение Астрахань», ООО «Газпром межрегионгаз Астрахань», ООО «Газпром межрегионгаз Ставрополь» и др. Предполагаемые члены преступного формирования обвиняются в хищениях на сумму более чем 30 млрд рублей. Среди обвиняемых – член Совета Федерации РФ (после привлечения к ответственности был лишён этого статуса). Если обвинение обоснованно, то, несмотря на наличие необходимых доказательств, в случае принятия рассматриваемых поправок обвиняемые могут избежать осуждения по ст. 210 УК РФ, поскольку использованные для хищения коммерческие организации они не учреждали. Это дело достаточно подробно освещается в прессе [16; 17].

Если представленная в настоящей статье интерпретация уголовно-правовой нормы воплотится на практике, станет более проблематичным привлечение к ответственности за создание преступных формирований, руководство ими и участие в них лиц, которые получают сверхприбыли и создают угрозу экономической безопасности страны путём совершения тяжких и особо тяжких преступлений в экономической сфере. Например, тех, кто: 1) руководит масштабной браконьерской добычей леса и лесных животных, речных и морских биоресурсов, используя организационно-правовые формы предпринимательской деятельности, легализует полученную продукцию, 2) продает её за рубежом с нарушением таможенного законодательства

(по подложным документам или с помощью коррупции) и получает сверхприбыли, либо при помощи коррупции получает лицензии на добычу и эксплуатацию природных ресурсов там, где это недопустимо, наносит вред экологии [8], экономическим интересам государства, причиняет большой ущерб бюджету страны, тормозит её развитие и т.д.

Вероятно, в том числе ввиду длительной, масштабной и безнаказанной деятельности лидеров незаконного лесного, рыбо-икорного, крабового и иных видов бизнеса, строящихся на хищнической добыче ценных биоресурсов и вывозе их за рубеж, данные лица названы СМИ «королями» [1; 9].

Особенно осложнится противодействие проявлениям организованной преступной деятельности в государственном секторе экономики, поскольку предусмотренное законопроектом ограничение на привлечение к уголовной ответственности руководителей, работников предприятий и учреждений формально-юридических должно носить в этом секторе тотальный характер.

Так как в уголовное законодательство вводится неопределённая терминология, это расширит предпосылки для ошибок правоприменителей, их субъективного усмотрения, произвола, злоупотреблений, проявления коррупции при принятии решений о начале оперативных разработок, возбуждении уголовных дел по ст. 210 УК РФ, предъявлении обвинений, избрании мер пресечения, снятии обвинений и т.д.

Также приходится констатировать то, что получает развитие (или, по крайней мере, сохраняется) тенденция законотворчества, проявляющаяся в появлении законов, в которых искусственно умножаются масштабы неопределённости правового регулирования в таких чрезвычайно важных сферах, как противодействие преступности и уголовное судопроизводство [3].

Таким образом, *опасность рассмотренного законопроекта заключается в том, что он способствует разрастанию организованной преступной деятельности, усилению коррупции среди работников правоохранительных органов и судов (что само по себе крайне серьёзно), размыванию основополагающих правовых принципов разумности, справедливости и равенства граждан перед законом,*

предусмотренных отечественным законодательством.

Замечу также, что данный законопроект следует отнести к предмету рассмотрения криминологии закона – финальной отрасли криминологической школы (доктрины преступных подсистем), изучающей взаимообусловленность преступности и законодательства, законодательную преступность, фикцию порождения законом преступления, криминальные и преступные законы [18].

Любое сравнение хромает, но, тем не менее, напрашивается следующая аналогия в логике рассмотренной законодательной инициативы: когда предприниматель совершит умышленное убийство с применением оружия, он должен нести ответственность лишь в том случае, если в момент приобретения оружия уже имел умысел на убийство. Если же использованное для преступления оружие приобреталось им для самообороны либо как исторический экспонат, а потом намерение изменилось, ответственность за убийство исключается.

При оценке потенциальных изменений ст. 210 УК РФ и связанных с ними негативных последствий вспоминается заслуживающее внимания предложение некоторых криминологов, полагающих необходимой криминализацию деяний в законодательной и другой правотворческой сфере, которые направлены на принятие закона, иного нормативного акта, порождающего общественно опасные последствия. Суть предложения выражается в следующей диспозиции состава преступления, не предусмотренного пока в УК РФ: «Использование должностным лицом своих служебных полномочий для принятия нормативного акта, заведомо для виновного влекущее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» [7, с. 74].

В ходе рассмотрения в Госдуме России законопроекта № 871811-7 его формулировки, вероятно, будут уточнены и усовершенствованы, однако вряд ли удастся преодолеть корневые, концептуальные изъяны этого документа, нацеленность на ослабление ответственности за организованную преступную деятельность в экономической сфере.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Крабовый король» сбежал из России. Да здравствует король?! URL: <https://stolica-s.su/news/russia/173663> (дата обращения: 26.12.2019).
2. Агапов П.В. Об основных тенденциях организованной преступности в современной России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 42–49.
3. Бабаев М.М. Неопределённость и проблемы правоприменения // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 12–19.
4. Башлыкова Н. Юрий Чайка отругал регионы за ЖКХ // Известия. – 2014. – 13 февраля.
5. Биркин М.А. Организованная и профессиональная преступность в России // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 1 (22). С. 7–15.
6. Глазкова Л.В. Взаимодействие систем организованной преступности и коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7 (104). С. 77–86.
7. Данилов А.П. Преступное законодательство: на пересечении криминологических отраслей // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 71–76.
8. Дубовик О.Л. Экологическая преступность в Российской Федерации: состояние, тенденции и связи с транснациональной, коррупционной и организованной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 1. С. 18–29.
9. Завьялов Ю. Рыбный король: подлинная история нового российского миллиардера. URL: <https://www.rbc.ru/business/27/03/2017/58d3b7f89a79471817a8888d> (дата обращения: 26.12.2019).
10. Законопроект № 871811-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28-1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/871811-7> (дата обращения: 26.12.2019).
11. Колесников В.В., Быков В.Н. Организованная преступность как экономический феномен: вопросы теории и практики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1 (53). С. 167–176.
12. Ларичев В.Д., Покаместов А.В., Щербаков В.Ф. Понятие и особенности организованной преступной деятельности в сфере экономики // Государство и право. 2003. № 12. С. 36–42.
13. Перечень поручений по итогам Прямой линии с Владимиром Путиным. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60879> (дата обращения: 26.12.2019).
14. Прямая линия с Владимиром Путиным. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60795> (дата обращения: 26.12.2019).
15. Скобликов П.А. Основания и последствия ослабления ответственности за экономические преступления в современной России // Закон. 2011. № 9. С. 95–106.
16. Скойбеда У. Как семья Арашуковых воровала миллионы, превращая пенсионеров в должников: расследование Ульяны Скойбеды // Комсомольская правда. – 2019. – 27 февраля.
17. Соковнин А. Преступное сообщество оказалось семейным. Вслед за сенатором Арашуковым арестовали его отца и брата // Коммерсантъ. – 2019. – 1 февраля.
18. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: Издательство Юридический центр Пресс. 2011. 75 с.

REFERENCES

1. «Kraboviy korol» sbezhil iz Rossii. Da zdravstvuet korol?! [«Crab King» escaped from Russia. Long live the king?!] URL: <https://stolica-s.su/news/russia/173663> (date of submission: 26.12.2019).
2. Agapov P.V. Ob osnovnykh tendentsiyakh organizovannoy prestupnosti v sovremennoy Rossii. [On the main trends in organized crime in modern Russia]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2013, no. 3, pp. 42–49.
3. Babaev M.M. Neopredelonnost i problemy pravoprimeneniya. [Uncertainty and law enforcement problems]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Person: Crime and Punishment*. 2017, vol. 25, no. 1, pp. 12–19.
4. Bashlykova N. Yuriy Chaika otrugal regiony za ZhKH. [Yuri Chaika criticized the regions for housing and communal services]. *Izvestiya*. 2014. February 13.
5. Birkin M.A. Organizovannaya i professionalnaya prestupnost v Rossii. [Organized and professional crime in Russia]. *Vestnik uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava – Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2013, no. 1 (22), pp. 7–15.
6. Glazkova L.V. Vzaimodeystvie sistem organizovannoy prestupnosti i korruptsii. [Interaction of organized crime and corruption systems]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava – Topical Problems of Russian Law*. 2019, no. 7 (104), pp. 77–86.

7. Danilov A.P. Prestupnoe zakonodatelstvo: na peresechenii kriminologicheskikh otrasley. [Criminal legislation: at the intersection of criminological branches]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 2 (45), pp. 71–76.
8. Dubovik O.L. Ekologicheskaya prestupnost v Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie, tendentsii i svyazi s transnatsionalnoy, korrupsionnoy i organizovannoy prestupnostyu. [Environmental crime in the Russian Federation: state, trends and relations with transnational, corruption and organized crime]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2010, no. 1, pp. 18–29.
9. Zavyalov Y. Rybniy korol: podlinnaya istoriya novogo rossiyskogo milliardera. [Fish king: the true story of the new Russian billionaire]. URL: <https://www.rbc.ru/business/27/03/2017/58d3b7f89a79471817a8888d> (date of submission: 26.12.2019).
10. Zakonoproekt № 871811-7 «O vnesenii izmeneniy v Ugolovniy kodeks Rossiyskoy Federatsii i statyu 28-1 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii». [The Law project no. 871811-7 «On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 28-1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/871811-7> (date of submission: 26.12.2019).
11. Kolesnikov V.V., Bykov V.N. Organizovannaya prestupnost kak ekonomicheskii fenomen: voprosy teorii i praktiki. [Organized crime as an economic phenomenon: theory and practice]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012, no. 1 (53), pp. 167–176.
12. Larichev V.D., Pokamestov A.V., Shcherbakov V.F. Ponyatie i osobennosti organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti v sfere ekonomiki. [The concept and features of organized criminal activity in the economic sphere]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2003, no. 12, pp. 36–42.
13. Perechen porucheniy po itogam Pryamoy linii s Vladimirom Putinyim. [A list of orders following the Live with Vladimir Putin]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60879> (date of submission: 26.12.2019).
14. Pryamaya liniya s Vladimirom Putinyim. [Live with Vladimir Putin]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60795> (date of submission: 26.12.2019).
15. Skoblikov P.A. Osnovaniya i posledstviya oslableniya otvetstvennosti za ekonomicheskie prestupleniya v sovremennoy Rossii. [The grounds and consequences of the weakening of responsibility for economic crimes in modern Russia]. *Zakon – Law*. 2011, no. 9, pp. 95–106.
16. Skoybeda U. Kak semya Arashukovykh vorovala milliony, prevrashchaya pensionerov v dolzhnikov: rassledovanie Ulyany Skoybedy. [How the Arashukov family was stealing millions, turning pensioners into debtors: an investigation by Ulyana Skoibeda]. *Komsomolskaya pravda*. 2019, February 27.
17. Sokovnin A. Prestupnoe soobshchestvo okazalos semeynym. Vsled za senatorom Arashukovym arestovali ego ottsa i brata. [The criminal community turned out to be family. Following senator Arashukov, his father and brother were arrested]. *Kommersant*. 2019. February 1.
18. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. St.P.: Izdatelstvo «Yuridicheskii tsentr Press», 2011, 75 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пётр Александрович Скобликов – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: skoblikow@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pyotr Aleksandrovich Skoblikov – Doctor of Laws, senior research scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: skoblikow@list.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

В.А. Зикеев

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ ПРАВА

Аннотация: Проблема оформления отрасли права об организационных основах противодействия преступности, как части российской правовой действительности, может быть решена путём признания на общетеоретическом и прикладном уровнях необходимости самостоятельной криминологической отрасли права.

Ключевые слова: право противодействия преступности; криминологическое право; право антикриминального воздействия; криминологическое законодательство; криминология закона.

V.A. Zikeev

ON THE CRIMINOLOGICAL BRANCH OF LAW

Summary: The problem of the formation of the branch of law on the organizational foundations of crime counteraction, as part of the Russian legal reality, can be solved by recognizing the need for an independent criminological branch of law at the general theoretical and applied levels.

Keywords: crime counteraction law; criminological law; anti-criminal law; criminological legislation; criminology of law.

Становление в России системы законодательства связано с возникновением правовых интегративных явлений, протекающих параллельно с процессом дифференциации и автономизации нормативного регулирования. Не является исключением в этом отношении и законодательство о противодействии преступности. Так, одним из важнейших принципов эффективного действия уголовного закона в теории предлагается считать комплексность – «отдельные институты и нормативные предписания УК РФ действуют при совместном участии нормативных положений другой отраслевой природы и одновременно с последними обеспечивают защиту одному и тому же отношению» [2, с. 80].

Как отмечает Д.А. Шестаков, «криминологическое законодательство, в широком смысле слова, состоит из двух разделов: уголовно-правового и криминологического. Криминологическое законодательство, в узком смысле слова, составляет нормативную основу социального контроля за преступностью в той его части, которая не связана с применением уголовной репрессии. Оно складывается из нормативных актов: 1) определяющих криминологическую политику, 2) направленных на ресоциализацию криминогенных слоёв населения, 3) специально предупреждающих правонарушения несовершеннолетних и мо-

лодёжи, 4) обеспечивающих помощь жертвам преступлений (виктимологическое законодательство), 5) регламентирующих деятельность субъектов социального контроля за преступностью» [3; 8, с. 147–148].

Криминологическое законодательство, в широком смысле, рассматриваемое как результат законотворческой деятельности государства в рамках государственной антикриминальной политики, представлено сегодня системой нормативно-правовых актов, регулирующих репрессивную и нерепрессивную деятельность по противодействию преступности.

Уголовная юстиция, активно применяющая уголовные, уголовно-процессуальные нормы, не в состоянии полноценно противодействовать криминалу [1]. Классифицируемые, прежде всего, в зависимости от предметной специфики и правового инструментария, акты законодательства безусловно должны рассматриваться в их взаимосвязи и стремлении к достижению регуляторного единообразия. Поэтому в последние годы учёные всё чаще обращают внимание на проблему желательности консолидации и унификации законодательства через развитие межотраслевых связей [5].

В контексте исследования развития интегративных явлений в законодательстве о про-

тивоедействию преступности краеугольным камнем является вопрос о его систематизации, вплоть до формирования комплексной отрасли. Поставка вопроса о необходимости формирования правовой отрасли о противодействии преступности была осуществлена Д.А. Шестаковым, который в настоящее время активно развивает данную идею, теоретически обосновывая положения предложенного им права противодействия преступности [7].

По его мнению, вслед за криминологическим правом должно возникнуть право противодействия преступности и соответствующее ему единое законодательство о противодействии преступности. Верхний его уровень – Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним уровень кодексов: 1) Кодекс предупреждения преступлений и мер безопасности, 2) Кодекс об уголовной ответственности и восстановления положения молодёжи в обществе, 3) кодексы – Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный [7, с. 49–50; 9, с. 111, 113; 10, с. 393].

Стоит отметить, что на признаки формирования самостоятельных отраслей указывали также В.В. Лунеев, Д.Ю. Гончаров, Ю.В. Трунцевский. Однако именно основателем невско-волжской криминологической школы – Д.А. Шестаковым – предложена фундаментальная концепция права противодействия преступности, предполагающая серьёзную законодательную перенастройку правового регулирования.

В основе идеи о формировании новой отрасли лежит функциональный подход к определению предмета правового регулирования. В этой связи уместно говорить о том, что криминологические задачи решает и репрессивное, и нерепрессивное законодательство.

Устанавливая функциональную, комплексную взаимозависимость репрессивного (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного) и нерепрессивного законодательства о противодействии преступности, следует обозначить существенное расщепление охранительного правового регулирования. Криминальные отрасли регулируют репрессивное противодействие, при котором достижение целей общей и частной превенции вторично по отношению к уголовной репрессии. В свою очередь, нерепрессивное

криминологическое законодательство регулирует организационные меры противодействия преступности, связанные с применением правового механизма осуществления превентивной деятельности, либо применения мер ограничения в правах, не имеющих значительного карательного эффекта.

Поэтому на сегодняшнем этапе развития законодательства о противодействии преступности целесообразно говорить о формировании «нерепрессивной отрасли», содержащей криминологическое законодательство.

В преступноведении нет единства относительно наименования формирующейся отрасли права об организационных основах противодействия преступности. Наиболее часто в научных трудах встречается наименование «криминологическое право». Однако оно представляется избыточно академичным для восприятия, а также не в полной мере соответствует сложившемуся в российской правовой традиции правилу присвоения отраслям права наименований, согласующихся со сферой (областью) регулируемых отношений. Как следствие, в качестве альтернативного наименования нерепрессивной отрасли о противодействии преступности предлагается рассмотреть такое, как «право антикриминального воздействия».

Анализ законодательства об организационных основах противодействия преступности позволяет сделать однозначный вывод о том, что оно направлено на регулирование общественных отношений, связанных с деятельностью общества, государства, организаций, граждан по обеспечению предотвращения, выявления и пресечения преступлений, а также минимизации последствий их совершения посредством применения нерепрессивных (организационных) инструментов социально-правового воздействия.

Для отрасли права антикриминального воздействия характерен такой способ регулирования как предписание. Наличие большого количества декларативных норм (норм-целей, норм-принципов), а также «процедурных» и правоустанавливающих норм свидетельствует о предписывающе-уполномочивающем характере нормативного регулирования.

Наиболее точным, верным для определения совокупности мер, направленных на снижение числа противоправных деяний, повышение защищённости граждан, общества и

государства, криминологами признаётся понятие «противодействие преступности» [4]. При этом предупреждение преступлений и борьба с преступностью должны рассматриваться как «равновеликие сферы противодействия преступности» [6].

В структуре отрасли права антикриминального воздействия, по моему мнению, можно выделить две условные подотрасли: право превентивного антикриминального воздействия и право антикриминального реагирования. Первая регулирует общественные отношения, связанные с профилактикой преступлений, вторая – с выявлением, пресечением преступлений, а также минимизацией последствий их совершения посредством применения мер социального контроля.

Кроме того, имеет смысл говорить о наличии в рамках предлагаемой к рассмотрению отрасли самостоятельных правовых институтов. И если система институтов уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права хорошо разработана, то применительно к нерепрессивному криминологическому законодательству ситуация совершенно иная. Как представляется, логично

формировать институты права антикриминального воздействия, исходя из регулирования противодействия отдельным видам преступлений (коррупционным, экономическим т.д.).

Описанное выше видение некоторых основ права антикриминального воздействия предлагается рассматривать как авторское решение научно-прикладной проблемы систематизации и унификации нормативно-правового регулирования противодействия преступности. Самостоятельная криминологическая отрасль права (криминологическое право или право антикриминального воздействия) имеет огромный нормотворческий и правоприменительный потенциал.

На текущий момент остаются неурегулированными общественные отношения в сфере нерепрессивного предупреждения насильственных, должностных, семейно-бытовых, этнических, военных преступлений, а также отношения, связанные с проведением криминологической экспертизы, осуществлением криминологического мониторинга (термин введён в научный оборот Д.А. Шестаковым) [8, с. 88], виктимологической профилактики.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова И.А.* Ориентиры новой уголовной политики противодействия преступности в сфере экономики (в условиях антироссийских санкций) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 73–79.
2. *Безверхов А.Г.* О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex russica. 2015. Т. 107. № 10. С. 76–92.
3. *Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А.* Преподавание криминологии в современных условиях // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6, вып. 3. С. 12–25.
4. *Воронин Ю.А., Майоров А.В.* Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1. С. 7–16.
5. *Гончаров Д.Ю.* Межотраслевые взаимосвязи в законодательстве о противодействии преступности: монография М.: Юрлитинформ, 2014. 320 с.
6. *Гончаров Д.Ю.* О соотношении «уголовно-правового» и «криминологического» в законодательстве о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38). С. 85–91.
7. *Шестаков Д.А.* Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47–50.
8. *Шестаков Д.А.* Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского госуниверситета, «Лань», 2001. 264 с.
9. *Шестаков Д.А.* Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография // Ответств. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. Костанай, 2012.
10. *Шестаков Д.А.* Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. 430 с.

REFERENCES

1. *Aleksandrova I.A.* Oriyentiry novoy ugolovnoy politiki protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomiki (v usloviyakh antirossiyskikh sanktsiy). [Guidelines for a new criminal policy of crime counteraction in the

economic sphere (in the context of anti-Russian sanctions)]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Jurisprudence and Law Enforcement Practice*. 2014, no. 3 (29), pp. 73–79.

2. *Bezverkhov A.G.* O deystvii ugovnogo zakona v usloviyakh mezhotraslevykh svyazey. [On the operation of the criminal law in the context of interbranch connections]. *Lextrussica*. 2015, vol. 107, no. 10, pp. 76–92.

3. *Burlakov V.N., Gilinskiy Y.I., Shestakov D.A.* Prepodavanie kriminologii v sovremennykh usloviyakh. [Teaching criminology in modern conditions]. *Vestnik SPbGU – Bulletin of St. Petersburg State University*. 1996, ser. 6, vol. 3, pp. 12–25.

4. *Voronin Y.A., Mayorov A.V.* Teoreticheskie osnovy formirovaniya sistemy protivodeystviya prestupnosti v Rossii. [Theoretical foundations of the formation of a system of crime counteraction in Russia]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2013, no. 1, pp. 7–16.

5. *Goncharov D.Y.* Mezhotraslevye vzaimosvyazi v zakonodatelstve o protivodeystvii prestupnosti: monografiya. [Interbranch connections in the legislation on crime counteraction: a monograph]. M.: Yurlitinform, 2014. 320 p.

6. *Goncharov D.Y.* O sootnoshenii «ugolovno-pravovogo» i «kriminologicheskogo» v zakonodatelstve o protivodeystvii prestupnosti. [On «criminal» and «criminological» in combating crime legislation]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 3 (38), pp. 85–91.

7. *Shestakov D.A.* Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i pravo protivodeystviya prestupnosti. [Criminological legislation and the law on crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013, no. 1 (28), pp. 47–50.

8. *Shestakov D.A.* Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs. [Criminology: crime as a social trait]. St.P.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosuniversiteta, «Lan», 2001. 264 p.

9. *Shestakov D.A.* Postliberalnaya paradigma i pravo protivodeystviya prestupnosti. Pravotvorcheskie i pravoprimenitelnye paradigmy rekonstruktsii ugovnogo zakonodatelstva: natsionalniy i mezhdunarodniy opyt modelirovaniya. [Post-liberal paradigm and right to combating crime. Law-making and law enforcement paradigms of legislation reconstruction: national and international models]. Kollektivnaya monografiya. Otv. red. d.y.n. A.E. Mizanbaev. Kostanay, 2012.

10. *Shestakov D.A.* Teoriya prestupnosti i otraslevaya kriminologiya. Izbrannoe. [Theory of crime and branch criminology. Selected]. St.P.: Yuridicheskiy tsentr, 2015, 430 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Алексеевич Зикеев – главный консультант (юрисконсульт) отдела по обеспечению деятельности комитета Думы Ставропольского края по законодательству, государственному строительству и местному самоуправлению аппарата Думы Ставропольского края (Ставрополь, Россия); e-mail: vz26@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vyacheslav Alekseevich Zikeev – senior consultant (legal adviser) of the department for ensuring the activities of the committee of the Duma of the Stavropol Region on legislation, state building and local government of the apparatus of the Duma of the Stavropol Region (Stavropol, Russia); e-mail: vz26@bk.ru

4. ОБОЗРЕНИЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

УДК 343.9
ББК 67.51

Г.Н. Горшенков

ОТ ПРЕСТУПНОЙ ЛЮБВИ... НАВСТРЕЧУ ПРАВУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ...

Аннотация: Заглавие настоящей статьи объединяет начала названий двух книг Дмитрия Анатольевича Шестакова: «От преступной любви до преступного законодательства» и «Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики». Вторая его книга фактически написана в продолжение первой. В них отражён многолетний процесс систематизации знаний, относящихся к праву противодействия преступности.

Ключевые слова: криминология; право противодействия преступности; искусство; преступление и наказание.

G.N. Gorshenkov

FROM CRIMINAL LOVE... TOWARDS THE CRIME COUNTERACTION LAW...

Summary: The title of this article combines the beginnings of the titles of two books by Dmitry Anatolyevich Shestakov: «From criminal love to criminal legislation» and «Towards the crime counteraction law. Articles, speeches, feedback». His second book is written in the continuation of the first. They reflect the long-term process of systematizing knowledge related to the crime counteraction law.

Keywords: criminology; crime counteraction law; art; crime and punishment.

Заглавие настоящей работы объединяет начала названий двух книг известного российского криминолога, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Д.А. Шестакова: «От преступной любви до преступного законодательства» [28] и «Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики» [27]. Вторая его книга фактически написана в продолжение первой. В них отражён многолетний процесс систематизации знаний, относящихся к праву противодействия преступности.

В монографии Дмитрия Анатольевича «Навстречу праву...» в новом блеске предстала его творческая многогранность. Причём, с одной стороны, в этих гранях отражены искусные *плетения* умозаключений – как авторских, так и ряда криминологов – относительно проблематики учения о преступности, развиваемого в рамках невско-волжской криминологической школы; с другой стороны, завораживают неповторимо *эстетически выразительные* формы изложения мысли Д.А. Шестакова.

Книга являет собой виртуозное переплетение криминологических сюжетов в сферах семьи, экономики, политики, массовой коммуникации, переселения народов, искусства, здравоохранения, науки и образования, религии, права. В каждом из них своего рода уникальный «менеджер», то есть *фигура речи*, придающая повествованию определённую стилистическую значимость, экспрессию, выразительность.

Вот автор, как бы совместно со специалистом в области криминофамилистики В.С. Харламовым, размышляет о виктимизации семьи как о сложнейшей межотраслевой проблеме – семейной и политической криминологии [27, с. 12]; вместе с «сотоварищами по преступноведению, в частности, Ю.В. Голиком и теперь Х.Д. Аликперовым» излагает перспективное видение неоднозначного влияния научно-технического развития на преступность и противодействие ей, на угрозу поголовного чипирования людей, что, по мнению профессора Шестакова, наряду с оптимизацией правоохранительного кон-

троля «одновременно вооружит движущие силы глубинных слоёв самой преступности» [27, с. 12].

Перспективной для криминологии Дмитрий Анатольевич видит проблему наблюдаемого нами процесса разрушения науки и образования. В развитие доклада на эту тему С.М. Иншакова, сделанного в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе [9], автор пишет: «В России, как и за её пределами, сильные мира сего остерегаются развития криминологии, т.к. оно закономерно приводит к углублению осмысления преступности от обыденного к более глубинным её уровням... с глобальной олигархической деятельностью, лежащей в её основании» [27, с. 92].

Что касается эстетической выразительности научного стиля автора, то в ней проявляется, можно сказать, редчайшее его личностное качество, в основе которого заложен органический сплав учёного, писателя, почитателя изящного в искусстве, музыке, проницательного рецензента, конструктивного критика и «простой» (для Дмитрия Анатольевича) доброжелательности.

Открываем книгу на странице 27 и читаем: «Вклад Рихарда Вагнера в экономическую криминологию». Разумеется, было бы нелепо искать ссылки на труды известного композитора в работах по экономической криминологии профессора Колесникова и опровергать утверждение профессора Шестакова. А вот ссылки на *криминологическое прочтение* Дмитрием Анатольевичем «вдохновляющего вагнеровского звучания» не только возможны, нужны, но и неминуемо потребны. Сложность лишь в том, что при их краткости в них никак не уложить душевное «дыхание музыки» и музыкальную «расстановку преступных сил по Вагнеру». Это можно почерпнуть уже в основном тексте книги (самый минимум на стр. 28–29).

Музыка – это язык чувств, язык, в котором слова теряют не только значимость, но и сами себя, тем более в связи с усложнением языка, засорением его инородными словами, когда «всё больше отмечаются согласованность в словах и рассогласованность в чувствах» [27, с. 27–28].

Один из криминологических сюжетов посвящён... *искусству*. Он так и называется: «Искусство и криминология: криминология

как искусство» и начинается с призыва «Преступноведы, ходите в оперу!» [27, с. 75]. Если выражаться «языком» федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (направление подготовки, конечно же, юриспруденция), данный призыв будет звучать: «Овладейте общекультурными компетенциями!».

Дмитрий Анатольевич обращается к творчеству Гёте, Достоевского, Оскара Уайльда, опять же Вагнера, рассматривая предмет их художественного анализа – преступность – как проявление зла, к которому ведёт «дьявольский путь», проложенный сосредоточенностью человека на материальном [27, с. 76], то есть на том, что заложено в природу человека: чувство собственности, питаемое такой страстью, как корысть, делающей людей своими рабами.

Оценивая вредность страстей в отношении разумности, И. Кант сравнивал их с раковой опухолью, которая в большинстве случаев неизлечима [12, с. 513]. Для человека с «поражённым разумом» стремление к получению материальных благ становится самоцелью, он идёт только по этому пути, не останавливаясь.

Размышляя над позицией классиков, оправдывающих (объясняющих) зло и вечность преступности, автор, как учёный, понимающий сложность и противоречивость мироустройства, «в которое одновременно вплетено и противодействие злу» [27, с. 77], в этом противодействии видит, в частности, возможности вагнеровской мощи в защите высших, духовных ценностей [27, с. 76].

Вернёмся к началу сюжета об искусстве: «Ходите в оперу!». Вот оно кольцо мифических нибелунгов! Четыре «оперы-сюжета»: «Преступноведы, ходите в оперу!», «Великие писатели о «механизме» зла», «Оправдание зла и вечность преступности», «Возможна ли победа духовности?». Однако в отличие от мифического золотого кольца нибелунгов, дающего власть во благо (прекращаются преступления на Земле), *кольцо искусства* (а почему бы и не «кольцо Шестакова», если уж Дмитрий Анатольевич его «выковал») даёт духовную власть (силу). И подчиняться такой власти – только в радость.

В словосочетании «криминология как искусство» обращает на себя внимание уже отнюдь не эстетическая выразительность, а

обыденность (в добром значении этого слова) криминологии как *теоретико-прикладной* науки.

Что касается теоретической части, тут Дмитрий Анатольевич прав, констатируя «отсутствие государственной заботы о вузовской науке», что «лишает её возможности широко развернуть социологические исследования» [27, с. 97]. В порядке реплики замечу: словосочетание «государственная забота» по отношению к «вузовской науке» в авторской стилистике воспринимается как элемент совсем другой языковой группы. Это тот самый случай, о котором упоминалось выше, т.е. «согласованность в словах и рассогласованность в чувствах». На наш взгляд, лучше бы отсутствие буквально отеческой «заботы» заменить на безотцовское «наличие индифферентизма». Можно было бы сказать и более выразительно, но жалко нашу верную союзницу эстетику.

Возвращаясь к криминологическим (проводимым социологическими методами) изысканиям, надо отметить, что «результаты научных исследований выступают (в плане внедрения) уже не как знания сами по себе, а как особый ресурс, необходимый наравне с другими ресурсами для совершенствования, развития практики» [13, с. 166].

К сожалению, при современном безразличном отношении государственных деятелей к принципу научности, сама практика, с одной стороны, не торопится воспользоваться этим ресурсом, но, с другой, – спешит заявить о себе теми «решительными мерами», которые, по мнению государственных и муниципальных управленцев, работников правоохранительных органов несут в себе бесспорный результат.

Примером научной (криминологической) неосмотрительности является *веление*, закреплённое в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В его ст. 6 «Меры по профилактике коррупции» первоочередной такой мерой определено «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению». Задача неукоснительного выполнения данного предписания вскоре была (спустя четыре месяца) поставлена Президентом РФ, в том числе, путём закрепления в Указе от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации».

И теперь федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования предусматривают решение этой задачи, в частности обязав формировать такие компетенции, как «нетерпимое отношение к коррупционному поведению» (у студентов бакалавриата), «проявление нетерпимости к коррупционному поведению» (у студентов магистратуры).

В соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2018–2020 годы поставлена задача включить и в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, среднего профессионального и высшего образования положения, предусматривающие формирование компетенций, позволяющих выработать у обучающихся нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности ещё и умение содействовать пресечению такого поведения (Раздел V, п. 20, «в») [26]. Создаётся впечатление, что в нетерпимости найдено то исключительное звено, за которое можно вытянуть всю коррупционную цепь проблем и отправить её на переплавку.

Но что такое коррупционное поведение и нетерпимость к нему? Коррупционное поведение – это то, как ведёт себя субъект по отношению к коррупции. Оно может быть как негативным (вид девиантного поведения – преступление коррупционной направленности), так и позитивным (отрицающее, порицающее коррупцию). Однако сложилось обыкновение рассматривать коррупционное поведение исключительно как негативное, порицаемое законом явление, правонарушение, в особенности преступление, совершённое, как правило, должностным лицом: «коррупционное поведение – поведение должностного лица, направленное на получение личной выгоды путём злоупотребления служебным положением» [1].

Заметим, в общественном сознании выработалось преобладающее понимание коррупционного поведения относительно должностного лица – коррупционера. Именно данные лица привлекают внимание средств массовой информации как персонажи резонансных уголовных дел. СМИ же формируют у общества то самое, предписанное политиками чувство нетерпимости, но прежде всего к самим представителям государственной власти. А это

чевато такими последствиями, как протестные настроения у населения.

Известный российский философ и социолог А.С. Ахиезер рассматривает нетерпимость как одну из крайних форм дискомфорта. В результате активного формирования нетерпимости (очевидно, как информационно-психологической защиты) «она может перерасти в массовые воздействия, например, в погромы» [2, с. 100], что уже переходит в экстремизм, означает возбуждение ненависти, даже вражды.

На это обстоятельство, естественно, указывают и криминологи. По оценке П.А. Кабанова, законодатели не вникают в сущность того, что представляет собой «антикоррупционная нетерпимость». Она, при её недооценке, легко может быть обращена в такую радикальную форму негативного отношения, как антикоррупционный фанатизм со всеми вытекающими из него последствиями – антикоррупционным экстремизмом [10, с. 1009].

Интересно видение А.П. Данилова проблемы терпимости. Им предложена модель «шар терпимости» – это образ человеческого общества. Он покоится на поверхности воды в случае наличия в нём достаточного количества умеренных терпимости и нетерпимости, обеспечивающих продолжение здорового существования человека и, в целом, всего государства. Умеренная терпимость – основное криминологическое наполнение данного шара. Она должна всецело преобладать над неумеренными терпимостью и нетерпимостью. Только в этом случае шар будет находиться на воде, свидетельствуя о нормальных условиях человеческого бытия. На северном полюсе шара располагается терпимость – *скрытый криминогенный фактор*. При её разрастании, по аналогии с озоновой дырой, рушится оболочка шара, и он гибнет. Южный полюс занимает неумеренная нетерпимость – *открытый криминогенный фактор*. Она, в случае её чрезмерного расширения, утягивает шар под воду, и он также прекращает своё существование. Терпимость, ограниченная криминологической мерой, представляет собой *умеренную терпимость* и является антикриминогенным фактором. Всё, что сверх или без меры – *неумеренные терпимость и нетерпимость*. Первая выступает в качестве скрытого, вторая – открытого криминогенного фактора [7, с. 28].

А теперь зададимся вопросом: «У кого предполагается формировать дискомфортное чувство нетерпимости к злобному коррупционному поведению?». Его субъектом могут быть не только должностные, но и другие лица как субъекты взяточничества (и подкупа) – подкупающие (в широком смысле слова) и посредничающие в этом. Кроме того, каждый из нас, миллионов избирателей или участников референдумов, периодически оказывается перед соблазном подкупа.

Как показывают исследования, в стране наблюдается «высочайший уровень коррумпированности (надо понимать, коррупционной порабощённости – Г.Г.) как самих граждан, так и чиновников» [18, с. 48]. «Коррупционные сделки, – пишет социолог Е.В. Охотский, – совершают богатые и бедные, образованные и не очень, высокопоставленные лица и простые рабочие; этой болезнью легко заражаются не только отдельные граждане, но и целые подконтрольные государству системы» [17, с. 26].

Мной совместно со студентами магистратуры было проведено анкетирование 500 молодых людей, проживающих в Нижнем Новгороде. В частности, нас интересовал вопрос: «Насколько люди готовы воспылать чувством нетерпимости к так называемому коррупционному поведению?». Мы задали соответствующие вопросы и получили такие данные. Большинство респондентов считают значительным влияние коррупции, в виде налогового бремени, на малообеспеченных граждан. Только 11 % опрошенных не разделяли это мнение. Более половины принявших участие в опросе (56 %) признали своё участие в коррупционных сделках. 84 % респондентов заявили, что не ощущают на себе причинение вреда коррупционными правонарушениями и, следовательно, покорно, как само собой разумеющееся, воспринимают сложившуюся практику несправедливого отъёма денег у граждан путём завышения цен, покрывающих понесённые «расходы на коррупцию».

К тому же выяснилось, что 23 % опрошенных допускают в определённых случаях полезность коррупции, 34 % – ещё не определились со своей позицией, и лишь 43 % – считают недопустимым видеть полезность коррупции даже в отдельных случаях. Таким образом, респонденты, по сути, подтвердили то, что коррупция – это действительно мен-

тальное явление, т.к. в сознании людей укоренились принципы «за всё нужно платить», «не подмажешь, не поедешь».

Так, 43 % опрошенных считает, что этим принципам следует большинство людей, 41 % – полагает, что руководствоваться ими стало нормой практически для всех, и только 16 % – думает, что на указанный принцип ориентируется лишь небольшая часть населения.

В этом проявляется известная диалектическая нормальность преступности (в отличие от такой же диалектической противоположности, но уже правовой ненормальности) как объективного социального явления, функциональность которого востребована обществом. В связи с этим должна меняться политика «искоренения причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе». Как справедливо утверждает Д.А. Шестаков, «в основу криминологической политики необходимо положить концепцию цивилизованного взаимоотношения общества с преступностью, опирающуюся на принципы возмещения вреда и удержания от новых преступлений. Центр тяжести, а – следовательно – и большую часть финансирования противодействия преступности следовало бы переместить в сферу образования и социальной помощи людям в разрешении их проблем (противоречий), обуславливающих преступную деятельность» [27, с. 10].

А ныне, на обозначенном выше фоне терпимости людей к коррупционному злу бесперспективно надеяться на успех формирования в обществе нетерпимости к коррупции, развития у населения тяги к активному антикоррупционному поведению.

Налицо ситуация, в которой *законодательное веление встречает криминологическое непонимание*. Данное положение иллюстрирует закономерность, порождённую научно не обоснованной противопреступной политикой, на которую указывает Дмитрий Анатольевич.

В этой обстановке действительно наблюдается спасительный уход в себя, т.е. в корпоративную сферу мышления. Как говорится, нет худа без добра. Д.А. Шестаков пишет, что ряд представителей невиско-волжской криминологической школы, «сосредоточившись на чистой теории, достигли заметных успехов» [27, с. 97]. Автор последовательно подтверждает эту тенденцию лично – через книжные издательства.

В этом, разумеется, тоже есть необычное искусство. Его особенность заключается в формально-логических средствах выражения «игры криминологической мысли». И предпочтительно, считает Дмитрий Анатольевич, время от времени выступить в Криминологическом клубе и именно «из любви к искусству» [27, с. 96].

Тем не менее, уход в теорию, мы знаем, имеет и обратную сторону. В частности, «злоупотребление научным языком превращает в науку слов то, что должно быть наукой фактов» [16]. Таким образом, коснувшись первой составляющей научного статуса криминологии – *теоретической*, можно переходить ко второй – *практической*.

Автор приоткрыл «театральный занавес» сферы искусства, которая ранее (в эпоху Возрождения) не представляла тайны: в «великолепном праздничном расцвете искусств преступление имело своё место и притом почётное. Искусство и преступление были связаны друг с другом, как жемчуг, вделанный в кинжал» [24, с. 11].

Данная проблема – искусство и криминал – предмет преступноведения. И в этом видится связь «искусства и криминологии». Тем не менее, явление «*криминология как искусство*» Дмитрий Анатольевич пока оставил «за занавесом». Скорее всего, это не случайно. В характере учёного подбрасывать идею, другую коллегам, уступая им дорогу на ещё неизведанном пути, который наверняка ведёт к научному открытию.

Воспользуемся великодушием автора и попробуем собраться с мыслями для движения в этом направлении. Прежде всего, следует уяснить сущность искусства применительно к науке вообще, и к криминологии – в частности.

На наш взгляд, одно из лучших определений искусства дано А.С. Ахиезером. Он рассматривает его в качестве специализированной формы деятельности человека, особой её стороны, включая религию, науку и др.; «через своеобразное слияние эмоционального и интеллектуального видения мира [искусство] не только закрепляет в сознании личности некоторое комфортное состояние, но и постоянно пытается раздвинуть его границы, создаёт предпосылки для *превращения комфортного состояния художника в содержание массового сознания* (курсив наш – Г.Г.) [2, с. 60–61].

Опираясь на это определение, творческое воображение рисует контуры криминологии как *наполненной эстетически выразительными средствами* формы научной деятельности, в которой *интеллектуальное и эмоциональное* видение предмета и способов его изучения создаёт предпосылки для *превращения* научного потенциала криминолога в содержание массового правосознания, определяющего желаемое поведение в сфере противодействия преступности.

Во всём этом видится прикладная функциональность криминологии. Её сущность состоит в направлении энергии теоретических знаний на практику противодействия преступности, предупреждение преступлений, а именно разработку предупредительных мер, технологий их применения. Именно *в прикладной стороне криминологии и заключается её искусство научного освещения практики.*

Ещё русский историк права В.И. Сергеевич выделял в государственных науках «чистые» (теоретические) и прикладные и, в зависимости от этого, определял их задачи и методы. К задачам «чистых» наук он относил раскрытие законов существования, развития социальных явлений, характер взаимодействия между ними, их преемство [8, с. 36].

Прикладную науку учёный *рассматривал как творчество или искусство* в посредничестве между теоретическими положениями и практическими действиями, как «помощницу практики», которой она должна указать пути и средства достижения целей. А уж практика, находясь под *искусством научного воздействия*, выбирает или находит средства, позволяющие, с учётом реальности, особенно ресурсов, успешно продвигаться к цели, решая, таким образом, задачи уже *«практического искусства»* [2, с. 46].

Всё сказанное относится и к криминологии. Д.А. Шестаков более чем убедительно открывает не только сложные связи этих двух областей человеческого гения – науки криминологии и литературного, музыкального искусства, но и возможности криминологии как искусства воздействия. «Искусство – это не развлечение, а работа со стороны как творящего, так и воспринимающего. ...Искусство искушает оторваться от обыденного, материального, соприкоснуться с миром духовным, творческим» [27, с. 75].

Криминологическое искушение позволяет не столько оторваться от теоретического материала, сколько использовать творческие возможности, чтобы «творящий» мог внести этот материал буквально в чрево мифологического троянского коня, как бы «входящего» в эмоционально-чувственную (интеллектуальную, практическую) сферу «воспринимающего». То есть обеспечить интериоризацию (от лат. «interior» – внутренний) или переход извне: от источника информации внутрь, во внутренний мир человека. В этом видится искусство *оформления и управления* информационным криминологическим потоком, несущим в себе, образно говоря, «противопреступную энергию».

И здесь понадобятся отнюдь не теоретические положения и даже не публицистический стиль со свойственными ему оценочными, образными выражениями, рассчитанными на сферу правовой идеологии, а *эмоциональное воздействие образами, изобразительными средствами* («шершавым языком плаката» – по В. Маяковскому), на которое активно реагирует поведенческая сфера.

Эти средства как раз и позволяют выражать в художественных образах реальные явления, в том числе криминального мира (в смысле особой социальной среды). Кстати, может показаться странным, но именно с этого начиналась криминология.

Например, в конце XVIII века издавались в Лондоне и продавались на ярмарках, а также во время публичных казней «особые листки с популярными рисунками, памфлетами о жизни преступного мира. Листки назывались «Ньюгейтский календарь» – от наименования тюрьмы в столице Англии – Ньюгейтской. Их содержание представляло собой описание преступлений, преступников, раскаяний и наказаний. Притягивая читателей отвратительными подробностями жизни уголовников, эти истории также служили предостережением, напоминая о неотвратимости наказания и неизбежном раскаянии преступника» [25, с. 232].

В данных текстах американский учёный Джеффри Р. Уилсон видит особенно яркое воплощение идеи будущей «художественной криминологии», в которой изучение преступности и преступников осуществляется с помощью выразительных образов произведений искусства (стихов, пьес, романов, фильмов),

криминологических трактовок содержания «детективных» произведений различных писателей, например, У. Шекспира, Ф.М. Достоевского.

Идеи «художественной криминологии» встречаются в русской лубочной литературе XVII–XVIII вв. и, особенно, XIX века: тема преступления и наказания находила в ней своё выражение. Изготавливались картинки и тексты назидательного, в том числе виктимологического, характера или русские народные картинки. Неоценимый вклад в становление и развитие такой (криминологической) формы искусства, а именно «художественной», «общественной» криминологии, внёс правовед и искусствовед Д.А. Ровинский. Он систематизировал произведения народного творчества (в «Русских народных картинках»), выделял и рассматривал те из них, что отражали в себе болезненную криминальную тему.

Примечательно, некоторые учёные и сегодня проявляют интерес к феномену «популярной криминологии». Больше того, авторы учебного пособия «Криминологическая виктимология», основываясь на результатах проведённого исследования, утверждают, что к проблеме жертвы преступления в последние годы проявляется заметное внимание не только учёных, но и творческих личностей – писателей, журналистов, сценаристов (кинофильмов, спектаклей, компьютерных игр). Таковые усматривают в развитии данного процесса два виктимологических направления: криминологическую-виктимологическую публицистику и популярную криминальную виктимологию [11, с. 84].

В представлении авторов этого пособия криминологическая-виктимологическая публицистика (от лат. «publicus» – общественный) – это вид произведений, посвящённый различным проблемам общества, в том числе и, разумеется, криминологическим.

Популярная же криминальная виктимология призвана формировать обыденное «криминологическое-виктимологическое мировоззрение населения» на основе художественных, отдельных научных произведений, в которых выражены идеи, в частности, виктимологической профилактики. Элементы подобной продукции авторы считают уместными в изложении учебного материала для его образного восприятия и более доступного понимания [11, с. 84].

Размышления над положениями «популярной виктимологии» (и криминологии в целом) не столько возвращают к «лубочной криминологии», сколько обращают к таким средствам искусства, как «сатира» и «юмор». Ныне сатириков и юмористов ничто так не вдохновляет, как коррупция и, главным образом, коррупционер.

Есть такой политологический афоризм: «Величайший враг авторитета – это презрение, а самый верный способ подрыва авторитета – это смех» [23]. Образ должностного авторитета можно легко найти в коррупционном поведении, профилактическая задача в отношении которого – формировать чувство неприятия, безразличности, с одной стороны, противопоставлять достоинства высоконравственного, антикоррупционного поведения, с другой. А чувства формируются в значительной степени средствами искусства, т.е. чувственно-выразительными средствами (словами, рисунками, особенно карикатурами).

Однако подведём черту под «искусственной» сферой рассуждений, приятно спровоцированных Д.А. Шестаковым, и перейдём к другой, менее эстетичной и, пожалуй, более в научном плане интересной и познавательной перспективной сфере – противодействию преступности, конкретнее, *правовому* противодействию, в котором успешно осваивается, с лёгкой руки Дмитрия Анатольевича, *теория криминологии закона*. Одной из задач этой теории он определяет проблему преступности законодательства и, в частности, его криминогенности [27, с. 10].

А это неизбежно связано опять же с безразличным отношением законодателя к принципу научности. Между тем, данный принцип в законотворчестве, особенно на этапах законодательной инициативы и обсуждения законопроекта, должен занимать место «председательствующего». Как это было до конца 1990-х, когда «проекты законов не высказывали, как чёрт из табакерки, и к обсуждению привлекались широкие круги учёных» [15].

Напрашивается вопрос: «А как определить «грозящую» криминогенность, преступность *будущего* или *действующего* закона?». Очевидно, в обоих случаях это можно сделать с помощью криминологической экспертизы. Таковая сегодня применяется в отношении антикоррупционной составляющей законодательства, но для определения преступ-

ности закона понадобится более сложный оценочный инструмент, поскольку объектом исследования выступает не только закон, но и деятельность по его применению, точнее, умышленные и неосторожные действия, противоречащие закону и представляющие опасность или уже причинившие вред.

Сравним дефектный продукт законодателя с неотрегулированным прицелом (приспособлением для наведения на цель) оружия. Так же, как пуля, выпущенная из такого оружия, может не только не попасть в цель, но и поразить другую, непредвиденную, так и применённая дефектная норма обрушит наказание не на того, на кого закон рассчитан.

Например, «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды...» (ч. 1 ст. 282 УК РФ) формально оцениваются однозначно. Критерий вроде бы неоспоримый – *направленность*. Термин даже введён такой – «преступление экстремистской направленности». Главное – установить имевшие место «действия», а умышленные они или нет – это уже оценочное суждение или *субъективное мнение и отношение* к деянию как объективному, внешнему, условно «вырванному» из органической взаимосвязи с субъективной материей преступлений. Таким образом, мнение, точка зрения, выступает критерием юридической оценки, как зачастую и при оценке «преступления коррупционной направленности».

Противопреступная безопасность личности в правоприменительной сфере рассматривается мной в качестве структурной части общей комплексной *проблемы преступности (криминогенности) правоприменения* [6]. С особой остротой она заявляет о себе в области политизации противодействия экстремизму и коррупции. В данной правоприменительной практике столько «наломано «правоприменительных» дров», что разбираться (и не раз) в этой «поленнице» пришлось и Верховному Суду РФ [19; 20], и даже Президенту России.

Ярчайший тому пример – дело журналиста И. Голунова. Оно может стать классическим образцом правоприменительного поругания принципа законности. Об этом можно судить, хотя бы, по обнародованным редакцией портала «Православие и мир» фактам и мнениям по делу: отказались вызвать скорую; не давали связаться с близкими; не вызывали адвоката; более суток не давали есть и спать; сле-

дователь отказал в важной экспертизе; следов наркотиков не нашли [21].

Фраза «подкинули наркотики» сегодня воспринимается с грустью, но как обыденный факт. Нередко в СМИ встречаются сообщения о задержании очередного криминального авторитета и непременно с обнаруженным в его кармане наркотиком [4]. По расчётам Института проблем правоприменения Европейского университета (Санкт-Петербург), за 10 лет в нашей стране произошло около 40 000 подбросов наркотических средств, что означает 40 тысяч уголовных дел по ёмкой 228-й статье УК РФ. К тому же «по данным судебного департамента при Верховном Суде РФ, каждый седьмой приговор в РФ выносится именно по ней. Если брать все статьи, связанные с наркотиками, то по ним сидит четверть от общего числа осуждённых» [3].

Президент России В.В. Путин на пресс-конференции, посвящённой итогам саммита G20 так коротко, но ёмко прокомментировал это резонансное дело: «Там не несправедливость, там произвол» [22].

Итак, «криминалосодержащее» явление налицо. Остаётся, *во-первых*, его описать, но уже не как в области *искусства массовой коммуникации*, где правит бал сенсация, т.е. эмоциональная, чувственная сила, а как в сфере *искусства криминологии*, где властвует холодный ум, утверждается закономерность; *во-вторых*, объяснить данный феномен, опираясь не на выхваченные из очевидного бытия факты, хотя и болезненно кричащие о криминальном зле, а на научный (теоретический и эмпирический) материал; *в-третьих*, спрогнозировать перспективы его развития, в т.ч. угасания. При этом принимать во внимание необходимо обстоятельства, основанные на данных криминологического мониторинга, а не на невежественных, а то и политических убеждениях (хотя два последних не всегда поддаются дифференциации).

Ну и о последнем моём размышлении, хотя логически его следовало поставить в самое начало данной работы. Поскольку в «Общей преступноведческой теории» Дмитрий Анатольевич обратил критический взор на вашего покорного слугу, точнее, его монографию (ныне её название скорректировано так: «Криминология – научная дисциплина противопреступного цикла»), то было бы нехорошо ответить молчанием.

Только дело в том, что каждая рекомендация, реплика по поводу подготавливаемой монографии мной уже были восприняты, обдуманы, по ним «приняты меры». Доброжелательная критика вызвала у меня ряд идей, в соответствии с которыми в рукопись внесены соответствующие коррективы, за что выражаю Дмитрию Анатольевичу свою признательность и благодарность.

Однако я, обладая свободой слова в адрес идущего «Навстречу праву противодействия преступности...», хотел бы обратить внимание на следующее утверждение профессора Шестакова: «Применительно к современности я бы рассматривал уголовную политику в качестве не только предпосылки, но и составной части криминологии закона» [27, с. 8], «как отрасли криминологии, изучающей взаимосвязь преступности и законодательства» [27, с. 9]. Сюда можно было бы добавить и правоприменение как своего рода форму апробации закона, о чём упоминалось выше.

Что касается определения уголовной политики в качестве *предпосылки* криминологии закона, с этим следует согласиться, а вот с «и составной части», – не в полной мере. В этом видится не очень корректное определение статуса политики, воспринимаемого буквально как ингредиента или дополнительной части в интеграции с криминологией закона.

В моём представлении, уголовная политика (в узком ли, собирательном смысле) реализуется на трёх уровнях: 1) *идеологическом* или концептуальном, где доминирует руководящая («правляющая миром») идея; 2) *законодательном*, на котором сила концептуальной мудрости облекается «в мундир законодательства» (по В.О. Мушинскому) и, таким образом, обретает силу права; 3) *исполнительном* (реализация закона).

В таком случае точнее говорить не о механической интеграции, а о «принципе сложения усилий» [27, с. 6], заменяющем «чужеземный принцип синергизма (хотя это то же, что и слияние усилий).

Больше того, в этом единении усилий доминирующая роль принадлежит как раз политике, но не криминологии закона. Здесь весьма кстати обратиться к родоначальнику марбургской научной школы Ф. Листу, о котором пишет Дмитрий Анатольевич, отмечая его заслуги в развитии идей уголовной поли-

тики [27, с. 8]. В своём учебнике уголовного права Лист формулирует задачу *уголовной политики* (Kriminalpolitik), опирающейся на криминологию или пенологию. Она даёт нам масштаб для оценки действующего права и раскрытия права, которое должно действовать, учит искать объяснения действующего права в его цели [14, с. 2–3].

В этом высказывании учёного я вижу идею законодательной уголовной политики, где самое место криминологии закона. А вместе с ней под «уголовно-политическое крыло» и общекриминологическое *учение о наказании* как межотраслевом институте, в котором имеет место «слияние усилий отраслевых нормативно-правовых предписаний, ролей образцов поведения, системы контроля, наконец, специальных учреждений» [5, с. 20].

Кстати, за этим следует логическое продолжение – переход на третий, *правоприменительный* уровень уголовной политики. На нём обнаруживаются антикриминальные достоинства и криминогенно-криминальные проявления.

Таким образом, уголовная (противопреступная) политика рассматривается мной как равноправный член «семьи» дисциплин противопреступного цикла и в общетеоретическом криминологическом учении определяется как предмет особенного исследования – *криминология противопреступной политики*.

Последнее, на что обращаю внимание, это термин «преступноведение», используемый Дмитрием Анатольевичем наряду с чужеземным термином «криминология». Во-первых, это – право автора, во-вторых, в этом не усматривается даже повода для терминологического спора, который, как известно, не имеет принципиального смысла.

Однако в своё время, размышляя над проблемой общетеоретической роли криминологии в семействе дисциплин противопреступного цикла, я определил её приоритетные направления (шесть отраслей). В их числе, в частности: криминология как общетеоретическое учение о дуалистической, преступно-противопреступной подсистеме общества; преступноведение (как доминирующая отрасль, название которой говорит само за себя).

Предмет общетеоретического криминологического учения, в отличие от преступноведения, включает в себя:

1) методологию криминологии, в том числе общетеоретический раздел сравнительной криминологии;

2) зарубежную криминологию и вопросы международного криминологического взаимодействия;

3) учение о криминологической ситуации как модели определённой реальности (например, в границах муниципального образования) и системе криминологического обеспечения управленческого воздействия на ситуацию: мониторинг ситуации, оценка, прогнозирование, программирование;

4) учение о неправомерном поведении (о котором упоминает Дмитрий Анатольевич) как разновидности правомерного поведения, изучаемого теорией права. В нём выделяются:

а) активное неправомерное поведение, характерное для своего рода «криминологического волонтерства» или так называемых (в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») «лиц, участвующих в профилактике правонарушений»;

б) обычное антикриминальное (правомерное) поведение. Ему присущи предусмотрительность, осторожность при выборе решений

и совершении поступков, не допускающих нарушений уголовного закона (что важно, например, для виктимологии);

в) пассивное антикриминальное поведение. Его отличают воздержание от таких возможных правомерных (допускаемых уголовным законом) действий, как необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление и др. Данное поведение характерно для лиц, не осознающих себя жертвой коррупции, принимающих коррупцию как данность, обыкновение, о чём упоминалось выше.

Задача по разработке общей теоретической основы криминологии только ставится. Сама эта задача может корректироваться и не однажды. Главное – и в этом идти навстречу.

В завершение сказанного в адрес монографии Д.А. Шестакова считаю уместным процитировать часть предисловия к ней, с небольшим добавлением: «Затя под названием право противодействия преступности» [27, с. 3] изобретательному автору несомненно удалась. С чем я и поздравляю Дмитрия Анатольевича, при этом желаю ему реализовать право на торжество противодействия – намекаю на трилогию.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антикоррупционный словарь. URL: <http://89.rospotrebnadzor.ru/antikorrup/antikor-prosv/147126/> (дата обращения: 19.12.2019).
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 218 с.
3. Бочарова М., Косенок А., Малаев М., Шкурченко О. 228-я в граммах и сроках. 13 таблиц и графиков об антинаркотической статье УК. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3999368?from=doc_vrez (дата обращения: 19.12.2019).
4. Во Фрязине прошла спецоперация по задержанию криминального авторитета. URL: <https://ren.tv/novosti/2017-06-01/vo-fryazine-proshla-specoperaciya-po-zaderzhaniyu-kriminalnogo-avtoriteta> (дата обращения: 09.12.2019).
5. Горшенков Г.Н. Наказание как объект общетеоретической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). С. 19–25.
6. Горшенков Г.Н. Правоприменительная угроза безопасности личности // Законность и правопорядок. 2019. № 3 (23). С. 61–70.
7. Данилов А.П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.
8. Задача и метода государственных наук: очерки современной политической литературы / [соч.] В. Сергеевича. Москва: тип. Грачёва и К°, 1871. VIII, 231 с.
9. Иншаков С.М. Криминология в XXI веке // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 36–44.
10. Кабанов П.А. Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридически неопределённая правовая категория и её содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 1. С. 1007–1026.
11. Кабанов П.А., Магизов Р.Р. Криминологическая виктимология: учеб. пособие / П.А. Кабанов, Р.Р. Магизов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 118 с.

12. *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 6. (Ред. Т.И. Ойзерман). М.: Мысль, 1966. 743 с.
13. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили / Под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 495 с.
14. *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть. Разрешённый автором перевод с 12-го переработанного издания Ф. Ельяшевич. С предисловием автора и М.В. Духовского. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1903. 334 с.
15. *Никитинский Л.* Ловушка № 210. Как силовики превращают Уголовный кодекс в орудие преступления // Новая газета. – 2019. – 11 марта.
16. *Николя Кондорсе.* Цитаты. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Николя_Кондорсе (дата обращения: 19.12.2019).
17. *Охотский Е.В.* Коррупция: сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009. № 9 (305). С. 25–32.
18. *Петрянин А.В., Петрянина О.А.* Современное состояние антикоррупционной политики и пути её дальнейшего развития // *Oeconomia et Jus*. 2017. № 4. С. 48–57.
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102247/> (дата обращения: 19.12.2019).
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (с изменениями и дополнениями от: 3 декабря 2013 г., 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». URL: <https://base.garant.ru/70410688/> (дата обращения: 19.12.2019).
21. Почему важно дело Ивана Голунова. Главные факты и мнения. URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-vazhno-delo-ivana-golunova-glavnye-fakty-i-mneniya/> (дата обращения: 26.12.2019).
22. Путин назвал произволом дело Голунова. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2019/06/29/n_13149379.shtml?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 26.12.2019).
23. Сатира – лучший способ обличения коррупции или несправедливости? URL: <https://share.america.gov/ru/%D1%81%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%B0-%D0%BB%D1%83%D1%87%D1%88%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 06.12.2019).
24. *Тард Г.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 391 с.
25. *Уилсон Дж.Р.* Слово «криминология»: филологическое исследование и определение // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 3. С. 227–251.
26. Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (дата обращения: 06.12.2019).
27. *Шестаков Д.А.* Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2019. 206 с.
28. *Шестаков Д.А.* От преступной любви до преступного законодательства. Санкт-Петербург, Издательский дом «Алеф-пресс», 2015. 292 с.

REFERENCES

1. Antikorruptsionniy slovar. [Anti-corruption dictionary]. URL: <http://89.rospotrebnadzor.ru/antikorrup/antikor-prosv/147126/> (date of submission: 19.12.2019).
2. *Akhiezer A.S.* Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sotsiokulturnaya dinamika Rossii). Т. II. Teoriya i metodologiya. Slovar. [Russia: criticism of historical experience. (Sociocultural dynamics of Russia). Vol. II. Theory and methodology. Dictionary]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1998. 218 p.
3. *Bocharova M., Kosenok A., Malaev M., Shkurenko O.* 228-ya v grammakh i srokakh. 13 tablits i grafikov ob antinarkoticheskoy statye UK. [Article 228 in grams and terms. 13 tables and graphs about the anti-drug article of the Criminal Code]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3999368?from=doc_vrez (date of submission: 19.12.2019).
4. Vo Fryazine proshla spetsoperatsiya po zaderzhaniyu kriminalnogo avtoriteta. [A special operation was held in Fryazin to detain a criminal authority]. URL: <https://ren.tv/novosti/2017-06-01/vo-fryazine-proshla-specoperaciya-po-zaderzhaniyu-kriminalnogo-avtoriteta> (date of submission: 09.12.2019).
5. *Gorshenkov G.N.* Nakazaniye kak ob"ekt obshcheteoreticheskoy kriminologii. [Punishment as an object of general theoretical criminology]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 2 (45), pp. 19–25.
6. *Gorshenkov G.N.* Pravoprimeritel'naya ugroza bezopasnosti lichnosti. [Law enforcement threat to the security of the person]. *Zakonnost i pravoporyadok – Law and Order*. 2019, no. 3 (23), pp. 61–70.

7. Danilov A.P. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti). [Criminological theory of tolerance]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2015, no. 4 (39), pp. 27–30.
8. Zadacha i metoda gosudarstvennykh nauk: ocherki sovremennoy politicheskoy literatury. [The task and the method of state sciences: essays on contemporary political literature]. [soch.] V. Sergeevicha. Moskva: tip. Grachova i K°, 1871. VIII, 231 p.
9. Inshakov S.M. Kriminologiya v XXI veke. [Criminology in the XXI century]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017, no. 3 (46), pp. 36–44.
10. Kabanov P.A. Formirovanie neterpimosti k korruptsiionnomu povedeniyu kak yuridicheski ne opredelonnaya pravovaya kategoriya i ee sodержanie. [The formation of intolerance to corruption as a legally undefined category and its content]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava – Topical Problems of Economics and Law*. 2019, vol. 13, no. 1, pp. 1007–1026.
11. Kabanov P.A., Magizov R.R. Kriminologicheskaya viktimologiya: ucheb. posobie. [Criminological victimology: a tutorial]. P.A. Kabanov, R.R. Magizov. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. 118 p.
12. Kant I. Sochineniya v shesti tomakh. T. 6 [Works in six volumes. Vol. 6]. Red. T.I. Oyzerman. M.: Mysl, 1966. 743 p.
13. Kriminologiya: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti 021100 «Yurisprudentsiya». [Criminology: a textbook]. G.A. Avanesov, S.M. Inshakov, S.Y. Lebedev, N.D. Eriashvili / Pod red. G.A. Avanesova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: YUNITI-DANA, 2006. 495 p.
14. List F. Uchebnik ugolovno go prava. Obshchaya chast. [Criminal law: a textbook. General part]. Razreshenny avtorom perevod s 12-go pererabotannogo izdaniya F. Elyashevich. S predisloviem avtora i M.V. Dukhovskogo. M.: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1903. 334 p.
15. Nikitinskiy L. Lovushka № 210. Kak siloviki prevrashchayut Ugolovniy kodeks v orudie prestupleniya. [Trap no. 210. How law enforcement officials turn the Criminal Code into an instrument of crime]. *Novaya gazeta*. 2019, March 11.
16. Nicolas Condorcet. Tsitaty. [Quotes]. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Николя_Кондорсе (date of submission: 19.12.2019).
17. Okhotskiy E.V. Korruptsiya: sushchnost, mery protivodeystviya. [Corruption: essence, countermeasures]. *Sotsiologicheskies issledovaniya – Sociological Studies*. 2009, no. 9 (305), pp. 25–32.
18. Petryanin A.V., Petryanina O.A. Sovremennoe sostoyanie antikorrupcionnoy politiki i puti ee dalneyshego razvitiya. [The current state of anti-corruption policy and ways of its further development]. *Oeconomia et Jus*. 2017, no. 4, pp. 48–57.
19. Postanovlenie Plenuma Verkhovno go suda RF ot 28 iyunya 2011 g. № 11 (red. ot 20.09.2018) «O sudebnoy praktike po ugolovnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti». [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11 of June 28, 2011 (with amendments of September 20, 2018) «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes»]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102247/> (date of submission: 19.12.2019).
20. Postanovlenie Plenuma Verkhovno go Suda RF ot 9 iyulya 2013 g. № 24 (s izmeneniyami i dopolneniyami ot: 3 dekabrya 2013 g., 24 dekabrya 2019 g.) «O sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsiionnykh prestupleniyakh». [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 24 of July 9, 2013 (with amendments of December 3, 2013 and December 24, 2019) «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes»]. URL: <https://base.garant.ru/70410688/> (date of submission: 19.12.2019).
21. Pochemu vazhno delo Ivana Golunova. Glavnye fakty i mneniya. [Why is the case of Ivan Golunov important. Key facts and opinions]. URL: <https://www.pravmir.ru/pochemu-vazhno-delo-ivana-golunova-glavnye-fakty-i-mneniya/> (date of submission: 26.12.2019).
22. Putin nazval proizvolom delo Golunova. [Putin called the Golunov case arbitrary]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2019/06/29/n_13149379.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (date of submission: 26.12.2019).
23. Satira – luchshiy sposob oblicheniya korruptsii ili nespravedlivosti? [Satire – the best way to expose corruption or injustice?]. URL: <https://share.america.gov/ru/%D1%81%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%B0-%D0%BB%D1%83%D1%87%D1%88%D0%B8%D0%B9> (date of submission: 06.12.2019).
24. Tarde G. Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost. Prestupleniya tolpy. [The criminal and the crime. Comparative crime. Crimes of the crowd]. Sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo. M.: INFRA-M, 2004. 391 p.
25. Wilson J.R. Slovo «kriminologiya»: filologicheskoe issledovanie i opredelenie. [The word «criminology»: a philology and a definition]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava – Topical Problems of Economics and Law*. 2016, no. 3, pp. 227–251.

26. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 29 iyunya 2018 g. № 378 «O Natsionalnom plane protivodeystviya korruptsii na 2018–2020 gody». [Decree of the President of the Russian Federation no. 378 of June 29, 2018 «On the National anti-corruption plan for 2018–2020»]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/> (date of submission: 06.12.2019).

27. *Shestakov D.A.* Navstrechu pravu protivodeystviya prestupnosti. Stat'i, vystupleniya, otkliki. [Towards the crime counteraction law. Articles, speeches, feedback]. St.P.: Izdatelskiy dom «Alef-press», 2019. 206 p.

28. *Shestakov D.A.* Ot prestupnoy lyubvi do prestupnogo zakonodatelstva. [From criminal love to criminal legislation]. St.P.: Izdatelskiy Dom «Alef-Press», 2015. 292 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Геннадий Николаевич Горшенков – доктор юридических наук, профессор, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия); e-mail: gen7976@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Gennady Nikolaevich Gorshenkov – Doctor of Laws, professor, honorary professor of the St. Petersburg International Criminology Club, professor of the department of criminal law and process of the Law Faculty of the Lobachevsky National Research State University (Nizhny Novgorod, Russia); e-mail: gen7976@yandex.ru

УДК 343.9
ББК 67.51

Х.Д. Аликперов

**ПОЛЁТ ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ПО НЕИЗВЕДАННЫМ ЛАБИРИНТАМ КРИМИНОЛОГИИ.
(РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ
АНТОЛОГИИ ПРОФЕССОРА ШЕСТАКОВА)**

Аннотация: Книга Дмитрия Анатольевича Шестакова «Навстречу праву противодействия преступности» подкупает глубиной и масштабностью поставленных и решённых в ней задач, безупречной логикой доказательной базы. Это побуждает читателя прочесть её до конца, почерпнув массу необходимых пытливому исследователю сведений.

Ключевые слова: криминология; искусство; преступление; наказание.

H.D. Alikperov

**THE FLIGHT OF CREATIVE THOUGHT
IN THE UNKNOWN LABYRINTHS OF CRIMINOLOGY.
(REFLECTIONS ON THE FIELDS
OF THE ANTHOLOGY OF PROFESSOR SHESTAKOV)**

Summary: The book by Dmitry Anatolyevich Shestakov «Towards the right to counter crime» captivates with the depth and scale of the tasks set and solved in it, and the impeccable logic of the evidence base. This urges the reader to read it to the end and gather a lot of information necessary for an inquisitive researcher.

Keywords: criminology; art; crime; punishment.

«...эпоха наша оскудела гениями и дарованиями
и потому в ней всё больше о чём-то, чем что-то.

Нужен гений или огромный творческий дар, чтобы сказать что-то,
сказать же о чём-то можно и при гораздо более скромных дарованиях».

Н.А. Бердяев.

Секреты творческой мастерской художника криминологии. Когда мой добрый приятель, молодой талантливый учёный-криминолог Андрей Данилов предложил мне написать рецензию на новую книгу [9] профессора Шестакова, я, не задумываясь, согласился, хотя, честно говоря, сильно перегружен текущей научно-исследовательской работой.

Та лёгкость, с которой я дал это согласие, была продиктована не только моим глубоким уважением к Дмитрию Анатольевичу и его научному творчеству. Своим предложением Андрей Петрович как бы извлёк из глубин моего подсознания давнее желание высказаться печатным словом как о самой личности основоположника невско-волжской криминологической школы, так и о его научно-творческой мастерской, которая позволила ему сделать такой огромный вклад в копилку теоретиче-

ской криминологии. Масштабы и ценность этого научного вклада сможет определить лишь время – самый объективный и строгий арбитр в мире науки.

Выполнить эту работу именно в 2019 году для меня было особенно важно – это год 70-летия Д.А. Шестакова. Однако описанный выше энтузиазм, с которым я взялся за подготовку рецензии, позже поставил меня в достаточно сложное положение: оказалось, что дать оценки неординарной личности профессора Шестакова и его научному творчеству – задача, мягко говоря, непростая. И это притом, что Дмитрия Анатольевича я знаю не первый десяток лет, часто с ним общаюсь, в том числе в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе, перечитал не один десяток его трудов, среди которых и те, что включены в новую книгу. Иными сло-

вами, недостатка информации об авторе и его творчестве я не испытывал. Сложность была обусловлена качественно иными причинами.

Во-первых, практически каждый тематический материал в рецензируемой работе – это ларец, наполненный жемчужинами криминологической мысли. К примеру, когда читаешь книгу, в ней всё, на первый взгляд, кажется понятным в силу логической последовательности авторских воззрений: введение, рассуждение, заключение. Тем не менее, порой подобрать ключ для проникновения в сущностное содержание той или иной мыслеформы автора чрезвычайно трудно, так как она требует от читателя энциклопедической просвещённости в области права и сметливости в криминологии.

Во-вторых, при анализе и оценке той или иной книги нельзя обойти молчанием и личность её творца. В рассматриваемом же случае речь идёт не просто об авторе, широко известном своими трудами далеко за пределами России, а о глыбе теоретической криминологии, рядом с которой многие исследователи на преступноведческом поле кажутся лишь песчинками.

В-третьих, профессор Шестаков не только признанный художник современной криминологии, но и владетель таинственного пера писателя, посредством которого им созданы десятки прекрасных произведений: романов и повестей, эссе и рассказов. Они вошли в многотомное собрание сочинений,¹ подготовленное им совместно со старшим братом – незабвенным Анатолием Анатольевичем Шестаковым.

Видимо, отсюда и талант Дмитрия Анатольевича излагать свои мысли о сложнейших проблемах ясно и лаконично. В его научных и художественных произведениях меня всегда восхищает высокий слог, буйство композиционных приёмов с элементами каприччио, что оживляет читательский интерес, и свободный

¹ К примеру, см.: *Анатолий Шестаков, Дмитрий Шестаков. Праздник всех влюблённых. Повесть. (Избранная проза. Т. 6. Тем не менее. СПб.: «Русь», 2006). Они же. Третий день похмелья. Роман. (Избранная проза. Т. 10. Убежище. СПб.: «Алеф-Пресс», 2016). Они же. Смех и бред. Повесть. (СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019).*

стиль изложения мысли, наполненной глубоким философским смыслом.

В рецензируемой книге он, проводя параллель между музыкой и преступностью, свои размышления по этому вопросу преподносит читателю в словесной композиции, изяществу которой позавидовали бы великие мастера художественного слова. Чтобы не быть голословным, процитирую один из фрагментов: «Дыхание музыки, природы способно подсказать верное направление, как пташка в волшебном лесу подсказывает герою тетралогии Зигфриду² его предназначение и необходимые действия на пути судьбы. В Мариинке, предавшись вдохновляющему вагнеровскому звучанию, на высоком всплеске чувств, я вдруг услышал: а ведь это преступноведение (!), от которого мне никуда не скрыться. Вагнер, не только открыватель звуков, но и либреттист, философ, ставит и по-своему решает вопросы о корнях преступности и преодолении её» [9, с. 28].

Сколько в этих кратких, но бесконечно объёмных по смысловой нагрузке размышлениях выразительности, метафор, историзма, фразеологизмов. Поэтому, говоря о достоинствах книги, я не мог обойти молчанием и эти грани творчества её автора, как и филологические, и лингвистические тонкости, благодаря которым в новой работе Дмитрия Анатольевича его рассуждения и мысли свободны от избитых формулировок и пространных разглагольствований по мелким вопросам.

Пожалуй, здесь прерву описание своих размышлений об особенностях личности и созидательном творчестве Д.А. Шестакова, так как их дальнейшее изложение потребовало бы куда больше страниц, чем в рецензируемой работе.

² *Примечание 1.* Здесь автор имеет в виду оперу «Смерть Зигфрида», входящую в тетралогия «Кольцо нибелунга» великого немецкого композитора и теоретика искусства Вильгельма Рихарда Вагнера (1813–1883 гг.), в которой Зигфрида предаёт и убивает коварный Хаген.

Примечание 2. Нибелунги – завёдшиеся в болотной сырости карлики, кующие золото (подземные ювелиры), и их предводитель Альберих, проклявший истинно прекрасное (любовь) во имя золота и власти, которую оно даёт. Он похитил золото у дочерей Рейна и выковал из него магическое кольцо – рычаг непоколебимой власти.

Книга, побуждающая думать и обогащающая умы. Слова великого русского философа Н.А. Бердяева, использованные мною в качестве эпиграфа к рецензии, я «позаимствовал» из статьи [3] азербайджанского криминолога И.А. Джавадовой, откликнувшейся на доклад Дмитрия Анатольевича «Основы учения о противодействии преступности» [10].

На мой взгляд, в своей работе Ирада Джавадова довольно тонко уловила особенности творчества Д.А. Шестакова. Так, она считает, что богатое и разнообразное по тематике научное творчество Дмитрия Анатольевича является, пожалуй, тем редким исключением в бесконечном потоке современной криминологической литературы (часто, увы, крайне блёклой, в силу чего многие из этих «шедевров» годами пылятся на полках книжных магазинов – Х.А.), в котором сказано *что-то*. А для этого, как писал Н. Бердяев, «нужен гений или огромный творческий дар, сказать же о *чём-то* можно и при гораздо более скромных дарованиях» [3, с. 60].

По её мнению, эти выводы Николая Александровича наиболее точно отражают суть ментальной оболочки научного творчества Д.А. Шестакова, обогатившего теорию криминологии такими принципиально новыми направлениями, моделями и определениями, как «семейная криминология», «воронка преступности», «глобальная олигархическая власть (ГОВ)». Их фундаментальность, научная новизна и практическая значимость свидетельствуют не только об уникальности многих трудов Дмитрия Анатольевича, но и об их генеративности, умении автора порой вычленивать из общеизвестных криминологических проблем научную искру, из которой впоследствии рождаются принципиально новое учение или крайне интересные гипотезы [3, с. 60].

Если сквозь призму сказанного взглянуть на содержательную сторону нового произведения Д.А. Шестакова, станет очевидным, что оно является значимым научным трудом. В нём читатель найдёт много того, что погружено в неизведанные недра теоретической криминологии, проникнуть в которые – удел не каждого исследователя. В этом, на мой взгляд, заключается одна из составных частей формулы успеха Дмитрия Анатольевича на криминологическом Олимпе.

Пытливый читатель, знакомясь с книгой профессора, прочувствует глубину и мас-

штабность его творческой деятельности, сможет узреть истоки авторского успеха и популярности написанных им произведений. Отметим, частота цитирования некоторых из них отечественными и зарубежными криминологами просто «зашкаливает».

Эти качества, составляющие в своём диалектическом единстве целостную картину личности автора, имеют единый алгоритм – постоянный творческий поиск Дмитрием Анатольевичем новых подходов для решения тех или иных сложных проблем современного преступноведения. При этом, порой его подходы, на первый взгляд, кажутся парадоксальными. К примеру, «женщины, обретя равные права, утрачивают некоторые традиционные преимущества «слабого пола» [9, с. 21] или «Россия – часть преступной планеты. В восьмидесятые – девяностые годы минувшего двадцатого столетия у нас сложилась связанная с нашей государственной властью вороватая преступность, производная от глобальной олигархической власти» [9, с. 30, 32].

Не могу обойти стороной ещё один существенный штрих к интеллектуальному портрету Д.А. Шестакова. В процессе научно-исследовательской работы он умеет взглянуть на те или иные аспекты сурового бытия преступности с совершенно необычного ракурса и таким путём преодолевает их замкнутость в собственной оболочке. После этого, обнаружив доселе неведанное криминологам, освещает его настолько сильно, что анализируемая проблема воспринимается читателем абсолютно в иной ипостаси.

А это, должен отметить, удел лишь избранных, тех, кто в процессе решения исследовательских задач умеет проникать в необъятные просторы царства свободы мышления, где генерируются не поддающиеся исчислению многообразные вариации решений, и выбирать из их числа тот самый оптимальный вариант, ведущий к достижению поставленной цели.

Мои многолетние наблюдения за творчеством Дмитрия Анатольевича показывают, что в матрице его природных дарований заложен ряд способностей. В процессе исследования он может: абстрагироваться от существующих шаблонов и стереотипов; мыслить криминологическими категориями завтрашнего дня; взглянуть на нерешённую проблему с альтернативной точки зрения; генерировать

идеи и доктрины, в сути которых он уверен. А как в своё время писал А.С. Шишков: «Силу души составляет уверенность. Человек сомневающийся неспособен ни к чему; когда он колеблется, то до половины уже побеждён» [11].

Примером реализации способностей Дмитрия Анатольевича может служить разработанная им семантическая концепция преступности, составившая теоретический фундамент невско-волжской школы криминологии, или многослойная модель всемирной преступности, основу которой составляет преступность глобальной олигархической власти (ГОВ),³ кратко называемая криминологами постсоветского пространства «воронка преступности», а специалистами немецкоязычных стран – «Shestakov's Krater» («кратер Шестакова») [5].

Наверное, многие преступноведы согласятся с тем, что препятствием на пути решения той или иной научной проблемы часто выступает груз накопленных исследователем знаний и его опыт, при которых он порой даже гипотетически не может допустить, что они неверны. При этом, как только перестаёшь цепляться за прежние парадигмы и достижения, отягощённые к тому же многочисленными коррективами, привнесёнными временем и динамичностью бытия, то, как правило, твой мозг начинает генерировать оптимальные решения той или иной проблемы, над которой ты бился не один месяц.

Учитывая этот феномен, можно с высокой степенью вероятности предположить, что формула успеха профессора Шестакова на необъятных просторах фундаментальной криминологии, таинственный родник, откуда стартует невероятно высокий полёт его творческой мысли, заключается в том, что он внутренне раскрепощён, максимально интегрирован в суровую реальность, всегда стремится объективно её оценить и решительно избегает ошибок прежнего опыта.

Острый созидательный ум, прозорливость, ясность мышления и другие индивидуальные качества Дмитрия Анатольевича позволили

³ Как отмечает Д.А. Шестаков, «сама ГОВ не имеет почтового адреса. Её законспирированность, отсутствие официального статуса, неопределённость и до времени неопределяемость способствуют её неуловимости и безнаказанности» [7, с. 29].

ему намного опередить своих коллег в понимании происходящего в больном теле теоретической криминологии, путей её излечения.

Ещё одна важная черта научного творчества Д.А. Шестакова, которую я наблюдаю на протяжении всего моего многолетнего знакомства с ним, заключается в его безупречной нравственности и этичности. К примеру, ему претит спокойное созерцание крайне сложной криминогенной ситуации в России, которая, как известно, с каждым годом качественно ухудшается (хотя порой статистика сквозь розовые очки пытается показывать народу и миру положительные тенденции в этой сфере), а количественно в ней преобладают насильственные и насильственно-корыстные преступления, незаконный оборот наркотиков, киберпреступления.

Он панорамно показывает читателю механизм воспроизводства террористических преступлений, коррупции, деятельность ГОВ, разрушительные результаты таковых. Примечательно, что за счёт своего особого научного чутья автор крайне точно прогнозирует негативные последствия тех или иных криминальных явлений.

Дмитрий Анатольевич называет три основные причины воспроизводства преступности в России и мире в целом: 1) Противоречие между потребительством и духовностью, проявляющееся, в частности, в ослаблении национальной идеи; 2) Противоречие между бедностью и откровенно украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного слоя; 3) Противоречие между глобально-американизированной «олигархией» (воробогачеством) и суверенными цивилизациями. Третье противоречие в преломлении глобального в российское предстаёт как противоречие между властью, слившейся с «олигархией», и большинством населения [9, с. 27].

Развивая эту мысль автора, добавлю, что осложнение криминогенной ситуации в России, как, пожалуй, и на всём постсоветском пространстве, во многом связано ещё и с тем, что система противодействия криминалу, работа которой обеспечивается деятельностью органов правоохраны, в последние двадцать лет всё чаще и чаще даёт сбой, не справляется с новыми вызовами преступности, так как данная система давно достигла точки бифуркации.

А это, с позиции криминологии, крайне опасное состояние. С одной стороны, оно ведёт к подрыву доверия граждан к способности государства контролировать преступность на терпимом уровне, с другой – к усилению в обществе правового нигилизма и обострению синдрома привыкания к преступности, в том числе и к бесконечным кровавым криминальным проявлениям.

Многие свои произведения Д.А. Шестаков написал в духе «*sine ira et studio*» (без гнева и пристрастия), что придаёт им положительную энергетику, а это, в свою очередь, настраивает читателя на размышления, побуждает его по-новому посмотреть на сложившиеся стереотипы, в частности, по вопросам преступления и наказания, критически переосмыслить некоторые устоявшиеся парадигмы в теории криминологии.

Автор безмолвно призывает читателя не воспринимать сегодняшнюю криминологию, во многом искажённую незрелыми учениями, в качестве завершённой доказательной науки о преступности. С наивной верой в отдельные её ошибочные постулаты (к примеру, преступность как социальный конструкт) мало чего можно достичь в развитии этой науки.

Успех произведений Дмитрия Анатольевича, их высокая читабельность и цитируемость в немалой степени связаны и с особым методом изложения авторской позиции. Базисные компоненты антологии рассматриваемого предмета он фактически расщепляет на составные части, таким образом, для читателя не составляет особого труда проникнуть в суть того или иного обсуждаемого автором вопроса.

Отмечу ещё одно несомненное достоинство книги. В ней содержится немалое число законотворческих предложений, разработанных автором, направленных на совершенствование системы противодействия преступности.

Уместно будет напомнить, что первый в России законопроект о предупреждении насилия в семье был предложен именно Д.А. Шестаковым. Этот доктринальный проект по многим своим параметрам принципиально отличается от инициатив, идущих с Запада. По существу, это – концептуальная модель, основывающаяся на недопущении противопоставления интересов мужчин и женщин в сфере семейных отношений.

Или его предложение о необходимости создания семейной юстиции, основой которой являются семейные суды [9, с. 24]. Изюминка данной идеи автора заключается в том, что такие суды должны рассматривать и разрешать не только правонарушения несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, но и все внутрисемейные преступления, вне зависимости от возраста виновных и потерпевших, а также гражданско-правовые споры, затрагивающие интересы семьи и несовершеннолетних.

Сказанное можно в полной мере отнести и к разработанному им проекту дополнений и изменений Конституции РФ [9, с. 150–158] или предложению по созданию Кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности [9, с. 159–167].

Как видно из этого беглого анализа, новая работа Дмитрия Анатольевича подкупает глубиной и масштабностью поставленных и решённых в ней задач, безупречной логикой доказательной базы, что, в свою очередь, побуждает читателя прочесть данную книгу до конца, почерпнув из неё столь необходимое пытливому исследователю.

Свет, озаряющий тёмные мистерии криминологии. «Навстречу праву противодействия преступности» – оригинальное произведение, что является редкостью среди многочисленной уголовно-правовой и криминологической литературы как советского, так и постсоветского периода. Книга по своему жанру – и не монография, и не учебник. Её нельзя назвать и учебным пособием.

Дмитрий Анатольевич представил на суд юридической общественности интересную как по содержанию, так и по тематике антологию, в которую включил широкий перечень исследовательских вопросов по злободневным проблемам современной криминологии и уголовного права.

Композиционно работа сконструирована по принципу собирания пазлов: если допустить ошибку в понимании сути авторских суждений по тем или иным вопросам, рассмотренным в первых разделах книги, то в последующих частях сущность его мыслей будет воспринята в искажённой форме, так как непрерывно вводимые автором в оборот понятия, суждения и мыслеформы часто развивают, дополняют либо уточняют ранее высказанные им взгляды.

Структурно антология состоит из тринадцати тематических разделов, включающих в себя шестнадцать самостоятельных исследований, посвящённых актуальным проблемам теоретической криминологии и суровым реалиям современной преступности. К сожалению, ограниченные рамки рецензии не позволяют рассмотреть каждое из них в отдельности, хотя любое из данных исследований заслуживает самого пристального внимания. Учитывая это, кратко рассмотрю лишь некоторые, в которых, на мой взгляд, Дмитрий Анатольевич предложил немало новых идей и рекомендаций, направленных на разрешение ряда спорных положений в отечественной криминологии, а она в последние годы всё чаще хромает, надломленная грузом глупостей, привнесённых в неё дилетантами.

Начну с анализа семейной криминологии (криминофамилистики), целостная концепция учения о которой была разработана Д.А. Шестаковым ещё в 70-е годы прошлого столетия.⁴ Это была первая из последующей череды криминологических отраслей, которые зарождались и развивались во многом благодаря трудам Дмитрия Анатольевича.

Преступноведческим проблемам семейной сферы посвящён специальный раздел антологии. В нём автор, озвучивающий вот уже сорок лет (!) данные проблемы, показывает читателю перечень крайне актуальных организационных и социально-правовых вопросов, по сей день, увы, не нашедших своего решения ни в коридорах исполнительной власти, ни в принимаемых законодателем актах, хотя о них говорят многие криминологи.

⁴ Уместно будет отметить, что в 1977 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор», а в 1986 г. – докторскую по теме «Криминологические проблемы семейных отношений». Помимо этого, Д.А. Шестаковым опубликовано немало книг по данной проблематике. См.: *Шестаков Д.А.* Введение в криминологию семейных отношений. Л.: Ленинградский государственный университет, 1980; *Шестаков Д.А.* Убийства на почве семейных конфликтов. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1981; *Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии* / под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Издательство Юридический центр Пресс, 2003 и др.

Особо выделю вышеупомянутую авторскую концептуальную модель закона, основывающуюся на недопущении противопоставления интересов мужчин и женщин при решении внутрисемейных проблем, в том числе связанных с совершением насилия в семье. Д.А. Шестаков предлагает адаптированную к менталитету и традициям россиян охранительную меру, существенно отличающуюся от используемого на Западе института охранных ордеров, закрепленного, в том числе, в Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (заключена в Стамбуле 11.05.2011 года).

Обосновывая социально-правовую потребность именно такого варианта решения рассматриваемой проблемы, автор указывает, что «для России мера, заключающаяся в выдаче охранных ордеров, представляется неприемлемой, помимо прочего, в связи с нерешённостью у нас жилищной проблемы. В моём законопроекте за насильственные действия в семье в целях прерывания опасной ссоры предлагается превентивный административный арест длительностью до 15 суток» [9, с. 23].

Анализируя современные криминогенные семейные проблемы, Дмитрий Анатольевич должное внимание уделяет и Модельному законодательству ООН о насилии в семье. Не отрицая важности ряда положений, закреплённых в этом документе, автор, однако, считает, что в них допущена серьёзная ошибка – в пользу воинствующего феминизма: в перечне лиц, рассматриваемых в качестве жертв насилия, указаны лишь женщины.

Это, по мнению Д.А. Шестакова, не согласуется не только с принципом равенства всех перед законом, но и с суровыми реалиями жизни, свидетельствующими о возрастании в последние десятилетия в быту и семье числа насильственных преступлений, совершённых женщинами против мужчин.

Надо отметить, что Дмитрий Анатольевич в своей книге не только открыл ряд запертых врат криминологии, но и основательно побеспокоил сторонников «Нового Органона», с усердием предлагающих ошибочное понимание сути того или иного предмета изучения криминологии.

В качестве примера можно привести его отношение к широко разрекламированной в

зарубежной криминологии теории социального конструкта, которую ряд криминологов из стран СНГ пытается утвердить в постсоветской теоретической криминологии. По мнению Д.А. Шестакова, идея *о порождении преступлений законом является фикцией*. «Создаётся впечатление будто бы сущность преступления состоит не в том объективном зле, которое оно наносит человеку и окружающему его миру, а в субъективной воле сложившихся в обществе сил, направляющих законотворчество» [8].

Поддерживая его позицию по рассматриваемой проблеме, хочу добавить, что объяснение преступления исключительно социальным конструктом давно развеяно в криминологии. Во-первых, по сей день в преступноведении нет вразумительных ответов на вопрос о происхождении преступления. Во-вторых, наряду с преступлениями, порождёнными обществом (законодателем), существуют и естественные преступления (убийство из корыстных побуждений, кража с целью обогащения, изнасилование и др.). Они известны с момента сотворения человека (вспомним умышленное убийство Авеля, совершённое из корыстных побуждений его братом Каином).

Причём, естественные преступления как природная данность не зависят от нормативного подхода или субъективной позиции познающего, так как есть действия, которые сами по себе были, являются и надолго останутся преступными безотносительно того, признаны ли они таковыми на нормативном уровне или нет.

На мой взгляд, преступление, как негативный и порицаемый обществом индивидуальный поведенческий акт, возникло гораздо раньше, чем это было зафиксировано в позитивном праве. Нельзя забывать и о том, что человек с момента рождения внутренне «запрограммирован» как законами добра и зла (что хорошо, а что дурно), так и склонностью совершать преступления. Иными словами, возможность существования преступления и вне рамок уголовного закона сужает истинность отдельных положений концепции социального конструкта.

Не отрицая наличия рационального зерна в учении о социальном конструкте преступления, а также соглашаясь, что большинство ныне криминализованных в УК РФ деяний есть не что иное, как социальный конструкт

(преступления в сфере экономической деятельности, должностные преступления, преступления против интересов службы и др.), вместе с тем надо признать то, что есть и преступления *in se*, появившиеся одновременно с человеком и являющиеся одной из ветвей генеалогического древа *Homo sapiens*.

Естественные преступления (*crime naturale*) посягают на дарованные человеку природой с самого его рождения сущностную природу такового и абсолютную, вневременную ценность человеческого бытия. В силу этого данные объекты охраны вечны, неприкосновенны, неотчуждаемы, не могут быть пересмотрены, сужены. Посягательство на них всегда признавалось, признаётся и будет признаваться преступлением, которое не может быть декриминализовано кем бы то ни было.

Наконец, эти преступления не могли быть сконструированы государством по той простой причине, что некоторые из них возникли намного раньше самого государства с его нормативными скрижалями. Таким образом, история свидетельствует о том, что ни в одном обществе, начиная с земного первообщества Адама и Евы с его естественным правом и заканчивая современными обществами (в том числе и тоталитарными) с их позитивным правом, не ставилось под сомнение, что умышленное убийство из корыстных побуждений, кража с целью обогащения, изнасилование малолетней для удовлетворения похоти являются злом (первобытное общество), грехом (теологическое общество), преступлением (светское общество), совершение которого всегда влекло и сегодня влечёт ответственность для виновного.

Поэтому хотим мы того или нет, но должны признать, что не все виды преступления сконструированы государством, так как наряду с преступлениями, порождёнными цивилизацией (*crime publicum*), есть и естественные преступления (*crime naturale*), являющиеся имманентным свойством человека. Другой вопрос, что не все люди совершают преступления, так же, как и не каждая собака кусает, хотя такой потенциал изначально предусмотрен в её природной конституции.

Учитывая ограниченные рамки данной публикации, остановлюсь лишь ещё на одном положении работы профессора Шестакова. Речь идёт о размышлениях Дмитрия Анато-

льевича об исторических, философских, религиозных, нравственных и правовых проблемах преступления и наказания.

Затрагивая в книге (раздел «Религия». «Вера и кара») разные стороны проблем наказания, он в своих размышлениях устремляется в глубь веков и на основе исторических фактов демонстрирует читателю тернистый путь становления учения о наказании, анализирует достигнутые в криминологии успехи в этом направлении, указывает на клубок нерешённых вопросов, связанных с изучением внутреннего ядра данного феномена, механизма его формирования.

Увы, эти, как и многие другие сложнейшие вопросы наказания, остаются тайной для теологической⁵ и секулярной криминологии.⁶ Одну из причин этого автор видит в том, что «статус наказания как объёмной, сложной и динамичной системы отношений никак не уместается в статус института уголовного права» [9, с. 9].

Со своей стороны скажу, что институт наказания не уместается и в «здание» уголовно-исполнительного, административного, гражданского и других отраслей законодательства. За истекшие века масса чернил была пролита учёными, описывающими феномен наказания для его разгадки. «Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие лучшие умы человечества и учёные-юристы в вопросе об уголовном наказании продвигаются, прямо скажем, недалеко».⁷

⁵ Нельзя забывать о том, что противодействие преступности осенено Всевышним.

⁶ Под этим термином автор подразумевает совокупность запретов, предписаний и рекомендаций, закреплённых в Священных писаниях зороастризма («Авеста»), индуизма («Веды»), буддизма («Трипитака»), иудаизма («Ветхий Завет»), христианства («Новый Завет»), ислама («Коран») и в официальных трактовках к ним (к примеру, Тора – в иудаизме, Сунна – в исламе), направленных на предупреждение проявления зла (греха, преступления) и реализацию искупительных мер за его совершение.

⁷ Из выступления Н. Хавронюк на научно-практической конференции по проблемам наказания, проходившей в Пекине в декабре 2012 г. Текст по: *И.М. Рагимов. Справедливость наказания: миф или реальность // Юридические науки и образование. 2017. № 51. С. 247–248.*

Положение в рассматриваемой сфере усугубляется и тем, что проблемы наказания не поддаются исчерпывающему разрешению и посредством межотраслевого подхода, так как и храм науки, при всей его вместительности, увы, не в состоянии аккумулировать в себе все нерешённые вопросы анализируемого феномена, причём, не только в силу его чрезмерной многоликости. Дело в том, что «научность не есть ни единственный, ни последний критерий истинности» [1, с. 6].

Поэтому, как бы это ни показалось странным на первый взгляд, в рассматриваемом вопросе свет на некоторые тайные закоулки бытия наказания, хотя и слабый, могут пролить искусство и литература, в которых проблемы преступления и наказания являются перманентным предметом анализа.

Возьмём, к примеру, всемирно известный роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В нём писатель рассматривает отдельные философские, психологические и нравственные аспекты наказания. Затрагивая нравственные проблемы наказания и вопросы его неотвратимости, Фёдор Михайлович на примере одного из героев романа делает поразительный по глубине и значимости вывод: существование преступлений без наказания нельзя считать издержкой общества или провалом уголовной политики государства, так как кара и в этом случае настигает преступника.

Из сюжетной линии романа читателю кажется, что наказание за совершённое Раскольниковым двойное убийство наступает с большой временной задержкой. Однако это лишь ложное ощущение. Углубляясь в роман, мы видим, что карающие щупальца возмездия опутали Раскольникова сразу же после совершения им убийства старухи-процентщицы и её сестры. Эта кара невидимая, она особого свойства, не прописана в Уголовном кодексе ни одной страны мира, но, тем не менее, реально существует.

У Достоевского данная кара показана в виде бесконечных душевных страданий и мук Родиона, отравленные стрелы которых мучительно больно вонзились в его подсознание. Она, как это психологически тонко описано в романе, по силе своего отрицательного воздействия на душевное состояние преступни-

ка,⁸ по сравнению с узаконенными видами наказания, куда более гнетущая и мучительная, страшнее обжигающей рубашки Несса.

В романе Фёдор Михайлович как бы между строк намекает читателю: если преступника своевременно не настигла кара, предписанная уголовным законом за содеянное, это вовсе не означает, что он остаётся безнаказанным на определённое время. Нет, и в этих случаях кара безотлагательна во времени, так как молниеносно настигает преступника сразу же после совершённого им преступления. Как отмечалось выше, она особого свойства и применяется к преступнику не на основе обвинительного вердикта суда, а по императивному велению индивидуального я-сознания лица, преступившего закон.

По мнению Сенеки, кара налагается на преступника самой природой, а приводится в исполнение его внутренним «Я». Так, в одном из своих писем к Луцилию он пишет: «Многих Фортуна освободила от кары, но никого – от страха. Из-за того даже скрывшийся не верит в возможность скрываться вечно, что его уличает и обличает перед самим собою совесть. Плохо было бы наше дело, если бы многие злодеяния ускользали от мстящего закона и предписанной кары – и не приходилось бы тотчас же за них платиться тяжким наказанием, налагаемым природой, которая заменяет пытку страхом» [6].

К сожалению, этот скрытый аспект сюжетной линии романа, в котором столь тонко раскрыты не только глубинные социально-психологические рычаги воздействия наказания на психику виновного самим фактом своего существования, но и подробно описан тот панический страх перед неотвратимостью возмездия за содеянное, насаждаемый само-сознающим «Я» преступника, ещё не был предметом специального исследования ни в криминологии, ни в уголовном праве.

Одной из причин этого Г.А. Бондарев видит «обеднение человекопознания, замыкающегося на одну лишь чувственную реальность, что, в свою очередь, вызвано неспособностью человека понимать себя в условиях всё убы-

стряющихся перемен, совершающихся как внутри его самого, так и во всей окружающей его культурной и социальной среде» [2, с. 12]. Не отрицая наличие рационального зерна в этих суждениях, вместе с тем полагаю, что причины неразгаданности феномена наказания кроются не только в этом.

С момента возникновения человека и становления культурной среды ни в уголовном праве, ни в пенологии, ни в криминологии, ни в других отраслях общественной науки не рассматривалась гипотеза о возможности существования альтернативной темпоральной истории зарождения наказания как средства воздействия на посягающего. Как отмечает К.В. Корсаков, «более-менее точный темпоральный момент её первоначального применения установить крайне сложно» [4, с. 59]. В частности, никто и никогда не ставил и публично не анализировал вопросы о вероятности того, что наказание:

- 1) нерукотворный феномен;
- 2) зародилось не в культурной среде;
- 3) существовало ещё до появления Адама;
- 4) используется не только в социуме, но и в естественной среде;
- 5) применяется не только осознанно, но и инстинктивно;
- 6) является естественным правом не только Homo sapiens, но и других живых организмов, обитающих в природной среде и т.д.

Очевидно, что без предварительного ответа на эти сложнейшие вопросы невозможно в полной мере уяснить сущностные черты генезиса наказания. Естественно, эти размышления об альтернативной природе наказания следует рассматривать не как претензию рецензента на отмену всей предшествующей философии наказания, а только как его предположения, поскольку описанный мной концепт в указанной траектории ещё не был предметом специального исследования общественных наук, в том числе и правового цикла.

Завершая свои размышления о книге Д.А. Шестакова, считаю необходимым отметить, что я рассмотрел лишь малую часть её достоинств, оставив при этом в стороне отдельные спорные, по моему мнению, выводы и предложения автора. Однако эти недочёты настолько незначительные, частные и во мно-

⁸ Особенно того, кто не окончательно потерял совесть, а Родиону, судя по роману, она не чужда, что проявляется, к примеру, в его взаимоотношениях с Мармеладовым.

гом дискусионные, что я не счёл возможным сомнений, будет встречена читателями с большим интересом. открыть дискуссию вокруг них на страницах отзыва на эту прекрасную работу, которая, без

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. *Философия свободы*. М., 2007.
2. Бондарев Г.А. «Философия свободы» Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления. *Религия мыслящей воли. Органон современной культурной эпохи*. Москва: Добрая кн., 2006. 908 с.
3. Джавадова И.А. Новые подходы к организации контроля над преступностью // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 2 (53). С. 60–62.
4. Корсаков К.В. Генезис и диалектика развития наказания как публично-правового института // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2016. № 2. С. 59–62.
5. Кунц К.-Л. *Введение в криминологическое мышление* / Пер. с нем. к.ю.н. Ангелины Козловой. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 362 с.
6. Луций Анней Сенека. *Нравственные письма к Луцилию*. М., Издательство «Наука», 1977. Перевод, примечания, подготовка издания С.А. Ошерова. Отв. ред. М.Л. Гаспаров. Письмо ХСVII.
7. Шестаков Д.А. Возвращаясь к безопасности ввиду «оцифровки» уголовного права (в связи с докладом С.Я. Лебедева 6 декабря 2019 года) // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 4 (55). С. 26–31.
8. Шестаков Д.А. *Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, Издательство «Лань», 2001. 264 с.
9. Шестаков Д.А. *Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики*. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2019. 206 с.
10. Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 2 (53). С. 13–22.
11. Шишков А.С. *Славяно-русский корнеслов*. СПб. // Фонд славянской письменности и культуры. Издание третье, дополненное. 2007.

REFERENCES

1. Berdyaev N. *Filosofiya svobody*. [Philosophy of freedom]. M., 2007.
2. Bondarev G.A. «Filosofiya svobody» Rudolfa Shtaynera kak osnovanie logiki sozertsayushchego myshleniya. *Religiya myslyashchey voli. Organon sovremennoy kulturnoy epokhi*. [«Philosophy of Freedom» by Rudolf Steiner as the basis of the logic of contemplative thinking. The religion of thinking will. Organon of the modern cultural era]. Moskva: Dobraya kn., 2006. 908 p.
3. Dzhavadova I.A. *Novye podkhody k organizatsii kontrolya nad prestupnostyu*. [New approaches to crime control]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 60–62.
4. Korsakov K.V. *Genezis i dialektika razvitiya nakazaniya kak publichno-pravovogo instituta*. [Genesis and dialectics of the development of punishment as a public law institution]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016, no. 2, pp. 59–62.
5. Kunz K.-L. *Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie*. [Introduction to criminological thinking]. Per. s nem. k.y.n. Angeliny Kozlovoy. St.P.: OOOIzdatelskiyDom «Alef-Press», 2019, 362 p.
6. Lucius Annaeus Seneca. *Nravstvennye pisma k Lutsiliyu*. [Moral letters to Lucilius]. M.: Izdatelstvo «Наука», 1977. Perevod, primechaniya, podgotovka izdaniya S.A. Osherova. Отв. ред. М.Л. Gasparov. Pismo ХСVII.
7. Shestakov D.A. *Vozvrashchayas k bezopasnosti vvidu «otsifrovki» ugolovnogogo prava (v svyazi s dokladom S.Y. Lebedeva 6 dekabrya 2019 goda)*. [Returning to security in light of the «digitalization» of criminal law (in connection with the report of S.Y. Lebedev as of December 6, 2019)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 4 (55), pp. 26–31.
8. Shestakov D.A. *Kriminologiya: prestupnost kak svoystvo obshchestva. Kratkiy kurs*. [Criminology: crime as a social trait]. St.P.: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy universitet, Izdatelstvo «Lan», 2001. 264 p.
9. Shestakov D.A. *Navstrechu pravu protivodeystviya prestupnosti. Stat'i, vystupleniya, otkliki*. [Towards the crime counteraction law. Articles, speeches, feedback]. St.P.: Izdatelskiy dom «Alef-press», 2019. 206 p.
10. Shestakov D.A. *Osnovy ucheniya o protivodeystvii prestupnosti*. [The basics of the doctrine of the crime counteraction]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2019, no. 2 (53), pp. 13–22.

11. *Shishkov A.S.* Slavyano-russkiy korneslov. [Slavic-Russian corneslov]. St.P. Fond slavyanskoy pismennosti i kultury. Izdanie tretye, dopolnennoe. 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ханлар Джафарович Аликперов – доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований (Баку, Азербайджанская Республика); e-mail: xan_alikperov@hotmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Khanlar Dzhafarovich Alikperov – Doctor of Laws, professor, director of the Centre of legal researches (Baku, Republic of Azerbaijan); e-mail: xan_alikperov@hotmail.com

УДК 343.9
ББК 67.51

А.Е. Мизанбаев

НАВСТРЕЧУ ПРАВУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ТРУДА Д.А. ШЕСТАКОВА

Аннотация: Книга Д.А. Шестакова требует серьёзного, вдумчивого анализа. В ней обозначены современные вызовы для страны. Если не ответить на них должным образом – не избежать разрушения государственности. Дмитрий Анатольевич, как автор книги, выступил в большей степени даже не как учёный, а как гражданин своего Отечества, мудрый политик, считающий личным долгом обозначить угрозы для государства, а также предложить пути их решения.

Ключевые слова: криминология; право противодействия преступности; криминология закона; искусство; Россия; Казахстан.

А.Е. Mizanbaev

TOWARDS THE CRIME COUNTERACTION LAW: A READING EXPERIENCE OF THE WORK OF D.A. SHESTAKOV

Summary: The book of D.A. Shestakov requires serious and thoughtful analysis. It outlines modern challenges for the country. If you do not answer them properly, you cannot avoid the destruction of statehood. Dmitry Anatolyevich, as the author of the book, spoke not even as a scientist, but as a citizen of his Fatherland, a wise politician who considers it his duty to identify threats to the state and suggest ways to solve them.

Keywords: criminology; crime counteraction law; criminology of law; art; Russia; Kazakhstan.

Изучение работы Д.А. Шестакова «Навстречу праву противодействия преступности» [3], содержание которой включает в себя статьи, тексты выступлений её автора на беседах Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, представляется занятием крайне интересным и полезным для любого правоведа.

Практически с первых страниц книги ощущается, какое важное место в жизни Дмитрия Анатольевича занимает искусство. Оно питает его творческий потенциал и как преступновед, и как сочинителя. Автор пишет: «В Мариинке, предавшись вдохновляющему вагнеровскому звучанию, на высоком всплеске чувств, я вдруг услышал: а ведь это преступноведение (!), от которого мне никуда не скрыться. Вагнер, не только открыватель звуков, но и либреттист, философ, ставит и по-своему решает вопросы о корнях преступности и преодолении её» [3, с. 28].

Прослушивание оперы наталкивает учёного на философско-криминологические размышления об окружающем мире: из каких частей он состоит, что необходимо сделать человечеству, чтобы изменить его в лучшую сторону. Влияние искусства на юриспруден-

цию, криминологию – предмет отдельного обсуждения.

Д.А. Шестаков имеет твёрдую убеждённость в необходимости использования зарекомендовавшего себя положительно дореволюционного опыта предупреждения преступлений.

Книга освещает многие проблемы криминологии закона – финальной отрасли криминологической школы доктрины преступных подсистем, изучающей взаимообусловленность преступности и законодательства, законодательную преступность, фикцию порождения законом преступления, криминогенные и преступные законы. В криминологии закона критически обсуждаются положения о смене «целей» уголовного наказания и минимизации уголовной репрессии, гуманизации как главным критерии прогресса уголовного права (Д.А. Шестаков), внесудебной репрессии (С.Ф. Милуков), законодательно определённых мерах безопасности (Н.В. Щедрин) [1; 2].

Учёный, опираясь на разработанную им семантическую концепцию, поставил парадоксальный вопрос – о преступности закона, предложил модель «единое законодательство о противодействии преступности» (далее по

тексту также – ЕЗПП), обосновал необходимость «права противодействия преступности» (далее по тексту также – ППП). «Учение о противодействии преступности является составной и завершающей частью общего преступноведческого учения, наряду с теорией преступности и разделами о причинах её воспроизводства. Учение о противодействии опирается на два упомянутых других учения, вытекает из них» [4, с. 13].

В условиях формирующегося глобального миропорядка многие фундаментальные криминологические предложения Д.А. Шестакова крайне актуальны, они требуют внимательного изучения и практического применения. Автор обозначил стоящие перед криминологической теорией особо злободневные задачи:

- разработка научных основ ЕЗПП, соответствующего праву этого противодействия;
- осознание и разрешение проблемы преступности законодательства и, в частности, его криминогенности;
- пересмотр предназначения («функций») уголовной ответственности;
- подготовка научных основ введения уголовно-правовых запретов («криминализации»), уголовно-процессуальных принципов и положений;
- защита от разрушительного зарубежного вмешательства в законотворчество [3, с. 10].

Как справедливо отмечает Дмитрий Анатольевич, «роль криминологии недооценивается во многих юридических учебных заведениях России, лишь некоторые вузы которой имеют кафедры либо лаборатории криминологии. Усвоению науки о преступности не способствует и то, что наши сегодняшние студенты в значительной своей части исключительно потребительски относятся к жизни, не всегда понимают, для чего, собственно, им преступноведение нужно» [3, с. 92]. Более того, «в России, как и за её пределами, сильные мира сего остерегаются развития криминологии, так как оно закономерно приводит к углублению осмысления преступности от обыденного к более глубинным её уровням» [3, с. 92]. Учёный делает вывод, что «преподавать преступноведение сложнее, более трудоёмко по сравнению с уголовным правом. Поэтому большинству преподавателей уголовно-правовых дисциплин связываться с наукой о преступности не хочется. Им лень» [3, с. 93].

Автор видит следующее устройство ЕЗПП. Верхний его уровень – Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним уровень кодексов и законов:

- 1) Кодекс предупреждения преступлений;
- 2) Кодекс (закон?) мер безопасности;
- 3) Кодекс об уголовной ответственности и восстановления положения молодёжи в обществе;
- 4) кодексы – Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный [3, с. 112].

Д.А. Шестаков подчёркивает, что разработка Кодекса предупреждения преступлений рассматривается им в качестве важной составляющей части грядущего единого права противодействия преступности.

В Основах требуется отразить взаимопроникновение установлений новых кодексов с прежними: Уголовным, Уголовно-процессуальным, Уголовно-исполнительным [3, с. 138]. Основы позволят по значимости выстроить лестницу правовых приёмов: некарательное предупреждение; восстановление положения в социуме того, кто через совершённое им преступление выбыл из общественной колеи; наказание; обеспечение безопасности при чрезвычайных обстоятельствах. Это даст возможность создать предпосылки для преодоления первенства уголовно-правовых мер в деле противодействия преступности [3, с. 139].

Автор предлагает изменить цели (функции) уголовного наказания (ответственности), предлагая новые: 1) удержание лица, совершившего преступление, от возобновления подобного (функция защиты человека); 2) реституция (восстановление положения потерпевшего); 3) ресоциализация виновного [3, с. 186]. Фактически эта идея является ответом на вопрос о необходимых нам целях и задачах наказания, который сегодня активно обсуждается.

Обоснованные Дмитрием Анатольевичем меры защиты от разрушительного зарубежного вмешательства в законотворчество, на мой взгляд, заслуживают особого внимания. Автор исследует отдельные конституционные положения России и Казахстана, предлагает рациональные пути разрешения складывающихся противоречий, рекомендации по устранению недостатков в области конституционных на-

чал формирования правовой политики и жизни наших государств. Он останавливает свой взгляд и на достаточно часто неоправданном превалировании положений международных актов над отечественным законодательством.

Идёт процесс глобализации, интернационализации международных, экономических, политических, культурных и иных связей. Да, нельзя замыкаться, изолироваться от внешнего мира, упускать из виду характерные закономерности развития государств и наций, прошедших многовековую путь становления. Правовые системы стран активно взаимодействуют, но, при этом, собственные научная мысль, теории, концепции и доктрины должны занимать своё почётное место в общественной жизни, практике государственно-правового регулирования, исходя из первичности государственных интересов. Например, процесс имплементации в правовые системы России и Казахстана различных положений международного права далеко не всегда имеет продуманный характер. Это приводит к необоснованному забвению отечественных доктрин права и внедрению чуждых нам зарубежных.

В связи с этим заслуживают поддержки следующие предложения Дмитрия Анатольевича об изменении Конституции РФ. Он видит ч. 4 ст. 15 таковой в следующей редакции: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные

договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, «если они (правила международного договора) не противоречат Конституции РФ. В противном случае действует Конституция РФ». Часть 3 статьи 46 Конституции РФ необходимо дополнить словами: «Если решение межгосударственного органа по защите прав и свобод человека в отношении гражданина России противоречит Конституции РФ, то действуют положения, установленные Конституцией» [3, с. 155].

В книге обозначено немало дискуссионных и неразрешённых преступноведческих вопросов, в частности, относительно сущности криминологии, как основополагающей дисциплины среди наук уголовно-правового цикла.

В заключение отмечу, работа Д.А. Шестакова требует серьёзного, вдумчивого анализа. В ней обозначены современные вызовы для страны. Если не ответить на них должным образом – не избежать разрушения государственности. Дмитрий Анатольевич – автор книги – выступил в большей степени даже не как учёный, а как гражданин своего Отечества, мудрый политик, считающий личным долгом обозначить угрозы для государства, а также предложить пути их решения!

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб.: Издательство Юридический центр Пресс. 2011. 75 с.
2. Шестаков Д.А. Криминология на рубеже двух тысячелетий // Вестник Санкт-Петербургского юридического университета МВД России. 1999. № 2. С. 73–77.
3. Шестаков Д.А. Навстречу праву прогиводействия преступности. Статьи, выступления, отклики. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2019. 206 с.
4. Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (53). С. 13–22.

REFERENCES

1. Shestakov D.A. Vvedenie v kriminologiyu zakona. [Introduction to criminology of law]. St.P.: Izdatelstvo Yuridicheskij tsentr Press, 2011, 75 p.
2. Shestakov D.A. Kriminologiya na rubezhe dvukh tysyacheletiy. [Criminology at the turn of the millennium]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1999, no. 2, pp. 73–77.
3. Shestakov D.A. Navstrechu pravu protivodeystviya prestupnosti. Stat'i, vystupleniya, otkliki. [Towards the crime counteraction law. Articles, speeches, feedback]. St.P.: Izdatelskiy dom «Alef-press», 2019. 206 p.
4. Shestakov D.A. Osnovy ucheniya o protivodeystvii prestupnosti. [The basics of the doctrine of the crime counteraction]. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2019, no. 2 (53), pp. 13–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аман Елеусизович Мизанбаев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Костанай, Республика Казахстан); e-mail: elnik-aman@inbox.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Aman Eleusizovich Mizanbaev – Doctor of Laws, professor, professor of the department of law of Kostanay Branch of Chelyabinsk State University (Kostanay, Republic of Kazakhstan); e-mail: elnik-aman@inbox.ru

5. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ МИНЕНОК ПРАЗДНУЕТ 75-ЛЕТИЕ!

Михаил Григорьевич Миненок – доктор юридических наук, профессор, руководитель Калининградского филиала Санкт-Петербургского международного криминологического клуба.

М.Г. Миненок родился 17 ноября 1944 г. в г. Клинцы Брянской области. В 1973 году закончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. В 1977 году в диссертационном совете этого вуза защитил кандидатскую диссертацию на тему «Криминологическая характеристика личности расхитителя и значение её исследования в предупреждении хищений» (научный руководитель – д.ю.н., профессор Нина Семёновна Лейкина).

Работы юбиляра, посвящённые генеральной детерминанте преступного поведения – корысти, с начала 1970-х годов прочно вошли в научный оборот. Эти идеи были развиты и воплощены в докторской диссертации Михаила Григорьевича на тему «Криминологические и уголовно-правовые проблемы корысти», защищённой в родном университете в 1992 году. Они стали доступны широкому кругу специалистов, студентам и всем интересующимся данной проблемой в капитальной монографии «Корысть. Криминологические

и уголовно-правовые проблемы», изданной в 2001 г. в соавторстве с сыном Дмитрием.

С 1976 года юбиляр живёт и работает в Калининграде. Здесь он пустил крепкие корни, 20 лет руководил кафедрой уголовного права и криминологии Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сегодня в должности профессора данной кафедры продолжает щедро делиться со студентами и аспирантами своими богатыми знаниями.

Несомненные заслуги Михаила Григорьевича получили официальное признание: Указом Президента РФ от 17 марта 2008 г. ему присвоено почётное звание «Заслуженный работник Высшей школы РФ», Указом Губернатора Калининградской области от 25 ноября 2009 года № 151 он награждён региональным орденом «За заслуги перед Калининградской областью».

Желаем Вам, дорогой Михаил Григорьевич, крепкого здоровья, больше положительных эмоций, встреч с верными друзьями, в том числе в рамках Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, где Вам всегда рады!

Совет Клуба.

ДАЦИ МАГОМЕДОВИЧУ ГАДЖИЕВУ – 70 ЛЕТ!

Даци Магомедович Гаджиев – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Дагестан, декан юридического факультета Дагестанского государственного университета народного хозяйства.

Д.М. Гаджиев родился 4 сентября 1949 г. в селе Апши Буйнакского района Дагестанской АССР в семье служащего. В 1968 г. окончил Апшинскую среднюю школу. После успешного завершения обучения на физико-математическом факультете Дагестанского государственного педагогического института им. Г. Цадасы в 1973 году начал трудовую деятельность: работал учителем математики и физики, организатором по внеклассной и внешкольной работе махачкалинских средних общеобразовательных школ № 33 и 34.

Окончив в 1981 году юридический факультет Дагестанского государственного университета, по предложению МВД ДАССР перешёл на службу в органы внутренних дел республики, где последовательно занимал должности инспектора, начальника приёмника-распределителя для несовершеннолетних, начальника отделения уголовного розыска МВД ДАССР, заместителя начальника по ре-

жиму и охране Махачкалинской воспитательно-трудовой колонии.

В 1987 г. на юридическом факультете Ленинградского госуниверситета им. А.А. Жданова под руководством д.ю.н., профессора В.К. Глистина защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» на тему «Криминологическая характеристика краж, совершённых несовершеннолетними (по материалам Дагестанской АССР)».

Д.М. Гаджиев работал в аппарате Правительства ДАССР: старшим референтом – ответственным секретарём республиканской комиссии по делам несовершеннолетних, заведующим сектором административных органов отдела планфинадморганов Управления делами Совета Министров ДАССР.

Позднее Даци Магомедович занимал должности главного специалиста, заведующего отделом Правового управления Государственного Совета Республики Дагестан по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами, Секретаря Совета Безо-

пасности Республики Дагестан и заместителя начальника Правового управления Президента Республики Дагестан по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами.

В 1998 году Д.М. Гаджиеву присвоено учёное звание доцента. Им подготовлено более 100 научных работ по актуальным проблемам противодействия преступности. В 2007 году он опубликовал монографию «Особенности предупреждения преступности в Республике Дагестан». Данная книга используется республиканскими органами государственной власти и местного самоуправления, высшими учебными заведениями. Под научным руководством юбиляра защищена одна кандидатская диссертация.

Служебная, общественная и научная деятельность Даци Магомедовича получила государственное признание: ему присвоены звание «Заслуженный юрист Республики Дагестан» (Указ Государственного Совета Республики Дагестан от 21 июля 1999 г.), классный чин «Действительный государственный советник Республики Дагестан 1-го класса»

(Указ Президента Республики Дагестан от 13.04.2009 г. № 69), за достигнутые трудовые успехи и многолетнюю плодотворную работу он награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (Указ Президента Российской Федерации от 20.03.2003 г.).

Юбиляр является членом Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. При его деятельном участии Криминологический клуб и Дагестанский государственный университет народного хозяйства 21 июня 2019 года провели международную беседу «Современное учение о противодействии преступности в местном преломлении», получившую широкое освещение в СМИ.

Дорогой Даци Магомедович! Примите наши сердечные поздравления с юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, покорения новых научных высот!

*От имени Совета Клуба
президент Клуба
Д. Шестаков.*

ЮБИЛЕЙ ЕКАТЕРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ РАХМАНОВОЙ!

Екатерина Николаевна Рахманова – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Е.Н. Рахманова родилась 17 июля 1954 г. в Москве. Её мама – Виктория Мироновна Кудрина – журналист, сценарист документального кино, отец – Николай Николаевич Рахманов – известный фотожурналист, автор более 60 книг и фотоальбомов, лауреат международных конкурсов и выставок.

В 1977 году юбиляр окончила ВЮЗИ (ныне – МГЮА). С 1979 по 1983 г. обучалась в очной аспирантуре Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В 1986 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Криминология малых стран Западной Европы» (научный руководитель – д.ю.н., профессор Г.В. Дашков).

С 1984 по 1988 г. Екатерина Николаевна была адвокатом Камчатской областной коллегии адвокатов, в 1988–1991 г. – работала старшим методистом, начальником отдела кадров Всесоюзного института усовершенствования работников юстиции. В 1995 г. ей было присвоено учёное звание «доцент».

Е.Н. Рахманова начала свою педагогическую деятельность в Московском государственном педагогическом университете им.

В.И. Ленина: старшим преподавателем, стала затем доцентом кафедры права. После работала доцентом, заведующей кафедрой уголовно-правовых дисциплин, заместителем декана юридического факультета Московского городского педагогического университета, в 2004–2006 г. – доцентом МГЮА.

В 2006 г. она переехала в Санкт-Петербург. В 2010 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Защита прав человека от преступности в условиях глобализации» (научный руководитель – д.ю.н., профессор М.М. Бабаев).

Екатерина Николаевна является автором и соавтором более 150 научных и учебно-методических работ по уголовному праву и криминологии. В их числе: «Права человека и криминологическая безопасность» (в соавторстве, М., 2003); «Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ» (М., 2008); «Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования» (М., 2009); «Уголовная ответственность за врачебную ошибку» (в соавторстве, СПб., 2010).

Уважаемая Екатерина Николаевна, примите наши искренние поздравления с юбилеем! Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия и творческого настроения!

Совет Клуба.

ЮБИЛЕЙ НАТАЛЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЛОПАШЕНКО!

Наталья Александровна Лопашенко – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, лауреат Национальной премии по литературе в области права, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии.

Н.А. Лопашенко родилась 28 сентября 1959 года в Борисоглебском районе Воронежской области. Завершила школьное обучение с золотой медалью и поступила в Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского, который с отличием окончила в 1981 г. По результатам учёбы в вузе была рекомендована в аспирантуру СЮИ (ныне – СГЮА), но предпочла ей практическую работу – следователем прокуратуры в Пензенской области.

В 1985 г. поступила в очную целевую аспирантуру Всесоюзного юридического заочного института в Москве. В 1986 г. досрочно её окончила, защитив под руководством профессора Павла Ивановича Гришаева кандидатскую диссертацию на тему «Принципы кодификации уголовно-правовых норм».

В 1992 г. Наталье Александровне присвоено учёное звание доцента. В 1997 г. в диссертационном совете Московской государственной юридической академии она защитила докторскую диссертацию на тему «Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания». В 1999 г. ей присвоено учёное звание «профессор».

Юбилляр считается одним из лучших специалистов в области ответственности за экономические преступления. В сферу её научных интересов входят: уголовное право, уголовная политика, криминология. Она является

автором более 520 научных работ, среди которых: «Принципы кодификации уголовно-правовых норм» (Саратов, 1989); «Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности» (Саратов, 1997); «Бегство капитала из России и его возвращение»

(М., 2003); «Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика» (СПб., 2004); «Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование» (М., 2005); «Уголовная политика» (М., 2009); «Экологические преступления» (М., 2009), «Введение в уголовное право» (М., 2009); «Маргинальная преступность» (в соавторстве, М., 2010), «Посыгательства на собственность» (М., 2012), «Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика» (М., 2018), «Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс» (М., 2019).

Перу юбиляра принадлежат комментарии к разделу 8 УК РФ «Преступления в сфере экономики», главам 22 и 26 УК РФ: «Преступления в сфере экономической деятельности», «Экологические преступления». Под научным руководством Натальи Александровны подготовлены и защищены 38 диссертаций на соискание учёной степени кандидата юридических наук и три – докторских.

Уважаемая Наталья Александровна! Примите наши тёплые поздравления с юбилеем! Благополучия, тепла от Ваших родных, друзей и коллег, дальнейших научных и иных творческих успехов!

Совет Клуба.

К НАШИМ АВТОРАМ

Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» – первый в истории России криминологический журнал. Редакция уделяет особое внимание содержательной стороне представляемых для опубликования материалов.

Наш журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. В начале 2015 года подана заявка на включение журнала в крупнейшую в мире единую реферативную базу данных Scopus.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ РЕДАКЦИЕЙ К СТАТЬЯМ:

1. Представляемая статья не должна быть опубликована или направлена в другие издания.

2. Статья должна быть криминологической, обладать научной новизной и теоретической значимостью, раскрывать значимые вопросы криминологии.

3. Объём статей студентов, аспирантов, соискателей учёной степени кандидата наук – 3–4 страницы формата А4 (до 10 000 знаков с пробелами), кандидатов наук – до 10 страниц (до 20 000 знаков с пробелами), докторов наук – до 20 страниц (до 40 000 знаков с пробелами).

4. Статья оформляется в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003. Набор статьи: верхнее и нижнее поле – по 20 мм, левое – 30 мм, правое – 10 мм. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта основного текста – 14, сносок – 12; межстрочное расстояние – полуторное; абзацный отступ – 1,25. Формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 – Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 – Название). Ссылки на источники и литературу выполняются постранично внизу страницы. Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц – внизу, посередине, на каждой странице.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией, ключевыми словами (объём до 700 знаков с пробелами), пристатейным списком литературы, сведениями об авторе на русском и английском языках. Аннотация не должна содержать в себе вводных уведомлений: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т.п.

6. Статья оформляется в соответствии с прилагаемым редакционной коллегией образцом оформления материала статьи.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ:

1. Для опубликования статьи автор должен отправить заявление (в сканированном виде или оригинале) на имя главного редактора журнала о публикации статьи (форма заявления размещена на сайте Клуба), а также сведения об авторе (в сканированном виде или оригинале) по установленной форме (форма размещена на сайте Клуба) на электронный адрес Клуба: criminology_club@mail.ru или по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, каб. 5–6.

2. Представляемая статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым редакцией к публикуемым материалам.

3. Статья представляется в установленные редакцией сроки:

в № 1 (январь) – до 1 ноября предшествующего года;

в № 2 (апрель) – до 1 февраля текущего года;

в № 3 (июль) – до 1 мая текущего года;

в № 4 (октябрь) – до 1 августа текущего года.

4. Студенты, аспиранты, соискатели учёной степени кандидата наук для опубликования статьи должны представить рекомендацию (в сканированном виде или оригинале), подписанную лицом, имеющим учёную степень и заверенную печатью учреждения или организации. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и делаются выводы о возможности опубликования статьи в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ:

1. В течение 3 (трёх) дней с момента получения статьи автору по указанному им адресу электронной почты направляется соответствующее уведомление.

2. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

3. Главный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Статьи проходят двустороннее анонимное («слепое») рецензирование.

5. В рецензии освещаются следующие вопросы:

– соответствие содержания статьи заявленной в названии теме;

– соответствие современным достижениям науки;

– что нового предлагается автором, научная новизна;

– доступность читателям с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

– знание автором статьи научной литературы по обсуждаемому кругу проблем, в том числе международный опыт.

6. Рецензия должна содержать конкретные выводы:

– целесообразность публикации с учётом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

– в чём конкретно заключаются недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

– заключение о возможности опубликования: «рекомендуется», «рекомендуется с учётом исправления отмеченных недостатков» или «не рекомендуется».

7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

8. Решение о публикации по итогам рецензирования принимается в течение 3 (трёх) месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

9. Рецензии на поступившие материалы отправляются авторам по электронной почте.

10. В случае отклонения статьи от публикации редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ.

11. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

12. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционной коллегией.

13. После принятия редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации редколлегия информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

14. Оригиналы рецензий хранятся в редакционной коллегии и редакции журнала в течение 5 лет.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ:

1. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

2. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в сети Интернет на официальных сайтах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (<http://www.criminologyclub.ru/>), других справочно-правовых системах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

3. Решение об опубликовании или удалении статьи принимает редакционная коллегия.

4. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если автором не соблюдены требования, предъявляемые редакцией, или правила представления статей.

5. Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы разрешаются путём электронной переписки.

6. Редакционная коллегия правомочна осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором.

7. Представленные статьи публикуются бесплатно.

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

Образец заглавия статьи, аннотации и ключевых слов:

В.В. Лунеев

О КРИМИНОЛОГО-АНАЛИТИЧЕСКОМ И СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ЗАКОНОТВОРЧЕСТВУ

Аннотация: Исследователем реальных тенденций и закономерностей преступности, системным и независимым разработчиком новых законопроектов по противодействию преступности должен стать специальный информационно обеспеченный центр, действующий на основе принципов самостоятельности, непрерывности и системности.

Ключевые слова: закономерности преступности; статистика; законотворчество; прогнозирование.

V.V. Luneev

ON CRIMINOLOGICAL, ANALYTIC AND SYSTEMIC AP- PROACHES TO LAWMAKING

Summary: A special information-provided centre relying upon the principles of independence, continuity, consistency must be the researcher of the actual tendencies and crime patterns, system and independent drafter of new crime preventions bills.

Key words: crime pattern; statistics; lawmaking; forecast.

Пристатейный список литературы и сведения об авторе в конце публикации:

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2004.

2. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратьев Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Научный доклад. М., 2001.

3. РАН, реформа, воровство, коррупция // Московский комсомолец. – 2013. – 1 июля.

4. Тезисы выступления П.В. Крашенинникова на Парламентских слушаниях «Актуальные вопросы уголовного законодательства». URL: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (дата обращения: 01.02.2014).

REFERENCES

1. *Beccaria C.* On prestupleniyakh i nakazaniyakh. [On crimes and punishments]. Moscow, 2004.

2. *Goryainov K.K., Ovchinskiy V.S., Kondratyuk L.V.* Uluchshenie vzaimootnosheniy grazhdan i

militsii. [Improvement of relations between citizens and militia. Scientific report]. Moscow, 2001.

3. Rossiyskaya akademiya nauk, reforma, vorovstvo, korruptsiya. [Russian Academy of Sciences, reform, theft, corruption]. *Moskovskiy Komsomolets – Moscow Komsomolets*, 2013, July 01.

4. Tezisy vystupleniya P.V. Krashenninnikova na Parlamentskikh slushaniyakh «Aktualnye voprosy ugovolnogo zakonodatelstva». [Speaking notes of the lecture by P.V. Krashenninnikov at the Parliament hearings «Relevant issues of the criminal law»]. Available at: <http://old.alrf.ru/publication/2009/12article998/> (date of submission: 01.02.2014.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Васильевич Лунеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия); e-mail: luneevvv@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktor Vasilievich Luneev – honoured scientist of the Russian Federation, doctor of Laws, professor, laureate of the State Prize of the Russian Federation, chief research scientist of the department of criminal law and criminology at Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: luneevvv@yandex.ru

Примеры оформления материалов пристатейного списка литературы

Статья из журнала:

Харламов В.С. Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 60–63.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 464 с.

Автореферат:

Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 60 с.

Диссертация:

Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: дис. ...докт. юрид. наук. Л., 1986. 46 с.

Интернет-документы:

Талькова Т. Убийство // Сайт памяти Игоря Талькова. URL: <http://www.talkov.su/murder.php> (дата обращения: 25.11.2012).

Данилов А.П. Родолюбие спасёт мир // Сайт «Crimpravo.ru». URL: <http://crimpravo.ru/blog/1800.html> (дата обращения: 25.11.2012).

Книга без ответственного редактора:

Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001. 200 с.

Книга с ответственным редактором:

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 800 с.

Статья в газете:

Фалалеев М. «Стоп» маршрутке // Российская газета. – 2012. – 10 октября.

А.П. Данилов. КРИМИНОЛОГИЯ: РОССИЯ И МИР.

Санкт-Петербург, ЗАО «Полиграфическое предприятие № 3», 2018. 332 с.

ОТ АВТОРА:

«Давайте вернёмся к истокам. Вновь осознаем принадлежность к великому народу, его культуре, земле, станем почитать родителей, любить Родину. Понимая творящееся зло, не оставайтесь сторонними наблюдателями, противодействуйте ему, пусть даже у Вас для этого не так много возможностей».

КРИМИНОЛОГИЯ: РОССИЯ И МИР

А.П. ДАНИЛОВ

А.П. ДАНИЛОВ

КРИМИНОЛОГИЯ:
РОССИЯ И МИР

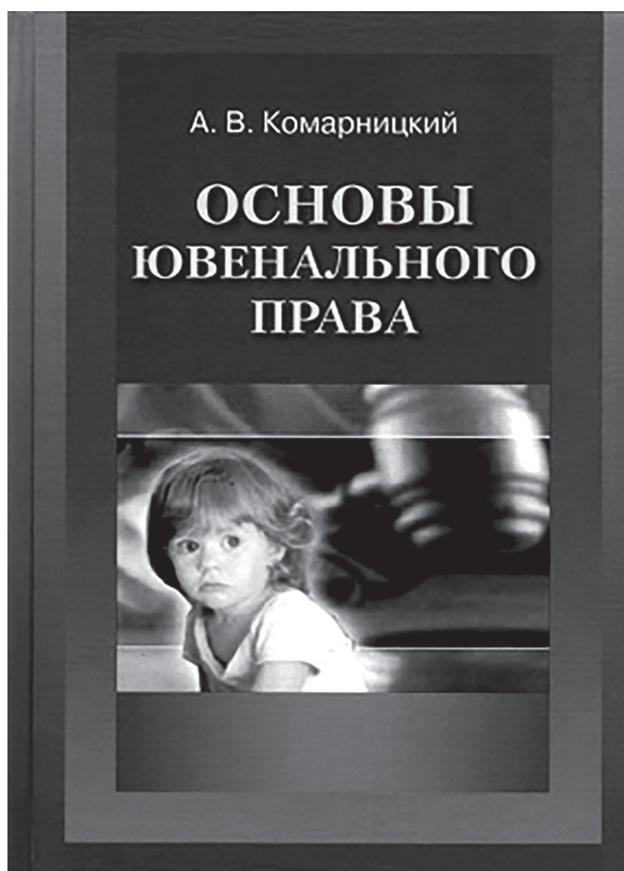
В книге собраны основные научные труды А.П. Данилова, сгруппированные по разделам, соответствующим различным отраслям криминологии: политической, экономической, криминологии закона, здравоохранения, искусства и пр.

Данная книга будет полезна криминологам, политологам, правоведам, а также всем неравнодушным к судьбе России читателям.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

А.В. Комарницкий. ОСНОВЫ ЮВЕНАЛЬНОГО ПРАВА.

СПБ.: ИВЭСЭП, 2011. 524 С.

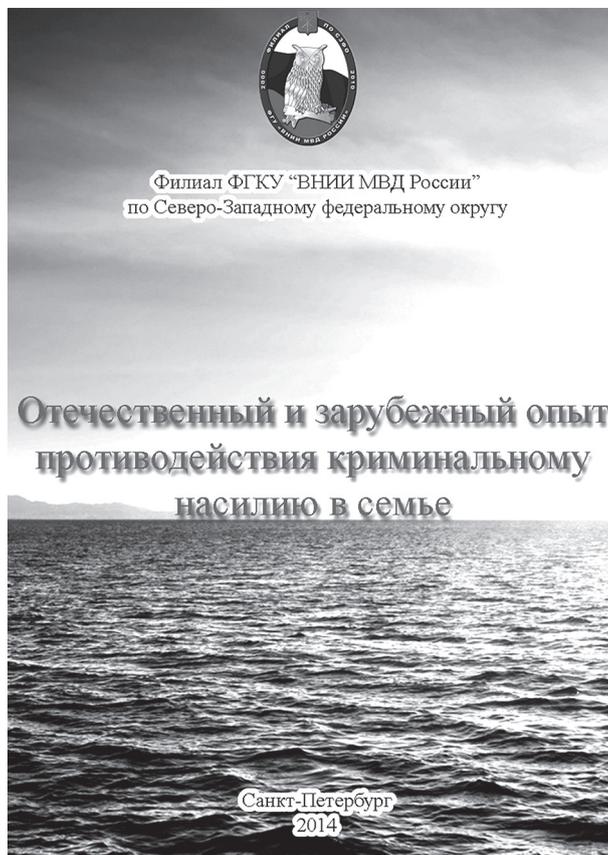
В предлагаемом учебнике анализируются концепция и система формирования в современных условиях ювенального права. Подробно рассматриваются вопросы охраны и защиты прав несовершеннолетних, предусмотренные различными отраслями российского законодательства (конституционного, гражданского, семейного, трудового, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного).

Учебник включает учебно-методический комплекс по дисциплине «Основы ювенального права», содержащий программу курса, планы семинарских занятий, методические рекомендации для студентов по самостоятельной работе, список рекомендуемой литературы, вопросы для самоконтроля, аттестации и глоссарий. Адресован студентам, аспирантам юридических вузов, преподавателям и специалистам, занимающимся вопросами охраны и защиты прав несовершеннолетних.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

В.С. ХАРЛАМОВ. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОМУ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ.

Монография. СПб., 2014. 398 с.

Монография вышла в свет в Международный год семьи (2014).

Рассмотрены историко-правовые аспекты криминального насилия в семье в России и зарубежных странах. Представлены сравнительный анализ состояния, структуры и динамики внутрисемейных насильственных преступлений в различных регионах России, демографическая характеристика жертв насильственных преступлений в семье и лиц, их совершивших.

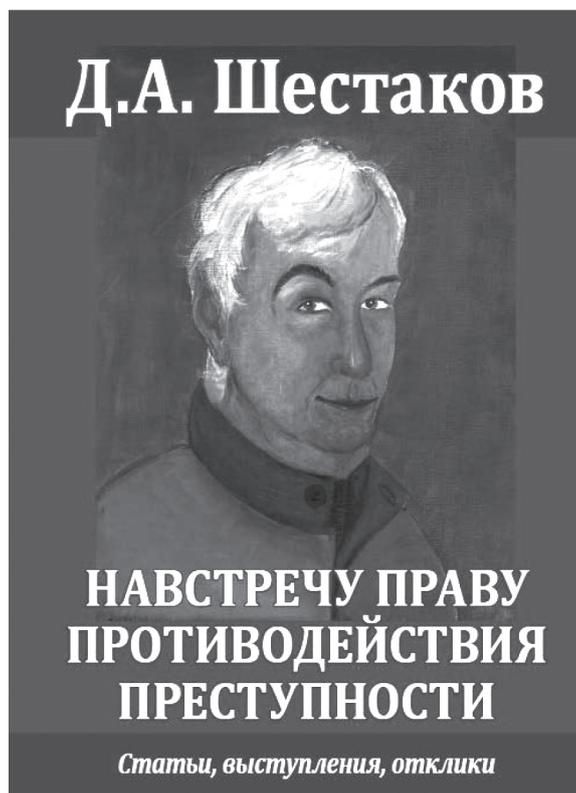
Существенное место в книге занимают концептуальные основы противодействия преступному семейному насилию. Отражена специфика международно-правовой защиты от криминального насилия в семье. Подробно рассмотрена роль органов правопорядка в противодействии данным преступлениям.

Издание адресовано работникам органов внутренних дел, учёным, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами противодействия насильственным преступлениям в семье.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**Д.А. Шестаков. НАВСТРЕЧУ ПРАВУ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ.
СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ОТКЛИКИ.**

СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. 206 с.

Книга представляет собой продолжение труда Д.А. Шестакова «От преступной любви до преступного законодательства». В ней отражён творческий путь автора к его идее единого права противодействия преступности.

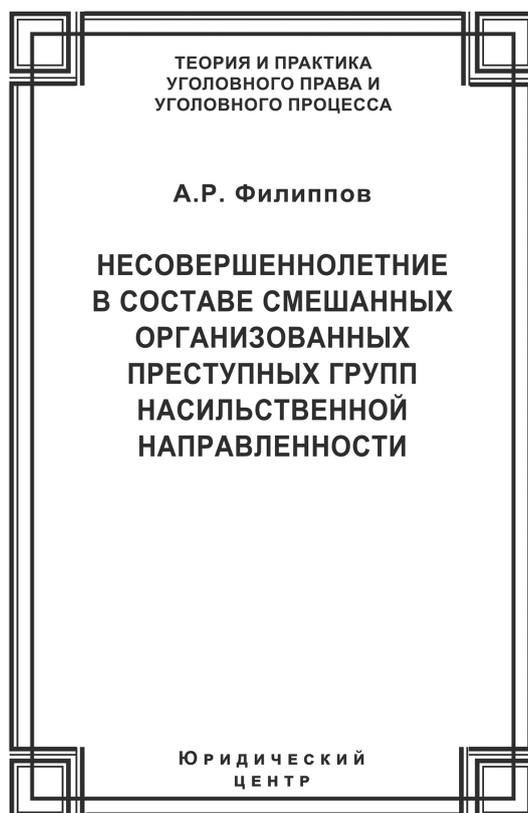
Формулирование этой идеи предварено углублением в преступность сфер семьи, экономики, политики, массовой коммуникации, миграции, искусства, здравоохранения, науки и образования, религии и, что характерно для автора, основательными теоретическими построениями.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**А.Р. Филиппов. НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ В СОСТАВЕ
СМЕШАННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП
НАСИЛЬСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Науч. ред. д-р юрид. наук, проф. С.Ф. Милуков.

СПб.: Издательство «Юридический центр», 2019. 286 с.

В работе предпринята попытка выявления пробелов уголовного законодательства, касающихся деятельности смешанных организованных преступных групп (ОПГ) – с участием несовершеннолетних, сформулированы предложения по устранению нормативных недостатков, а также совершенствованию применения различных норм Общей и Особенной частей УК РФ. Значительное внимание уделено вопросам оптимизации механизмов уголовно-правовой профилактики насильственных преступлений, совершаемых указанной категорией лиц.

Отдельная глава посвящена исследованию теоретических и практических аспектов насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними членами смешанных ОПГ; уточнению причин и условий, способствующих криминальной активности несовершеннолетних; исследованию личностных характеристик несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления в составе смешанных ОПГ; мерам противодействия данным видам преступлений.

Книга предназначена для преподавателей и студентов юридических вузов, может быть полезна практикующим работникам правоохранительной системы, психологам, педагогам, философам, социальным работникам.

По вопросам приобретения книги можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 4 (55), 2019

Формат 60x84/8. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,2.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Трувор».
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., д. 83, офис 335
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru